

На Высоком берегу

Министерство образования и науки Российской Федерации
Сибирский федеральный университет

*55-летию Политехнического
института СФУ посвящается*

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

СБОРНИК ПРОИЗВЕДЕНИЙ СТУДЕНТОВ, ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ И
СОТРУДНИКОВ СФУ
(ЛИТЕРАТУРНЫЙ КЛУБ «ВЫСОКИЙ БЕРЕГ»)

Выпуск 3

Красноярск
ИПК СФУ
2012

ББК 84

Н 12

На высоком берегу: сборник. – Вып. 3 / сост.: Т.И. Блинникова, Л.П. Абрамова; предисл. В. М. Журавлев, В. Н. Конов, Л.П. Абрамова; отв. за вып. Е.Г. Кривоносова. – Красноярск: ИПК СФУ, 2012. – 211 с. с ил.

Представлены произведения студентов, преподавателей и сотрудников СФУ, членов литературного клуба «Высокий берег». В сборник также вошли воспоминания о Политехническом институте выпускников разных лет и стихи гостей клуба.

Редакционная коллегия:

В. М. Журавлев, проф., д-р физ.-мат. наук, директор ИФП СФУ

Л. П. Абрамова – начальник оргтехотдела УК УПРиКП СФУ

Т. И. Блинникова – гл. библиотекарь НБ СФУ

В. П. Казанцева – начальник отдела НБ СФУ, доцент, канд. филос. наук

В.Н Конов, доцент кафедры ПиЭММ, канд. техн. наук

ББК 84

© Сибирский федеральный
университет, 2012

Дорогие читатели!

Вы держите в руках третий выпуск альманаха литературного клуба «На высоком берегу», в котором нашли отражение творческие встречи участников литературного клуба «Высокий берег».

Клуб живет трогательной нежностью своих давних авторов и широтой тем все большего количества друзей.

Читателям – благосклонности к творчеству и любви к сердцу нашей родины – красноярской земле, а членам клуба – вдохновения и новых публикаций.

Всегда Ваш
В. Журавлев

Уважаемые читатели!

Поздравляем вас с 55-летием Политехнического института СФУ и с выходом очередного альманаха «На Высоком берегу». Прошедший творческий сезон и начавшийся новый были посвящены совместным проектам клуба и подготовке материалов для издания нового сборника.

25 ноября 2011г. литературный клуб «Высокий берег» отметил свой очередной день рождения в формате творческого вечера. Нас поздравляли сотрудники научной библиотеки СФУ, клуб «Криофил», клуб любителей поэзии «У Лукоморья» п. Курагино, спортивный клуб ПИ СФУ, городские литературные объединения, ветераны клуба, альпинисты и скалолазы города, наши друзья и поклонники. Нам 13 лет. Порадовала творческая ироничность программы нашего вечера, где все было подчинено самовыражению и общению друзей. Было много творческих подарков в виде остроумных и веселых видеоклипов, видеороликов, красочно оформленных календарей с новогодними стихами-поздравлениями от автора. Клуб получил в подарок цветной витраж, сделанный студенткой ПИ СФУ. Было сказано много теплых и добрых слов в адрес клуба.

Наших единомышленников много в Политехническом институте, в других институтах СФУ, в литературных объединениях города и в регионах края. Мы готовимся к новым творческим свершениям, датам и рубежам.

Обращаясь к прошедшему творческому сезону, хочется отметить активное выступление наших авторов на литературных подмостках города и края. Мы приняли участие в вечере, посвященном памяти диктора краевого радио и телеведущего Александра Бердникова, откликнулись на кончину писательницы, вдовы Виктора Петровича Астафьева – Марии Семеновны Карякиной-Астафьевой. Поклонились памяти самого Виктора Петровича в его доме-музее, участвуя во встрече, прошедшей 28 ноября 2011 года в галерее MIX-MAH под знаком «10 лет без Астафьева».

Члены клуба «Высокий берег» являются традиционными участниками встреч в литературной гостиной Государственной универсальной научной библиотеки Красноярского края (Л.Абрамова, Г.Васильев, М.Дементьев, В.Конов, И.Носков). Клуб поддерживает связи с красноярским альманахом «Часовенка», с газетой «Красноярский литератор», с радиопрограммой Л.Н.Базаровой «Человек. Культура. Общество». В декабре 2009г. на «Радио России – Красноярск» звучали стихи Е.Манзанова, Е.Мальцевой, В.Коновы. Наши встречи в литературном клубе «Русло» нечасты, но они оставляют хорошие чувства; мы приняли участие в творческом вечере руководителя литературного клуба «Русло» – Александра Захарченко (Г.Васильев, И.Носков, В.Конов).

Накануне Дня Победы в Великой Отечественной войне 8.05.2011г. в конференц-зале Сибирского государственного аэрокосмического универси-

тета имени академика М.Ф.Решетнева прошла презентация программы и книги «Была война, была победа». Литературный клуб «Высокий берег» в этом проекте представляли К.Полянский, В.Конов, Е.Желудков. Проект будет иметь продолжение в 2012г. связи с празднованием в России 200-летия Бородинского сражения.

От имени ПИ СФУ и клуба «Высокий берег» в подготовке программы АРТ-фестиваля «Курага-2011», посвященной 385-летию п.Курагино приняли участие Л.П.Абрамова, А.Беккер, Т.И.Блинникова, Т.Прокудина, В.Н.Конов.

От п. Курагино – С.А. Жибинов – глава поселка, С.А.Кнауб – глава администрации, Е.М.Катина – директор Курагинского краеведческого музея.

В.Н.Конов был участником АРТ-фестиваля с 12 по 14 августа 2011 г. в составе клуба любителей поэзии п. Курагино «У Лукоморья».

На открытии программы АРТ-фестиваля 13 августа 2011 г. на стадионе в п.Курагино прозвучали стихи Виктора Конова «Река-судьба», посвященные реке Туба и п. Курагино. В художественной части программы на Курагинском Арбате звучала музыка Андрея Беккера на стихи В.Конова и ее народные варианты. В палатке клуба «У Лукоморья» (рук. Любовь Горланова) был представлен наш литературный сборник «На высоком берегу».

У клуба ограниченные ресурсы, небольшие площади, но большое желание созидать и общаться с единомышленниками. Мы взрослеем, радуемся встречам, формируем свое художественное кредо, аудиторию и сферу реализации творческих находок, нас узнают, и у нас многое получается.

Особое место в наших текущих делах занимают литературные четверги, когда все мы встречаемся на нашем родном «Высоком берегу» в помещении отдела гуманитарной литературы ГЗ-78 в Политехническом институте СФУ под руководством главного библиотекаря отдела по инженерно-техническим наукам НБ СФУ Т.И. Блинниковой.

Творчество авторов нашего клуба заслуживает внимания не только любителей поэзии ПИ и других институтов СФУ, но и литературной общест-венности города и студенческого сообщества в целом, и, надеемся, вносит достойный вклад в многогранную деятельность Сибирского федерального университета.

Поздравляем авторов альманаха: студентов, преподавателей и сотрудников, выпускников Красноярского политехнического института, гостей клуба и наших почитателей с выходом очередного литературного сборника «На высоком берегу» и желаем вам творческих успехов и благополучия.

*Председатель клуба «Высокий берег» Е. Манзанов,
Координатор совместных проектов клуба «Высокий берег» В.Н. Конов*

Встречи в Политехническом продолжаются...

25 ноября 2011 года нашему литературному клубу «Высокий берег» при Политехническом институте СФУ исполнилось 13 лет. Надо сказать, что в нашем вузе всегда существовало некое литературное сообщество, симбиоз физиков и лириков всех возрастных и профессиональных групп. В газете «Политехник» ежемесячно выходила «Литературная страница», где печатали свои творения поклонники поэзии и прозы из числа студентов и преподавателей вуза. К творчеству самодеятельных поэтов и писателей с пониманием отнеслись администрация вуза и библиотеки (директор В.П.Казанцева): благодаря их поддержке 26 марта 1999 года появился первый литературный альманах, как приложение к газете «Политехник», в котором на 12 страницах впервые увидели свет произведения молодых литераторов нашего литературного клуба. Это была проба пера. За последующие годы в свет вышло 16 таких альманахов. Это заслуга Людмилы Павловны Антолиновской, редактора газеты «Политехник». В 2006 году впервые литературный альманах вышел в формате книги. У истоков клуба стоял и Г.М. Цибульский, директор Института космических и информационных технологий. «Я приятно удивлен, что клуб живет и развивается, чему доказательством являются литературные сборники с произведениями студентов, преподавателей и сотрудников», – сказал Геннадий Михайлович в интервью Л.П. Абрамовой, руководителю общественной телестудии «Контур». Людмила Петровна Абрамова сама талантливый и яркий автор прекрасных литературных сборников («Четыре времени жизни», «Главная роль»).

*Участники творческого вечера.
Ноябрь 2009г.*

Литературный клуб многим обязан ей. Она много лет возглавляла вузовскую телестудию «Контур», и ее коллектив снимал все крупные мероприятия с участием нашего клуба. Людмила Петровна сделала о клубе немало ярких и интересных фильмов. Практически в ее фильмах запечатлена вся жизнь клуба.

Клуб жил интересной, насыщенной жизнью: встречи в Доме журналистов, в Доме ученых, выступления с концертами, в общежитиях, в актовом зале вуза, презентация в КИЦ и множество встреч с литераторами, музыкантами и просто интересными людьми.

Презентация литературного сборника «На высоком берегу – 2». 29.11.2009г.

В 2009 году вышел второй сборник произведений литературного клуба в книжном формате. В презентации этого сборника принимало большое количество студентов, преподавателей, сотрудников и гостей клуба. Было много интересных выступлений. С выпуском этого сборника всех присутствующих поздравил почетный президент клуба «Высокий берег» Валентин Михайлович Журавлев, доктор физико-математических наук, директор Института фундаментальной подготовки, человек, знающий и тонко чувствующий литературу, сохранивший в памяти встречи с маститыми поэтами в стенах московского Политехнического музея.

Состав клуба постоянно обновляется, приходят одаренные новички. Клуб продолжает традиции, которые были заложены при зарождении клуба: активное участие в творческих мероприятиях вуза и города, встречи с другими литературными объединениями города и края. Летом 2011 года клуб принял участие в праздновании 385-летия п. Курагино по приглашению курагинского литературного клуба любителей поэзии «У лукоморья». В ноябре этого

же года наши авторы выступили на Дне памяти В.П. Астафьева «10 лет без Астафьева». 27 января 2012 года клуб провел творческую встречу, посвященную памяти Владимира Высоцкого, с литературным салоном «Точка отсчета». На встрече выступил солист фестиваля «Красноярск поет Высоцкого» Дмитрий Целуенко.

Мы приглашаем всех на наши литературные «посиделки». Принять участие в жизни клуба можно любому. Главное – любить слово, родную речь, литературу.

На заседании литературного клуба «Высокий берег» 20.10.2011г

Участники творческой встречи, посвященной памяти В.Высоцкого. 27.01.2012г.

Творческая лаборатория "Высокого берега"

Абрамова Людмила Петровна

Выпускница механического факультета Красноярского политехнического института. Начальник оргтехотдела УК УПРиКП СФУ. Автор гимна Профессорского собрания Красноярского края и названия этого альманаха. Активная участница литературного объединения «Высокий берег» и автор названия клуба. Увлечения: писать стихи, делать фильмы, петь песни, читать книги. Публикации в газетах «Красноярский рабочий», «Красноярский комсомолец» и др. Автор двух замечательных литературных сборников: «Четыре времени жизни», «Главная роль».

Василий

Он был очень хорош собой: высокий, статный, с яркими глазами, мягкой походкой. Имелся лишь один недостаток – отвратительный характер: наглость, хитрость, презрение к окружающим, стремление добиваться своего любыми средствами. Но, несмотря на эти качества, а, может, благодаря им, от поклонниц у него не было отбоя. Сам он вряд ли кого-нибудь любил, если речь идет о любви бескорыстной. Он мог только предпочитать. Нельзя сказать, что он был таким с рождения. Когда отец принес с шахты маленький серый комочек, никто и предположить не мог, в какого монстра он вырастет. Почему-то его сразу стали звать Василием, что резко выделяло его из ему подобных. На Ваську он не откликался, только неприязненно дергал хвостом.

Где-то я читала, что кошки – неземные животные. Так ли это – трудно сказать. Земной была собака Найда, она без памяти любила своих и защищала дом от чужих. Она, с трудом освободившись от ошейника, бежала встречать отца с работы. Если он притворялся больным и лежал на скамейке, она стягивала с него кепку, несла домой, бросала ее на крыльцо, вцеплялась зубами мне в подол и тащила к отцу. У него, конечно, всегда был для неё сахарок. Или мороженое, или косточка. Здесь любовь была взаимной. Земными были коровы и телята, куры и цыплята. Корова в обмен на ласку давала молоко, теленок рос, чтобы семья зимой была с мясом, куры неслись, цыплята, радуя глаз, желтыми шариками катались по клетке и на призывное «цып-цып» друг по дружке устремлялись к пшену или мелко нарезанной картошке. Весь животный мир жил в согласии. И только Василий, а именно из-за него цыплят заточали в клетку, а куриные яйца забирали из-под курицы еще теплыми, был сам по себе.

Мама его не любила, как не любила вообще всех кошек, но представляла для маленького деспота интерес: можно разжиться чем-нибудь вкусненьким. Он поначалу пытался расположить ее к себе, принося в доказательство

своей преданности семье полупридушенного мышонка, но, поняв тщетность усилий, оставил эти фокусы и отвечал тем, что просто терпел её, не упуская случая сделать гадость. Некоторые гадости были мелкие, другие отличались почти человеческой жестокостью. Он не жаловал гостей, посещающих ЕГО территорию, но особенно не терпел соседку, которая захаживала чаще других. Как он узнавал, что идет именно она, трудно сказать. Но, едва она приближалась к воротам, он залезал на антресоли и ждал. Стоило ей показаться в дверях, он мягко сваливался бедной визитерше на голову, скатывался по ней и удирал от наказания. Визиты прекратились после одной, совсем уж безобразной выходки. Соседка пришла показать новую шапку из рыжей лисы. Начало не предвещало беды: Василия не было дома. Он явился позже, когда мама с соседкой пили чай. Как он залез на вешалку, где на полке красовалась замечательная покупка, остается загадкой. Но то, что он сделал, отгадки не требовало. Он просто «надул» в шапку, причем столько, что подклад промок насквозь! О запахе я уж молчу. Соседка с причитаниями «Ну, за что он меня так не любит?», покинула Васильеву территорию и никогда больше не заходила в дом, ограничиваясь общением через забор. Видимо, нелюбовь так же невозможно объяснить, как и любовь!

Отец питал к Василию нежную привязанность, он вообще был человеком добрым, и наша дворовая живность отзывалась на его доброту. Когда он подходил к нашей кормилице Зойке, звал её по имени, она отвечала мычанием и протягивала шею для почесывания. Теленок бодался рожками, но не сильно, а играя. Василий эти нежности переносил с трудом. Отец должен был принадлежать только ему! Была это любовь или обыкновенная корысть, я не могу сказать: отец слыл заядлым рыбаком, а коты, сами знаете, к рыбе равнодушны. Отец ездил на рыбалку в любую погоду. Ближайший водоем был километрах в двадцати от города, но ни дальность, ни мороз в тридцать градусов не останавливали его. В день рыбалки с Василием творилось что-то невероятное: он отменял все встречи, во время сборов отца описывал «восьмерку» вокруг ног, мяукал каким-то особым образом, заглядывал в глаза, трогал лапой, терся боками. Когда отец завтракал, котофей стоял рядом, положив ему лапы на колени, и не сводил преданных глаз. Ну, как не любить такую скотинку? Отец уезжал, а Василий сворачивался на кресле калачом и ждал. Он не ел, не спал, не реагировал на призыв попить молочка, он ждал! Часов в восемь-девять вечера он вдруг менялся, спрыгивал с кресла, начинал медленно, потом быстрее ходить туда сюда по ковровой дорожке. Морда его выражала крайнюю озабоченность. Еще не было слышно треска мотоцикла, а он уже метался по дому, как бы говоря: ну, что же вы, хозяин едет, а вам хоть бы что! И вот - мотоцикл остановился у ворот, котяра уже орал благим матом и скреб косяк. Я шла открывать дверь, а Василий снова преображался: теперь это был равнодушный, чуждый волнения субъект. Отец появлялся вместе с облаком холода, весь в куржаке, в сосульках, из-под снежноиндевелой маски

блестели глаза – единственно живое в этом Дед Морозе. Тулуп на его груди топорщился, отчего он выглядел горбатым спереди. И что вы думаете, там, под шубой, было? Кот, конечно, знал. Он внимательно смотрел на меня, ведь именно я должна была принести таз и налить в него воду. Когда всё было готово, отец доставал из-за пазухи резиновый мешок, целлофановых тогда не было, развязывал его и со словами: «Смотри, Василий, что я тебе привез!» выпускал живых ершей и окуньков в воду. «Ну и что? – отворачивал морду кот, – Эка невидаль, рыба в тазу!». Но эта демонстрация равнодушия длилась недолго, инстинкт брал верх. И кот боком подходил к тазу, брезгливо трогал лапой воду и – начиналось! Он самозабвенно гонял рыбок, подскакивал, выгибая спину, прыгал через таз, рычал, топорщил усы, бил лапой по воде и по рыбе, короче, бесновался. Отец, постепенно оттаивая не столько от домашнего тепла, сколько от Васькиного безумства, счастливо улыбался, и в этом был весь он.

Однажды, уже учась в институте, я приехала домой на каникулы. Василий стал старше и ещё несноснее, хотя, услышав: а не пострепать ли нам пельмени, он по-прежнему вздрагивал всем могучим телом и начинал заинтересованно похаживать на кухню, надеясь унюхать мясо. Теперь он признавал только отца, на всех остальных презрительно приподнимал правый ус и возил по полу хвостом. Он обожал смотреть телевизор, усевшись в самом неподходящем месте. Я не знала об этом новом пристрастии и, когда увидела, как он следит за футболом на экране, крикнула:

– Папа! Смотри-ка, Василий... – но договорить не успела, это мерзкое создание взвилось, упав прямо мне на грудь, и повисло, уцепившись за кофту. Я испугалась и закричала. Отец вбежал в комнату и со словами:

– Люда, Василий не любит, когда ему мешают смотреть футбол! – бережно снял с меня кота, который ещё и пожаловался на свою тяжкую долю, потыкав отца носом. Потом, как ни в чём ни бывало, продолжил «болеть».

– Ну, пап, вы просто с ума посходили с этой скотиной! Кто здесь глава семьи?

– Не он, – сказала мама, указывая на отца.

Папа виновато сгорбился, взял кота на руки, сел в кресло, и они стали смотреть футбол вместе. Человеку необходимо, чтобы его кто-то любил...

Василий жил долго, лет пятнадцать, а умирать ушел куда-то. Видно, правда, кошки и тем более коты – неземные животные.

Вечному солдату

Стоит на высоком пригорке,
И в стужу, и в дождик, и в зной,
В солдатской простой гимнастерке
Парнишка совсем молодой.

И вид у него не военный,
Лица не суровы черты,
Он смотрит на город весенний
С последней своей высоты.

Он видит цветущую землю,
Мосты над рекою парят.
Веселая майская зелень
Вплелась в подвенечный наряд.

А он не вернется к невесте,
Не скажет: «Родная моя!»,
С печальной отметкой «Груз 200»
Он прибыл в родные края.

Не станет он тем, кем мечталось,
В июньский счастливый денек,
И матери с батей под старость
Не будет опорой сынок.

В том пекле, Богами проклятом,
Сгорел он и в небо взлетел,
Чтоб вечно остаться солдатом
На вечной своей высоте.

Не будет он ночью бессонной
С подружкой счастливой гулять,
И свадебный марш Мендельсона
Ему не дано услышать.

Покатилось, покатилось
Моей жизни колесо.
Ну, зачем, скажи на милость
По ухабам понесло?
Понесло, мелькают спицы
Летом, осенью, весной...
Может, все мне только снится,
Может, это – не со мной!

Но уже не остановишь –
Все быстрее день ото дня!
К поворотам жизни новым
Колесо несет меня.
Колесо несет упрямо,
Не сдержать его никак:
На пути его - то яма,
То болото, то овраг!

То накренится опасно,
Чиркнет ободом бордюр,
То рванет навстречу счастью,
То устроит перекур
И тихонько, осторожно
По дороге поползет...
И предвидеть невозможно,
Что случится наперед!

То со скрипом и с натугой
Тянет в гору груз забот,
То покатится упруго,
Только спицами блеснет!
Вот – опять закувыркалось,
Закрутилось, затрясло.
Видно, напрочь оторвалось
От фортуны колесо.

Как же с ним договориться,
Как его отладить ход,
То ль с врагами примириться,

То ль совсем наоборот.
Кто подскажет, кто научит,
Кто укажет верный путь?
Колесо скрипит: «Ты лучше
Полюби кого-нибудь!

Полюби – и в сердце радость
Будет радугой цвести!».
От любви мне уж досталось,
Уж уволь меня, прости!
Так вот утром, днем и ночью
Размышляю обо всем:
Несговорчивое очень
Мне попало колесо!

Только что был понедельник –
И вот уже пятница!
Время-река в беспредельность
Стремительно катится.
Только что радость плясала
В обнимку с гармошкой,
Сердце смеялось и ждало
От жизни хорошего.

Только что солнце сияло
И вот – луна на небе.
Радугой счастье играло,
И вот уже – на тебе!
Только что песня звенела,
И вот уже плачется:
В небо душа улетела –
И в списках не значится!

Вечерний город

Я иду по вечернему городу,
Солнце остро блестит сквозь листву.
На скамейке старик гладит бороду,
Словно грезит о том наяву,
Что бывало в года незабвенные
И оставило памятный след,
И с улыбкою детской блаженною
Ловит он ускользящий свет.

Вот девчонка с глазами восточными
И, быстра, словно горный ручей,
В легкой маечке, в джинсах с цветочками,
И пока что цветочек ничей!
Не прическа – торчащие хвостики,
Голубой рюкзачок за спиной,
Восхищенные взгляды – всё попусту,
Она счастлива этой весной!

Вот навстречу влюбленная парочка,
Белый ангел над нею парит.
Парень шепчет на ушко – неважно, что,
Важно то, что душа говорит!
И подружка склонилась доверчиво,
И без слов её ясен ответ –
Столько счастья в глазах её плещется,
Так прекрасен неброский букет!

Я иду по вечернему городу,
Солнце нежно скользит по щеке.
Улыбаюсь без всякого повода
С первой собственной книжкой в руке!
А весна рассыпается бликами
По домам и по синей воде.
Расцветает добром и улыбками
Славный город счастливых людей!

Проносится время...

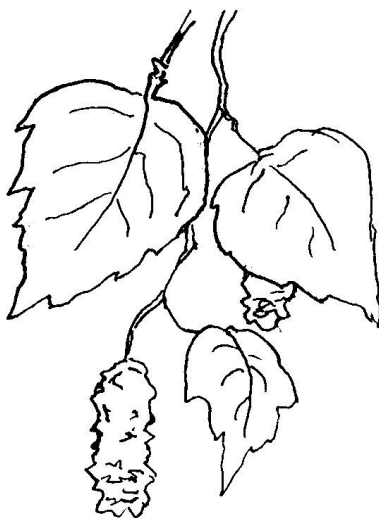
Проносится время стрелой невозвратной,
Все чаще сменяется осень зимой,
Но с мартовским солнцем приходит опять к нам,
Что и предначертано жизнью самой.

Приходит надежда, что все состоится:
И встреча, и нежность, и море цветов.
Из теплых краев перелетною птицей
Вернется надежда, вернется любовь!

Согреется сердце невиданной лаской,
Нечаянным взглядом взбунтуется кровь.
Мы снова поверим в весеннюю сказку,
Где все – про царевну и все – про любовь!

И талой водой унесет все напасти,
И вновь запоют юных дней соловьи!
Ведь все мы живем в ожидании счастья,
И все мы живем в ожиданье любви!

Вплетает береза в зеленые косы
Шелк синих небес, и, видать по всему,
Что сердце с годами не старится вовсе,
Но мы не признаемся в том никому!

Последнее половодье

В Сибири тает снег, и реки набухают,
И вместе с серым льдом деревня поплыла.
Весна у нас всегда внезапно наступает,
Как, впрочем, и зима. Такие вот дела...

Природных буйство сил проснулось нынче рано:
Беснуется вода – куда ни бросишь взгляд.
Тревожные слова несутся к нам с экрана,
И дядька - МЧС ругает всех подряд.

Ругает Енисей за то, что полноводный,
И бабку, что свой дом так близко возвела.
Да был бы это дом – сарайка допотопный,
Но до потопа в нем вся жизнь ее прошла.

Построил дом отец давно, еще в двадцатых,
Блестели поутру на солнце три окна,
Но мало в нем пожил, ушел на фронт солдатом,
В чужой земле его оставила война!

Жених ее погиб в бою под Бухарестом,
В израненном Ил-2 остался среди звезд.
Так ей и не пришлось надеть наряд невесты –
Немного мужиков вернулось в их колхоз.

А видная была, да сердцу не прикажешь,
Хоть сватали её, но замуж не пошла.
И в зрелых уж годах вдруг вспыхнула однажды,
Но он женатый был. Такие вот дела...

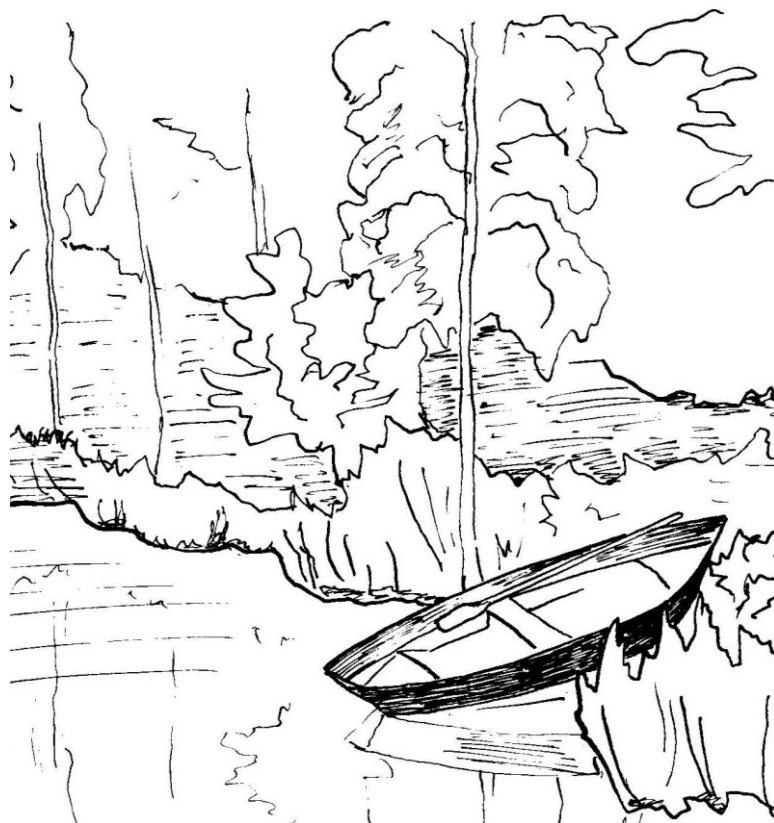
Бежал за годом год в работе и в заботе,
Сама себе она и баба, и мужик.
Подправить надо дом – не первый раз уж топит,
Да каждый на селе к такой беде привык!

Но в этот год река бунтует не на шутку:
По самое окно полощется вода.
И бабка, как была, в платке и полушубке
На лодке поплыла неведомо куда.

Никто её не ждет, теперь вот нет и дома,
Его уж не поднять - ни сил, ни денег нет.
И Бога бы спросить: за что такая доля?
Но вряд ли даже Бог на это даст ответ.

А дядька - МЧС кричит: «Держись, бабуса,
Уйдет вода, и ты опять вернешься в дом!»
«Нет, милый человек, сюда уж не вернусь я,
Мой дом уже уплыл за этим серым льдом».

Натруженной рукой она слезу смахнула:
Ну, вот, всю жизнь мою вода и унесла...
И, отвернув лицо: «Уж лучше б утонула,
Чем это пережить». Такие вот дела...

Детство

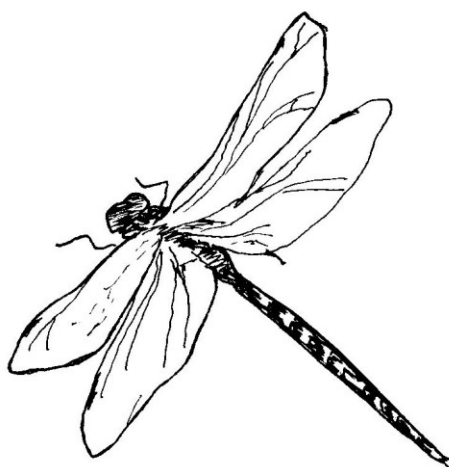
Как бы я хотела вновь проснуться маленькой
В нашем домике в уютном городке,
И чтоб солнышко меня сквозь щели в ставенках
Теплым лучиком лизнуло по щеке!

Чтобы Васька – беспородный полосатый кот,
Тяжело запрыгнув, лег у ног моих
И, похрапывая сладко в свой пушистый хвост,
Вспоминал во сне о подвигах ночных.

Чтоб, стараясь не шуметь, не разбудить меня,
Печку выставшую затопил отец,
И спросил на ушко, одеяло приподняв:
«Тебе блинчик с кружевами или без?»

«С кружевами, с кружевами! Заводи уже,
Только сильно не греми сковородой,
Чтобы мама не проснулась!». А в моей душе
Словно лучик разгорелся золотой!

И купаюсь я в потоке счастья детского:
Лучик в сердце, теплый лучик на щеке,
Словно ласковое море плещет волнами
В нашем маленьком уютном городке.

Сон Золушки

Октябрь – не повод для печали,
Когда в душе цветет весна,
Когда Ее вы повстречали,
Когда вас встретила Она!

Кружат снежинки в легком вальсе,
Цыпленок скачет по луне.
«Скажите, сударь, а не вас ли
Я нынче видела во сне?

Не вы ли с туфелькой хрустальной
По пыльной улице прошли,
И в бедный домик наш случайно,
Без тайной мысли забрели?».

«Примерьте, милая девица,
На ножку нежную свою
Сей башмачок», – а сердце принца
Уже кричит: «Я узнаю!

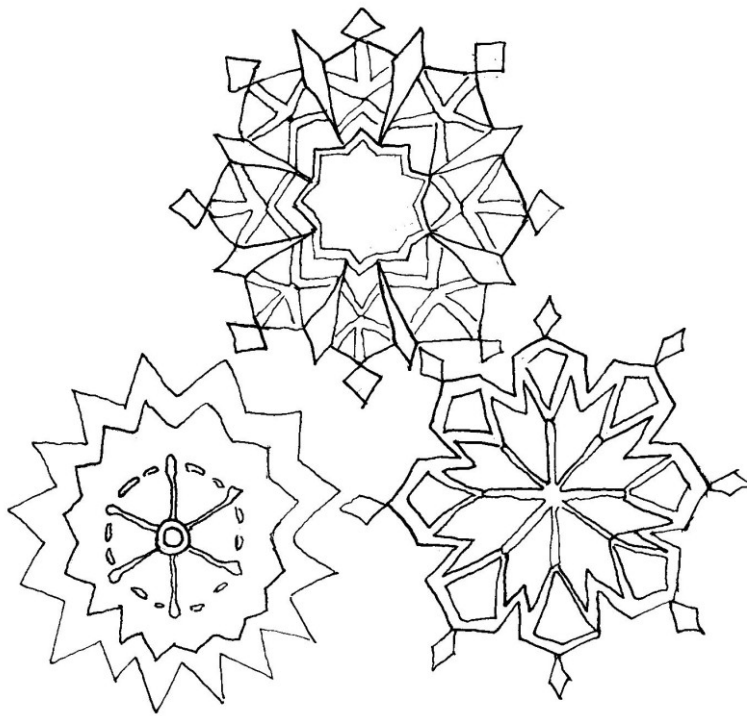
Я узнаю тебя, принцесса,
Твой тонкий стан, соболью бровь,
Отныне ты – моя невеста!
Слуга, карету приготовь!».

Мне башмачок пришелся впору,
И вот второй надет уже!
И я стою пред жарким взором
С таким смятением в душе,

Что слезы просятся наружу:
В его руке рука моя!
Но тут чудесный сон нарушил
Трезвон будильника, и я,

В себе предчувствие лелея,
Боясь видение спугнуть,
Босая, бросилась с постели
К окну осеннему прильнуть.

И вдруг в снежинок белом вальсе
В густой толпе неясных лиц
Я вдруг увидела, не вас ли,
Не вас ли, мой прекрасный принц?

Весенняя песенка

Какая длинная зима – туман и холода,
Но есть надежда, что она у нас не навсегда!

И я признаюсь, иногда бывала всей душой
В уныние погружена, а это грех большой!

Бывало, тусклая заря во мне рождала грусть,
Но то, что день пройдет не зря, я знала наизусть!

Бывало, полз с реки туман и солнце заслонял,
И друга близкого обман в отчаянье вгонял.

Я не жалею ни о чем – что было, то прошло,
И с первым ласковым лучом растаяло, стекло.

Стекло к большой-большой реке, а с нею – в океан,
И стало чисто в уголке моих душевных ран.

Я улыбнусь своей судьбе и мне – судьба в ответ,
Ведь ничего с судьбой в борьбе сильнее улыбки нет,

Ведь до того, что в сердце грусть, нет дела никому!
Я, стиснув зубы, улыбнусь и руку подниму:

Привет, друзья, весна пришла! Вы с серых омут луж
Минувших дней ненужный хлам стряхните с ваших душ!

Вздохните ветер перемен и отправляйтесь в путь
Из за зиму промерзших стен! Куда? Куда-нибудь!

Куда-нибудь, где рады вам, где солнце и цветы,
Где вольно сердцу и глазам, где сбудутся мечты!

Ведь в вашей книжке записной есть адрес в те места!
Я поздравляю вас с весной! С весной вас, господа!

Первая любовь

Первая любовь настигла меня по дороге из школы домой. Я – девочка-отличница, певунья, общественница, примерная во всех отношениях, родительская гордость. Несу домой «пятерки» в дневнике и в тетрадках, напеваю «Кто может сравниться с Матильдой моей...» – в вокальном коллективе мы пели только классику, и вдруг из-за угла вырывается первый в школе, да и вообще в нашем околоте, хулиган Генка. Легким, но точным пинком он подбрасывает мой портфель, портфель раскрывается, тетрадки вываливаются, и по ним расплывается пятно из чернильницы-непроливашки. Да-да, это было то время, когда мы писали тонким перышком, такая его в чернильницу, и наш почерк был если не каллиграфическим, то уж читаемым – точно. Так вот, портфель раскрылся, и из него всё вывалилось, в том числе и линейка, обычная деревянная линейка. Она-то и стала орудием возмездия! Я схватила ее и изо всех оскорбленных сил треснула обидчика ребром линейки по голове. Он как-то враз перестал хохотать, и с воплем: «Ты чё, дура совсем?!» – кинулся на меня с кулаками. Я приняла бой, вцепилась ему в волосы и почувствовала, что они липкие. Рука моя была в крови. Я заорала благим матом, испугавшись за него. Он тоже испугался, думая, что сильно меня ударил, а я трясла красной рукой у него перед лицом: «Это твоя кровь, я тебе голову разбила! Надо скорее йодом помазать!» «Помажь себе...» – и он прямо указал на часть тела, которую я должна себе помазать. Я осталась собирать в портфель своё поруганное имущество, а он побежал домой. Вряд ли за йодом, просто драться дальше было бессмысленно и, как выяснилось, опасно: в хрупком теле отличницы прятался боевой дух!

Дома мне, конечно, от мамы попало, а отец похвалил, что не дала себя в обиду. Инцидент закончился вызовом моих родителей в школу, мать Генки по причине «выпивши» на вызов не откликнулась.

А через неделю на уроке мне пришла записка: «Лютка я тебя люблю давай дружить сама знайшь кто». Столько ошибок мог наделать только один ученик, и я знала, кто. Тем более что такой красивый и отчаянный пацан был один на всю школу и даже на весь околоток! И сгорело бы сердце третьеклассницы в любовном пылу, да мама вовремя заметила, что кто-то бросает камушки в ворота, и в ответ – мои частые вылазки на улицу. Она нагрозила меня работой по дому и речами о будущем некоторых хулиганов. Теперь папа провожал меня на репетиции и терпеливо ждал, чтобы сопроводить домой. Хотя и догадывался, что меня вряд ли кто тронет, ведь моим защитником был «сама знайшь кто».

До сих пор храню эту записку и помню его лицо, дерзкий взгляд и развалистую походку хозяина. Жаль, очень жаль, что мамино предсказание сбылось: будущего у него не было...

Александрова Галина

Техник кафедры философии ИФП.

«Для того чтобы быть гармоничным человеком, необходимо внести мир в свои эмоции».

«Раз невозможно изменить обстоятельства, нужно изменить своё отношение к ним».

Ибо одна из главных задач нашей жизни – все негативные чувства гнева, зависти, ревности, злобы превратить в любовь! А так как любовь является основным мотивом для созидания, необходимо превозносить свою любовь к людям и культивировать её в себе. Ведь любовь даёт ощущение счастья и чувство тепла, а тепло плавит лёд непонимания, недоверия, обид.

Счастье – это солнце, которое всходит внутри нас!

Поэтому своей любовью я хочу поделиться с другими.

Моя радость - получать, моя радость – отдавать!

Птица на воле поёт о любви.

Птица в клетке поёт о свободе.

Я ладони протяну –
Радость ты моя,
К твоим пальчикам прильну,
Счастья не тая.

Девочка весенняя –
Лучиков тепло,
Ангельское пение,
Дождичек в стекло.

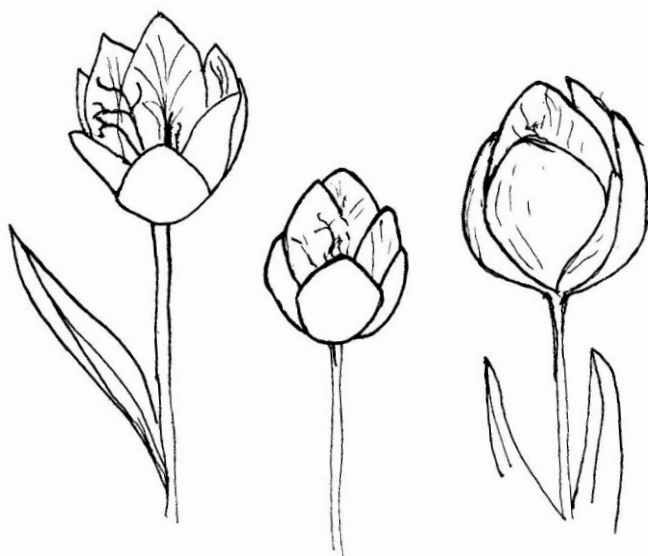
Солнечная, светлая,
Как ромашка милая,
Звёздочка рассветная –
Внученька любимая.

*Ангелина – праведная
(греч. – вестница, польск. – королева)*

Ты пришла такая милая –
Вся цветочек луговой,
Закружила, окрылила,
Как звезда над головой.

Королева или вестница
С нежным именем святым...
Счастье радугой засветится,
Уплывет печаль, как дым.

Ангелина-Ангелочек,
Ангелинушка моя,
Словно аленький цветочек
Мне улыбочка твоя!

Небо – море – поле – лес –
Всё впитала от рожденья...
 Словно чудо из чудес –
 Неземное притяженье.
Эти листья и трава –
Изумрудные слова...
 Ничего в них не поймёшь –
 Лепестков лишь нежных дрожь!

Когда пьянящая свобода
Почти до неба поднялась,
Возникла, из какого рода,
Эта божественная связь.

Когда твой лик, почти ребёнка,
Во мне таинственно возник,
Вдруг зазвучал светло и звонко
Волшебной музыки родник.

Давай забудем про года...
Пусть в час возвышенных прощений
Избавит нас от прегрешений,
Омыв, крещенская вода,
 И не осудит никогда.

Туман висит над берегом, и небо мглой окутано,
А ночь такая длинная умрёт лишь поутру.
Рассвет стоит под окнами, и тополя, как будто бы
Кивая спящим улицам, играют на ветру.

Пригоршнями истерзанные думы
Разбрасываю по крутым волнам.
Души своей очищенные трюмы
Ни за какие сказки не отдам.

Выйди в сад подышать
Лунной свежестью, пряною мятой,
Где от жара в груди сердце тает, как лед,
Где блестят, словно искры,
Холодные звезды заката,
И горчит поцелуя на губах дикий мед!

Ах, какая наивная я,
Так и слушала бы соловья.

Он свистел и в глаза мне глядел,
То порхал, то садился на ветку,
Всё хотел, чтоб и я к нему в клетку...
О любви только спеть не сумел.

Какой разбег – 20-й век!
Какой полёт – век 21-й!
Чтоб ни о чём не пожалеть
На самом пике своих нервов,
Неповторимый человек!

Как бездомную собаку,
Ты меня прогнал.
А потом не просто плакал –
Раненый стонал.

Сколько слов горячих, резких
В трубку прокричал...
Вот удавочка из лески –
Ревности причал.

Но, идя по жизни смело,
Терпишь да молчишь,
И шипами розы белой
Уколов, простишь.

Тронешь сладкими губами
Сонную меня...
Это молния меж нами
Рокового дня!

Алексеева Наталья Анатольевна

Профессор кафедры КИПР ИИФиРЭ Наталья Анатольевна Алексеева обладает множеством достоинств, в том числе чувством юмора и отстраненной самоиронией. Вкупе с широким кругозором это помогает ей многое видеть в истинном свете и находить верные решения.

Время

Зачем, куда торопим время?
На свете плохо просто жить?
Дышать, ходить по белу свету,
Смеяться, плакать и любить.

Хватаем, строим, покупаем...
Скорей, скорей, скорей, скорей...
Безумно Время расточаем,
Как будто много этих дней.

Как дети, словно и не зная,
Что нам отпущен краткий срок,
Трясем часы, играя с жизнью, —
Быстрее бы сыпался песок.

И, лишь когда совсем немного
Нам остается до конца,
Мы молим о продленье срока
Врачей, чертей, судьбу, Творца.

Что ты увидел, что оставил,
Кому помог, кого любил,
Кому небезразлично станет:
Ты жив или уже ты жил...

Но всех плохих и всех хороших,
И даже вовсе никаких
Нас время вечностью сравнивает,
Все, что нас мучило, уладит
И примирит с собой самих.

Мы славно пожили, ребята!
Работа, дом, труды, печать –
Всё с нами, так или иначе.
Друзья, чего ж ещё желать?

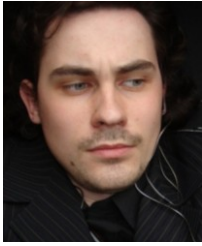
Судьба нас так и сляк крутила,
Но научила выживать.
Теперь мы всё о жизни знаем –
Друзья, чего ж ещё желать?

Конечна жизнь, иль бесконечна,
Как в ней себя определять –
Решенье есть. Проблема вечна.
Друзья, чего ж ещё желать?

Но если там, за горизонтом,
Мы сможем встретиться опять
В среде душевной и высокой –
Друзья, чего ж ещё желать?

И, обменявшись быстро мыслью,
Кто где и что теперь почем,
Придем в восторг, друзья, – мы мыслим!
Немыслимо, но мы живем!

Беккер Андрей

Аспирант Института инженерной физики и радиоэлектроники СФУ.

Проклятое искусство

На сердце
Проклятое искусство
В запредельное приоткроеет дверцу.
Когда на душе серо – оно и в мозг отдаётся нечистотами и отбросами.
Мысли как будто сдобрили медными купоросами (облили мозг "синькой")...
Музыка «чистит», «clean'ит» душу...
Как и занятия ушу...
Учит новому: не предавать, не быть жадным – уметь жертвовать собой ради неоспоримых идеалов,
НеФормалов, и прочих – ищущих жизни смысл,
что-то более мудрое, чем привычная форма высшего разума на Земле – человек – поток сознания более мощного течения высшей психофизической материи.
Ведь мысль – она материальна, а не виртуальна, вопреки всеобщей истерии по поводу материализма и идеализма.
Политика – самое последнее дело.
Любите музыку...
Слушайте сердце ...
Остальное – несущественно.
Точка.

.... «Музыка вокруг нас. Надо только уметь её слышать»

Рис. Л. Коневой

Скульптор

В отточенности стуков скрывается душа.
Как капли дерзких звуков,
Летит так не спеша.
Летит она сквозь время,
Взрывая пласт из снов.
Кто не страшится бремени –
За ней «лететь» готов.

Таков и мой знакомый,
Который чист душою,
Пускай он непутёвый,
Но искренен с собою,
Он скульптор чувств безбрежных,
Скрывающихся в снах,
Творец образов нежных,
Палящий в небесах.

Опять задумана скульптура,
И вихрь фантазии умчал
Его воздушную натуру –
Таких я в жизни не встречал,
Лишь об одном и может думать:
«Как мне из глины изваять
Ту материальную структуру,
Что люди будут узнавать?
Как мне добиться уваженья
В кругах маститых мастеров:
За их немое восхищение
И день, и ночь работать я готов».

Такие думы очень часто
В умах творцов всё возникают,
И возникают не напрасно:
Они трудиться дальше заставляют
И развиваться в плане совершенства
Своих всех творческих работ.
Не испытать творцу блаженства,
Коль не оценит их народ.

Алая лента – солнца восход...
Синяя лента – реки вереница...
В эту вечернюю пору всё как-то не так идёт.
Не естся, не пьётся, не спится...
Хочется лишь «озвучивать» свои мысли с помощью клавиатуры и экрана.
Как рана на теле – трещина в стене комнатной,
Её б зашпаклевать, но мне ли Это поможет?
А, может, бросить всё – и в лес на пол-лета...
Сухой паёк, «грибная диета», мошка гложет ...
Романтика!!!
Песни под гитару за полночь,
Прохладная вода из ручья брызгами в лицо...
Звёзды сияют, гор кольцо...
За лесом виднеется сопка.
Вокруг везде болота – топко...
Эх, мечты-мечты...
Когда уж дойдёт дело до их реализации.
Живу по-прежнему средь сплошной суеты,
Вдобавок, вблизи к канализации...

(И, как ни странно, внутри цивилизации...)

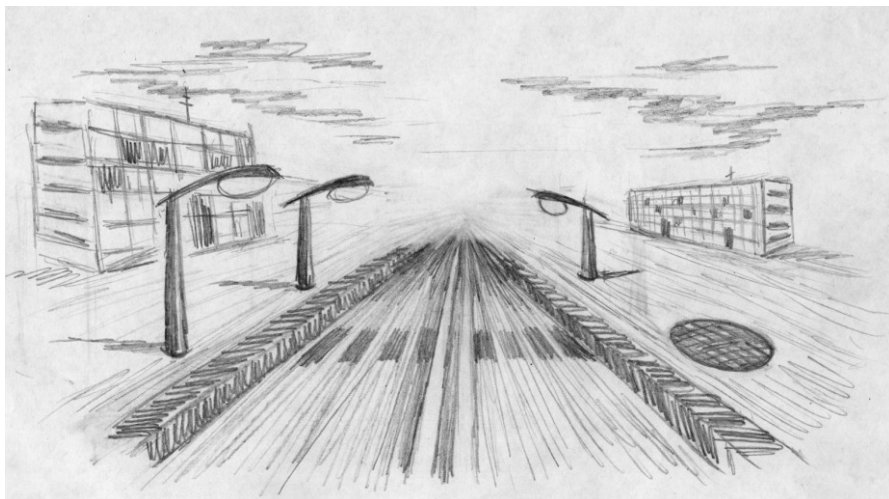

Рис. Л.Коновой

Гернего Роман

Выпускник ФИПУ. Стихи пишет давно.

Первый шаг

Не важно где, не важно как,
Но помнить должен каждый:
Что тот, кто сделал первый шаг,
Перемахнёт Галактику однажды!

Есть много сказок на Земле,
Но была одна спасает Мир.
Ее слова просты:
Природа – наша Мать,
И эта радость материнства,
Рожденья Жизни на Земле,
Воплощена в Весне...

Когда, сияя, расцветает
И шепчет, шепчет все вокруг:
Весна идет!
Да будет Жизни новый круг!

И нам дарована надежда,
Что будут солнце и цветы,
Что будет Труд и будет Счастье!
Мы верим в это и живём...

Благодарим вас, Женщины Земли,
За то, что Вы нам дарите свой свет,
Который греет в трудный час,
Всегда в пути выводит нас
К родному очагу и к новой жизни...

Я поэт – фотограф мгновений!

Я поэт – фотограф мгновений!
И картины в моем объективе просты,
В нем: сияние небес и снежная вьюга,
И улыбка мальчишки,
Что срывает ромашки в лесу.

И я счастье в том нахожу,
Что мгновенья уже не уйдут,
Поглощенные тенью забвения...

Им уготована мною другая судьба –
Раскрывать в человеческом взгляде
Божественный свет,
Ощущение родства,
И единство Человека
И Мира!
И тогда, сняв рутину и быт,
Каждый вспомнит себя –
Юным,
Счастливым,
Любимым!

И покинут года, как вода,
И открытая эта картина
Не исчезнет уже никуда!

Я поэт – фотограф мгновений!
Вновь сниму этот яркий итог,
Для того
В каждом вдохе
Звенит вдохновение,
И поют, не смолкая, ручьи!

О Любви!

Все в этом мире имеет конец, все в этом мире срочно.
Но лишь любовь
наших сердец
останется навечно.
Сгорят леса,
умрут холмы,
и звезды канут в вечность,
Но лишь касанье нежных рук останется навечно.

Спешим любить, спешим страдать,
ведь в этом наше счастье!
Ведь то, что сделает любовь, останется навечно,
Ведь то, что сделает любовь – останется навечно...

Пусть кто-то скажет: «Ну и что!»,
Пусть кто-то скажет: «Ладно», –
Но не поверит он в любовь, и путь его печален...
Но не поверит он в любовь – и путь его печален...

А если кто-то скажет: «НЕТ! Твои слова пустые,
Вот есть любовь, прошла она, и нет уж больше счастья».
Скажу одно: «Ищи ЛЮБОВЬ! Ищи свою светлицу!
Ведь то, что сделает любовь, останется с тобою!»

Сгорят леса,
умрут холмы,
и звезды канут в вечность,
Но лишь любовь, касанье рук, останется навечно...
Но лишь любовь, касанье душ, останется навечно...

Музыка жизни

В начале было имя – Эдит Пиаф. Затем всё настойчивее звучала песня...

Французского языка я не знаю, но этот мотив звучал всё настойчивее...

Это был тот самый мотив, это была та самая энергетика, которая в годы войны поднимала головы многим людям, приближая её конец, давая понимание того, что конец войны будет, его не может не быть, когда звучит такая песня.

Она останавливала на миг... А затем душа откликалась и выплёскивалась из тела, и стремилась к этому чистому голубому небу, этому бесконечно-голубому океану чистого и ясного до блеска воздуха, и хотелось дышать, и пить вздох этот океан, и жить, Жить, ЖЖЖИИИИИИТТТТТТЬЬЬЬ!!!!

И верить, что человек свободен перед этим небом, под этим солнцем, и для него нет других законов, кроме закона жизни, закона жизни и любви...

И уже только поэтому эта война должна закончиться. Ведь она тоже подчиняется этому закону...

И та война закончилась, и эта песня еще долго звучала в сердцах тех, кто её тогда слышал. Пока число тех, кто её слышал, не стало ниже уровня «белого шума», не стала ниже уровня статистической ошибки. И, наконец, стала для века нынешнего «не» актуальна...

Но музыка жизни должна звучать, и, несмотря на то, что я не знаю французского языка, она звучит в моей душе, когда я смотрю в это бесконечное небо, чувствую касание солнечных лучей. И когда эти строки написаны, я снова и снова слушаю волны этой музыки и могу жить, не признавая других законов, кроме закона жизни, закона жизни и любви.

Желудков Алексей

Студент IIIuCC

Признание

Ты хоть раз встречала прекрасный летний восход на берегу вольной чистой реки? В этот момент природа дышит свободой, красками, теплом. Игراют отблески солнца на прозрачной поверхности воды, покрытой мелкой рябью. Воздух наполнен светом, красотой, волнующей сердце и дарящей желанное тепло. Эта картина воспринимается как единое целое сердцем, глазами, чувствами, душой... Теплый летний восход... Ты видела те причудливые сюжеты, рожденные алым небосводом, так услужливо ласкающие бурную фантазию? В сознании вечным огнем вспыхивают грандиозные планы, несбыточные мечты, наполняющие сердце теплом и надеждой. Теплый летний восход... Ты видела? Тепло, надежда, вера, красота. Природа еще спит в сказочной стране снов. Тишина, так нежно ласкающая уставший от серой рутины слух. Тишина... Я влюблен в эти моменты! Сердцем, душой, единством всех возможных для человека чувств! Я влюблен... Тепло, надежда, вера, красота. Спасибо природе за эти мгновенья. Спасибо тебе, любимая, за то, что есть ты. От тебя исходит свет, подобный солнцу, дарующему тепло и абсолютную красоту! Твой дух изливается вечной свободой чистой реки, так притягивающей душу! Ты – тот самый момент ласкающей тишины, нежности, в котором так часто нуждается человеческое сознание! Многогранность, изобилие красок все же воспринимаются как единое целое сердцем, душой. Ты мой сказочный восход! Я люблю тебя!!!

Отблески тепла раннего
На вольной глади реки.
Сердце стрелой ранено,
Но раны любви сладки.

Вечная сказка снится,
Воздух уносит вверх!
Ты для меня – царица!
Люблю я тебя навек.

Мерцают смело языки костра,
Играя в затуманенном сознание.
Ласкает взор бег вечного огня,
Нешадно руки обжигая.

От дыма нового кружится голова,
Поймай его руками, не рассеяв.
В сознание отразятся голоса,
Даря тепло и холод от метели.

Подтают снова снега островки,
Убив последнюю надежду...
Бегут воды спасенной ручейки,
Покров согрев собою снежный.

Дух рвется то в тепло, то в холод,
Огнем и стужей подгоняем.
Запутался, еще так молод,
Что нужно, он еще не понимает.

В глазах мерцает зов звезды,
Манящей в неизведанные дали.
А дым, привычно столь, взлетает от земли,
Показывая путь к звезде мечтами.

И вдруг, одним мгновением живя,
Истина в сознание отразится.
Под небом звездным у вечного огня
Лови тот дым, что в небо вновь струится.

Рис. Л.Коновой

Зубков Артем

Выпускник ФИПУ 2008 года. По профессии программист, пишет стихи. Любовная лирика занимает большую часть творчества. Любит путешествовать пешком и на велосипеде.

Прости меня, Весна!

За грязь и слякоть под окном,
Что осадили плотно дом.

Не сомневаюсь, ты сильна,
И раскачаешься от сна.
Но на душе пока тоска...
Ты копишь силы для броска?

Наверное, ты здесь права,
Пусть наберется сил трава,
Но твой портрет, увы, нагой,
И сырость, серость под ногой

Сулят лишь тяжесть облаков,
А мне бы тяжесть рюкзаков,
И песен много у костра,
И чтобы пламя до утра...

Сейчас все это лишь мечты,
Но расцветут вот-вот цветы,
И мир наполнится теплом.
Все это будет, но потом...

Весна, прошу, прости! Пстой!
Бегу я следом за тобой!
Устал я в серой суете
Искать ответы в пустоте.

Дама-Осень

В природе есть прекрасная пора,
Когда все солнышком объято:
Не потому, что за окном жара,
А потому, что на деревьях золото.

Покрыты золотом поля,
Березы – златокудрюю листвою,
И даже есть прожилки серебра,
Зависшего на елях под горою.

Встречаются рубины на ветвях
Калины спелой, кислой очень.
Пурпурные ранетки во дворах
Украсили собою даму-осень.

И празднично, и радостно вокруг,
Природа может весело смеяться.
И хочется сказать тебе, мой друг:
«Побольше стоит в жизни улыбаться».

Темная сторона осени

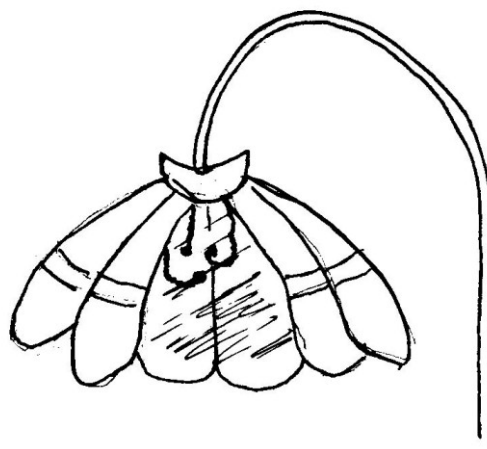
Загоревшие листья, с мороза,
Украшают пустеющий лес.
Замирает, мрачнеет природа,
Замедляя дыханья процесс.

Проходя мимо неба осколков,
Измарав все ботинки в грязи,
Сожалею – до лета так долго,
И гнетёт бесконечность тоски.

Устаю на работе все больше –
Не хватает тепла за окном.
Уже ночи становятся дольше –
Согреваюсь с утра кипятком.

Нас сгибает осенняя слякоть,
Утомляют ветра день за днем,
И небес рыхловатая мяготь
Награждает холодным дождем.

Не ищите – нет в осени счастья.
В ней одна, лишь одна пустота
Пробуждает в душе пир ненастья
И смывает всю радость с лица.

Плоскость Времени

Мы давно блуждаем в мути,
Не дано нам распознать
Чистой правды, явной сути...
И вообще, что можем знать?

То, что время – это плоскость,
Не движение, не жизнь.
Время – качество и тонкость,
Выбор между Ян и Инь.

Мы всего лишь вспышки данных –
Импульс света в темноте.
Нет нас в прошлом этим равных,
Нет нас в будущем нигде.

Наша жизнь – биенье света,
Мы не можем предсказать.
Знание не даст ответа,
Как нам этим управлять.

Только надо сильно верить,
В то, что выбор предрешен,
И уже открыты двери –
Каждая в свой явный сон.

То есть плоскость временная –
Вариация дверей.
В каждый импульс дверь вторая –
Параллельность для людей.

Существует ветвь иная,
Если выбор есть иной.
Может, жизнь там неземная,
Может, климат там другой.

Путешествуя по древу,
Не вернуться никогда,
В точку, где ты подошел к барьеру,
И вернулся навсегда.

Вся проблема в том, что знаешь,
К чему выбор твой привел,
И дверь эту исключаешь,
Хоть и счастье там обрел.

Вариантов бесконечность,
Бесконечность впереди –
Это, собственно, есть вечность.
Бесконечность – позади.

Надо жить и знать, что кто-то
Наблюдает с высоты
Нашу плоскость временную. Кто же это?
Где же ты!?

Надежда...

Ты спросишь, что было,
И что может быть,
Но время забыло
Нам это раскрыть.

Мы ходим вдоль круга,
Как будто слепы,
И сложно друг друга
Найти нам следы.

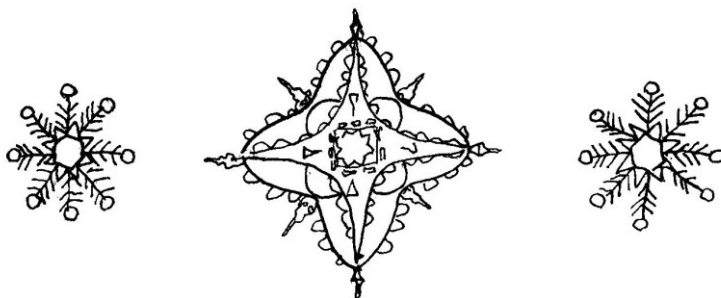
А время все мчится
И путает нас,
Как сложно вцепиться
В бумажный каркас.

Каркас от надежды,
Что где-то найдем,
Все то, что рассыпали
Шумным дождем.

Все мелкие части,
Осколки зеркал
Счастливой той жизни,
Что вмиг потерял.

Первый снег

Когда уснула осень
Под вечер, в небе просинь
Была. Из нее солнце
Пробило луже донце,
И заиграли блики,
В которых птичьи крики
Застыли равномерно –
Пришла зима мгновенно.
Не утром, еще ночью,
Как будто сняли порчу,
Одним движеньем быстрым
Пурги шарфом пушистым.
Все стало белоснежным,
Воздушным, легким, нежным,
А свет слегка колючим,
Но ясным и могучим,
На фоне серой тучи.
Исчезли грязи кучи,
Стал двор пустым и чистым,
А день в ответ – лучистым.
Природы обновление
Дарует вдохновение.
Зима – чудес свершение
И сказки воскрешение.

Ивакин Дмитрий

*Выпускник электромеханического факультета ПИ
СФУ*

Лютый Зверь на волю рвется,
Знает он – там дичь повсюду!
Шаг его на бег сорвется,
Жизнь, приравнивая к чуду!
В воздухе витает ужас,
Крики ночь порвут на части...
Зверь охоту начинает,
Жизнь и смерть в его лишь власти!

Нет спасенья, нет преграды,
Жалости не знает Хищник!
Он туманом проникает,
Дичь свою повсюду ищет
Сквозь туман лишь взор кровавый.
Вновь в ночи вой раздается,
На новый след Зверь лапу ставит,
И к новой жертве он крадется.

Почувствуй ужас, липкий страх
И привкус крови на губах.
Ты помнишь, как тебя молили?
Ты пощадил? Они остыли
Там, возле леса, за рекой...
Их помнишь ужас? Он ВЕСЬ твой!
Ты пропитался жертвы страхом,
И Зверь идет на этот запах.

Ты не спасешься, не сбежишь,
Тебя повсюду он найдет!
Сейчас навечно замолчишь,
А Зверь на новый след встает...

Ночной палач. Ночной судья.
Не Бог, не Сатана...лишь я.

Новый путь Воина (Палач)

Я шел дорогами земли,
Я был рабом, я был в грязи...
Набрался сил и встал с колен!
Зубами рвал устоев плен,
Я против мира был один,
Но тени встали за спиной!
Не дрогнул воин ни один,
Когда богам давали бой!
Я предан был, я умирал,
Велась охота за душой...
Я убивал! Я побеждал!
Войска мои стоят стеной!

И вот победы час настал,
И Ад лежит у моих ног,
Но бог покоя мне не дал.
Пошел в небесный я чертог...
Вот цель близка! Пощады нет!
Пропала Тьма, померкнул Свет!
Победа уж вблизи видна –
Повержен бог, пал Сатана!

Вошел в эдемский вечный сад,
Вкусил познания плодов,
Передо мной открылся ад...
Он для меня давно не нов:
Земля открылась предо мной,
Увидел я людей,
Почувствовал весь мир земной,
Страдания ощутил детей...
Тот Демиург, что мир создал,
Сей Сад Он посадил.
Теперь я правду всю узнал...
Не зря я тех богов убил.
Создатель напрочь был забыт,
Мир стал для них игрой.
И Он их больше не простит.
Земля теперь – мир мой.
С небес спустился в мир земной

И встал на новый путь.
И снова кровь, и снова бой!
И вновь с пути мне не свернуть!
Я должен боль вернуть и страх
Тем, кто их щедро раздавал.
Страдать их будет даже прах!
Теперь Мой суд здесь правит бал!

Они все молятся богам —
Ну, разве не смешно?
Ну, разве непонятно вам —
Богов тех нет давно!
Тех, что насильников любили,
Тех, что тварям власть дарили...
Теперь их место Я занял.
Я тварей всех найду,
И тот, кто в руки мне попал,
Окажется в аду!
Люблю насильников пытать —
Какое наслаждение!
Когтями души, плоть их рвать,
В век растянув мгновенье.

Рис. Л.Коновой

Вторая жизнь

Хочу покоя и забвенья,
Мне счастья, знаю, не видать...
И нежные прикосновенья
Не могут вечными здесь стать...
Здесь счастье, как вода сквозь пальцы...
Здесь лишь предательство и ложь!
И нить судьбы на своих пальцах
Плетет злой рок. Я – зверь. Ну что ж...

Изгнанник, проклятый людьми,
Я жив наперекор богам!
Я о пощаде не молил,
Не падал ниц к божьим ногам!
Я не просил об одолженьях,
Я создавал! Я сам творил!!!
Пред палачами на коленях
Я не стоял и слез не лил!
Я был казнен и я воскрес,
Не человеком, Зверем стал!
И вот, вокруг родной мой лес,
А в кронах солнца свет пропал...
Железо мышц и сталь когтей...
Охота началась!
Не тень в лесу я, Князь Теней!
И нить оборвалась...

Рис. Л.Коновой

Охотник

Бывает, что человек хочет узнать свою Силу, но как это сделать? Все познается в сравнении. И тогда Он ищет тех, с кем можно сравнить. Одни находят тех, кто заведомо слабее. Кто не может дать отпор. И радуются, втоптывая их в грязь, чувствуют себя сильными, но разве это Сила? Они собираются в стаи и становятся шакалами... Другие ищут действительно сильных противников. Такие становятся воинами.

Но, порой, встречаются и те, кому неинтересны слабые, кому нечего делить с сильными. Те, кого гонит охотничий азарт. Это Охотники каменных джунглей.

Они охотятся на шакалов, а порой и на более крупных хищников. Они хитры и терпеливы. Боль и страх тех, кто еще мгновение назад считал себя «хозяином жизней» становятся их трофеями.

Они не сбиваются в стаи, как Шакалы, не ищут достойного противника, как Воины. Они выслеживают добычу. Ставят силки и капканы, охотятся «на живца»... и нет для них большего удовольствия, чем выражение глаз Добычи, когда она осознает, что не спрячется за влиянием родителей и своими связями, что деньги не всегда неотразимое оружие... Осознает себя на месте своих жертв. И ужасом этого осознания Охотник наслаждается, как изысканным вином.

Охотник ищет свою Добычу, ведь не каждый человек подходит на эту роль. У многих есть свои предпочтения и свои охотничьи угодья: кто-то любит уличную шпану (это, часто, по молодости и неопытности), садистов..., кто-то вырезает сердца у педофилов..., многим нравится делать насильников евнухами, медленно четвертовать их...

У каждого своя добыча, свои предпочтения, но добычей Охотника ВСЕГДА является тот, кто своими делами отказался быть Человеком.

Рис. Л.Коновой

Князь

Он готовился к самому безумному поступку в своей жизни. Даже княжеский венец ему, простому рубака, достался легче. Тогда всего лишь пришлось зарубить десяток солдат и предыдущего князя, ведь, как известно, победителю поединка достается все, что принадлежало проигравшему. Теперь же задача намного сложнее, да что там, это практически самоубийство. Хотя, если её не спасти, то и жить незачем. Он вспомнил, как полгода назад на княжеской охоте был ранен предателем, как молодая девушка, деревенская знахарка, спрятала его у себя, залечила раны. Он проклинал себя за то, что не приехал, не вернулся к ней раньше, была ведь возможность. Но он уговаривал себя, что между Князем и деревенской знахаркой ничего не может быть. Дурак, какой же дурак! И вот, теперь за его глупость она может поплатиться жизнью. Что ж, когда он узнал, что её объявили ведьмой и собрались сжечь, он помчался туда. От деревенского священника он мог ее защитить. В крайнем случае, его можно и на кол посадить... но, приехав, он узнал, что здесь столичный инквизитор, а этого так просто не осадить, да что там, он подчиняется только верховному первосвященнику, а это тот еще садист. Что ж, выход остался один и князь его использует. Плевать, что он лишится всего, что приобрел за всю жизнь, что за ним будут охотиться вся святая иерархия и охотники за головами, главное, что она будет жить. Она будет с ним. А если не выйдет, то сожгут их вместе. Колдунья и слуга Дьявола. Нет. Нельзя думать о поражении. Только победа. Он затянул последний ремень, взял свой старый, проверенный годами верной службы меч и решительно направился к пыточному подвалу, где держали «колдунью». Двух стражей у входа он снял сходу, не напрягаясь. Не зря он продолжал тренировки, даже став Князем. Спустился по лестнице. Вот и долгожданный подвал. Инквизитор растянул на старенькой дыбе его единственную. Кровь ударила в виски. Князь с животным воплем прыгнул на инквизитора. Тот обернулся, взглянул на своего убийцу и осел на пол. Голова откатилась в угол. В глазах садиста навсегда застыли испуг и непонимание: как кто-то посмел поднять на него руку. Знахарка лежала на дыбе и постанывала от боли, хорошо, что не покалечили. Он разрезал веревки и утер вспотевший лоб. Похоже, успел. Теперь нужно выбраться из деревни, а там перед ними бескрайние леса. Он поднял свою ненаглядную на руки и опрометью бросился к выходу. За дверью его встретили четверо телохранителей святоши. Князь нежно опустил свою ношу и повернулся к противникам. Бой был сравним разве что с танцем. Ребята были не из последних мечников, но он все же был мастером, хотя... был он князем, а мастером меча он не только был, но и остался, и будет им до самой смерти. Он не знал, сколько длился танец мечей. Все слилось в сплошную череду выпадов, обманных движений и блоков. Но вот уже остался только один. Он от-

ступил на шаг от Мастера и поклонился, после убрал меч в ножны и ушел. Может, решил, что с таким противником не справится, а может, любил покойного инквизитора не больше, чем сам князь. Кто знает. Но это не имело значения. Некоторые окна светлячками вынырнули из ночной мглы. Их становилось все больше. Послышались голоса людей, разбуженных шумом схватки. Бывший князь подхватил тело любимой и помчался в лес. Кого-то оттолкнул, кого-то сбил, но вот уже первые деревья. Позади слышны крики и проклятья односельчан знахарки. Но это неважно. Они уже далеко позади. Уже стихли последние отзвуки деревни, вот уже исчезли и они. Князь еще долго бежал по лесу, пока не упал без сил возле ручейка. Он был счастлив. Все получилось! Неважно, что теперь у него ничего нет, кроме неё, главное, что она жива, и что она рядом, остальное осталось там, в деревне. Теперь впереди целая жизнь, и он проживет ее так, как не жил еще никогда.

Над лесом поднималась заря.

Рис. Л.Коновой

Ильин П.С.

Студент 3 курса Института математики СФУ

Не меняется дело войны,
Только с кровью шагает сквозь время,
Может быть, с той далекой весны,
Когда первое дикое племя

Побросало мотыги и плуг,
Подпалило деревню соседей.
От усилий десятков рук
Пал тотем с головой медведя...

Восемь хлипких лачуг и амбар
Превратились в золу-головешки,
Из домов весь нехитрый товар
Унесен был под гул и насмешки,

Кто отважился руку поднять
На защиту семьи от варнака,
У порога остался лежать
Как в грязи дворовая собака.

Опьяняющий красный дурман
Овладел кровожадной толпою...
Только старый угрюмый шаман
Наблюдал в стороне за разбоем.

Это он привел этих людей,
За плечами несущих разруху,
По кусочкам звериных костей
Прочитав повеления духов.

Это он теперь, вестник беды,
Наблюдает, как босые дети
Ищут маму и просят воды
Под удары безжалостной плети.

Тут не смог первобытный колдун
Так и дальше сидеть, сложа руки,
Вспомнил детство суровый ведун
И подумал о собственном внуке.

Перед всей своей грубой родней
Возвестил заклинатель в тревоге,
Что разгневаны долгой резней
Солнце, Небо и прочие боги.

Повелел он оставить рабов
И с добычей богатой проститься,
Лошадей побросать и коров:
Мародерам пришлось подчиниться.

Не видать легкой жизни тому,
Кто прогневает высшую силу:
Проклянут, искалечат –
Доведут наглеца до могилы.

Побоялись перечить богам
Душегубы в порыве едином
И под громкий походный тамтам
Убрались на родные равнины.

Помнил это и мудрый друид,
Не боялся за жизнь свою кары,
Хоть кому-то он жизнь сохранит,
Ну, а сам он...уже слишком старый.

Пусть зовут ураганы и град
Небожители и громовержцы,
Неприступней для них нет преград,
Чем добро в человеческом сердце.

Казанцева Вера Павловна

*Начальник отдела НБ СФУ, канд. филос. наук,
Почетный работник высшего профессионального образова-
ния РФ. Интересы: путешествия, информационная культура
личности, современные библиотеки.*

Мир путешествий

Мы так грустим без путешествий.
Спешим взглянуть за поворот
И ощутить биенье жизни,
Попав в большой водоворот.
Туда, в котором страны, люди, судьбы,
Где на табло мелькание столиц,
Названия городов и терминалов,
И времени посадки в лайнер,
Когда в восторге мы от ожиданий.
Спешим увидеть Старый или Новый свет,
Блеск городов, событий, приключений,
От путешествий новых впечатлений.
И, может, нам тогда придет ответ,
Что лучше ничего родного дома нет.

Юбилей

*Другу Владимира Соболева,
В.Н. Базарову, посвящается*

Этот парень с изящной гитарой
Песни пел и сводил всех с ума.
Увлекался, любил, расставался
И мечту сохранил навсегда.

Мир прекрасных, больших путешествий,
Где вставать до рассвета пора.
Покорялись вершины и страны,
И сейчас ему снится гора.

Этот взрослый мужчина с гитарой,
С благородной висков сединой,
С достижениями, собственным миром, -
И такой дорогой и родной!

Клименко Наталья.

Старший преподаватель кафедры латинского и иностранных языков КрасГМУ. Аспирант КГПУ. Давний член литературного клуба.

А главное, я знаю, что ты есть...
Все также спишь под теплым синим пледом,
Все также не пытаешься прочесть
Мою тоску, навеянную снегом.

А утром равнодушная зима
Опять осядет на твоих ресницах.
И ты, быть может, вспомнишь про меня
И даже сможешь за меня молиться.

А вечером угрюмой тишиной
Вновь скроешься за ледяными ставнями.
Неважно, что давно уже не мой,
Я знаю, что ты есть – и это главное.

Мне, увы, уже не восемнадцать,
Первые морщинки – злой сюрприз.
И пора, наверное, меняться,
А не проживать чужую жизнь.

И пора, наверное, смириться.
И пора, наверное, любить.
Отпустить тебя, как в небо птицу,
Оборвав болезненную нить.

Зачеркнуть, переписать сначала,
Черновую выкинув тетрадь.
Мне на ушко лето прошептало:
Двадцать шесть – не повод унывать.

Коломыцев Дмитрий

Студент 4 курса факультета Транспорта Политехнического института СФУ.

Увлекается поэзией, философией, игрой на гитаре.

Вечная память

(памяти Виктора Цоя)

Как хрупок человек,
И беспощадна смерть.
Короток его век,
А надо все успеть.
Спасение – в любви,
Поэтому твори
И веруй до конца
Со стойкостью борца.
Ведь нас по правде нет,
Есть только тьма и свет.
Поэтому дерзай
И за собою оставляй
Вечную память.

Под куполом небес
Ты сам себя кузнец,
И все, что есть кругом,
Ты взял своим трудом.
Так сложно осознать,
Что жизнь всего одна,
И, что не смог ты дать,
Съедает пелена.
Ведь нас по правде нет,
Есть только тьма и свет.
Поэтому дерзай
И за собою оставляй
Вечную память.

Синема

У каждого – своя история:
Кто-то болен, кого-то пристроили,
Кто-то выпрыгнул с поезда в ночь,
Кто-то хмеля заядлый товарищ,
Кто-то кушает, прыгнув на нары, щи,
Кто-то вырастил сына и дочь.
Можно плыть по течению жизни,
Можно выйти с окна и присниться
В самом страшном кошмаре другим.

Одинокий зритель устало,
Где-то сверху, раскинув Земли покрывало,
С нами в главных ролях смотрит фильм...

О надежде

Надеяться не на что.
Всё во мне.
Снаружи она ненадёжная тётка –
Надежда, лишь имя; а свет в темноте –
Просто скопление света в потёмках.

Что-то не вышло.
А кто ж виноват
В том, что бывает плохая погода?
Её не бывает плохой, говорят,
И это её основная природа.

Надеяться не на что.
Всё во мне.
Копая энергию повышенной дозой.
Приходится вспомнить чуть-чуть о тепле,
Чтоб не озябнуть во время морозов.

Connection

Я познаю мир. Он не из пластика.
Я познаю мир – как гимнастика разума.

На базу мир подает сигналы,
Как радио настраивает на свои каналы.

Временно не мыслящий – ты только тело,
А коль приходят мыслищи – это еще полдела,

На полке с электродами тебе найдется место,
Для контакта созданными, без тока бесполезными.

Продолжаю познавать, как пятилетний мальчик.
Не узнать сети заряд, не подсунув пальчик.

Познавая, натыкаюсь на глухие стены,
И, с восторгом, удивляюсь широте вселенной.

Мир я познаю – звучит как будто хобби,
Правильный маршрут по кривой дороге.

От чудесной простоты каждый раз пьянею,
Проходя через кусты, где ходят через двери.

Половик

Потопталась, чуть вскинув плечи,
Беспричинная дума по мне,
Я, наверно, не раз ее встречу,
Проходящей в лоскутном плаще.

Я найду, когда будет грустно,
Наследивших ботинок пыль,
И уж точно, когда не нужно,
Она сыщет мой ржавый киль.

Потопталась и вытерла ноги.
Ну, а мне как считаться с ней?
На пустынной сибирской дороге –
Только утренний иней снега белей.

Горгония

У часов есть глаза. Они в душу глядят.
Ощути на спине жесткий времени взгляд.

Что ты сделать успел в хлипкой примеси дел,
Жил ли так, как реально хотел?

От хрусталика яблока глазика времени
Сыплет луч недоспелого действия семени.

Никогда не достигнет полной гаммы цветов
Восприятие, если оно черно-белых тонов.

Раскачается маятник старых часов,
Как ты долго качать его будешь готов?

Наблюдатели долго не смогут терпеть,
Лишь своими руками вертеть круговерть...

Ощути на спине строгий времени взгляд,
Ты в бетон превратишься, обернувшись назад.

Змеи страшной Горгоны под ухом шипят.
Время тикает. Мертвые спят.

Сапоги

Дни пройдут мимолетно, все как один,
Проплывая по дну бесконечной реки.
Седовласый грузин в шерстяном сюртуке
Чистит кремом свои сапоги.

Чистит кремом, упершись в колено рукой,
И блестят на свету сапоги как один.
Дни идут, уносимые бурной рекой,
И всё больше седеет грузин.

Будет время, не станет грузина совсем,
Всё покроется пылью, блиставшее впредь.
О, с любовью, какой он втирал этот крем,
Зная то, что недолго осталось тереть...

Рис. Л.Коновой

Комиссаров Илья

Выпускник ФИПУ 2010г.

Дилемма

Я вижу бескрайние дали,
Вижу счастливое небо.
Виден даже спектр во всех частотах,
Но нет людей,
Исчезли города,
Провалились под землю мартеновские печи,
Не видно дамб на реках.
Пыль столбом да обломки стен.
Страх одиночества и блаженство единения!
И в этом нет никакой фишки!

Она

Гулял я в Академе той весной,
Увидел на поляне девушку одну.
Присмотрелся и увидел, что взор её пустой:
Лишь внутрь себя направлен был.
Минутой позже встрепенулась, поднялась резко, потянулась
И быстрым шагом побрела от леса прочь.
За ней заметен был неслышимый шажок,
Как будто ветер шелестел листвою.
«Чего она хотела? Убежать?», – спросило любопытство.
«Навряд ли!», – крикнуло упорство.
«А вдруг?», – с иронией спросили остальные.
«Не успела», – послышалось у левого плеча.

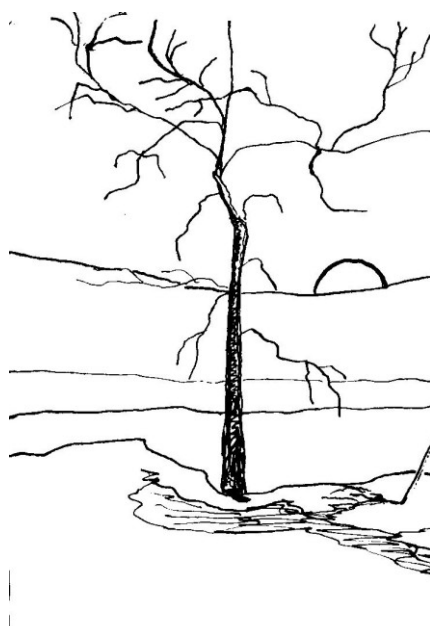
Снег

Снег несётся рекой, мне за ним не угнаться.
Этот поток игл поражает непокрытое тело.
Ещё шаг и тело падет, падет под натиском вьюги.
Сила природы нещадна, ей всё равно кого встретить
На пути снега, на пути обжигающих игл.

Человек может быть монстром?
«Нет», – ответите мне. Он венец природы.
Но как же самое лучшее портит своего же творца?
«Лучшее – враг хорошего», – с улыбкой ответите вы.

Зачем же природа лихая создала себе врага?
«Ей было скучно», – сквозь смех скажет веселье.
«Ей это надо», – с тоской скажет рутина.
«Чтобы был порядок», – с пустыми глазницами скажет мне кто-то.

И повеяло холодом, холодом дремлющей ночи.
Под ногами закрипел снег. Тело нашли у дороги.
Вьюга не прекращалась, снег сбивал с ног.
Природа одним вздохом уравнила счет...

Думать больно

Скрежет шестерёнок в запыленном мозгу
Мешает спать, мешает есть, мешает думать.
Мысли проносятся потоком мутной, заболоченной воды,
Будто разошедшуюся пробку выбило из старого садового бака.
Воспоминания о минувшем пытаются перекрыть мечты о будущем.
От этой какофонии болит голова. Хотя как она может болеть, ведь она кость.
Даже в мозгу нет нервных окончаний, чтобы он вскрикнул от увиденного.
Зато выражение «Думать больно!» получило новый окрас. Теперь оно, как радуга над землёй.
Отвлечься трудно, но я попытался. Отвёл внимание в сторонку и попросил ум помолчать: отпустить несчастное Внимание, не держать за пуговицу.
Таблетки похожи на беруши, но беруши низкого качества. Надел их, и боль затихает, затихает, как спящий тигр. Тут резкий звук и ВСЁ! «Беруши» рассыпаются в пыль, оставляя лёгкий привкус горечи, может, разочарования.
Промелькнула картинка из прошлого, того прошлого, какое не смыло ещё из памяти. Момент первого ответственного решения. Сколько эмоций! Слеза, скупая слеза, остановилась на щеке. В то время яркий диафильм продолжается. Кадр за кадром показывает взлёты и падения, унижения и превосходства.
А сколько их ещё будет?

Хандра

Отсутствие идей, отсутствие поддержки и друзей.
Апатия к вещам, улыбка лишь в мечтах.
О чём же это я? Ах, да...и это всё...хандра...

Разум и мир

Как думаешь, забавно спятить внезапно?
Без разрешения врачей. Когда сидишь себе за рюмкой чая,
Не ждёшь, конечно же, гостей. Тут – бац!
И нервная система так медленно сползает с рельс.
И смех пугает, и лицо скривилось, и мысли спутались в клубок.
Подумал тут – insult, по признакам, похоже.
Но нет! Слышны тут голоса:
То детский смех, то плач.
То кто-то шепчет, то скребётся сзади.
И свет включил, а кажется, что ночь.
И бред несёшь, хотя тащить не должен.

Как трудно разобраться. Врача, скорей врача!
Транквилизаторов ассортимент представьте.
Отнюдь не плачу я! Мне чуточку смешно! Как мог я спятить?
Почему? Ведь вёл здоровый образ жизни, не сквернословил даже.

Хотя мозги вдруг прояснились. Мир! В таком апокалипсическом мире здоровый точно спятит.
Нет логики в делах. Я знаю, в чём проблема Мира – тут ясность разума, увы, погасла насовсем.

Голод

Я голоден, и рыл руками землю,
И ел с неё, что только находил:
Букашек и червей,
Поймал крота и поломал хребет,
Жевал его, смакуя каждый хрящик,
Задрал лису и волку пасть порвал –
И выпил всю их кровь.
Медведи и слоны, пантеры и койоты –
Все были предо мной и бились в смертных корчах.
Тянул я жилы у моржа,
Поджарил на костре ежа,
А иглы я его под вилку приспособил,
И стало мне легко убить мышиную семью,
Одним ударом на иглу надев,
Но тут увидел я в угожьях неведомо доселе существо,
Высокое и голое.
Рубило оно лес и било птицу для еды,
Внезапно возмнив себя венцом Природы,
Построило дома, сожгло весь бурелом и осушило топь,
И погребло все кроличьи норы под асфальтом,
Зверей всех перебило,
И стал я голодать.
Попробовать решил,
Насколько вкусна тварь, что появилась в пастбищах моих,
И ела без разбора с моего стола.
Поймал одну, вонзил в неё резцы:
Не мясо – чистый мёд!
И понял я, чем возмещу ущерб себе и дому моему!
Меня кликали демоном и психом, и маньяком уж на худой конец,
Но не поймут всё люди, кто я.
Я – голод этих мест, я – голод тех зверей, что умерли в трущобах городов
И тех, что жили здесь, в лесу!
Я – голод малышей, чьи матери, и чьи отцы убиты развлечения ради!
Мой пир уже настал, я приглашаю Вас... Вы – первые в меню!
Себя оставлю на десерт я, хохмы ради.

Конов Виктор Николаевич

Кандидат технических наук, доцент Политехнического института СФУ, один из инициаторов совместных проектов и творчества клуба.

Родился 24 ноября 1947 г в с. Курагино. Выпускник Курагинской средней школы №2 1965г. 11 «А» класс.

Директор школы – Н.Н.Малюга; наши учителя: Л.Д. Горностаева, В.П. Грива, Л.А. Жибинов, И.Ф. Жуков, Ю.Г. Плотников, Е.Р. Скурихина.

Низкий поклон моей родине, учителям, одноклассникам, землякам и всем, с кем посчастливилось общаться.

Верному спутнику

*Ангелы-хранители – это ваши
друзья, данные Вам Богом*

Иоанн Богослов

Давай еще минуту помолчим
И об удаче, не спеша, подумаем:
Где были наши старые следы?
И где им быть теперь?
Дойдем ли мы?

На свете много хоженных дорог,
И очень много мест совсем нехоженных,
Но ты еще пройдешь, чего не смог
Пройти вчера, сказав себе:
– Ну что же ты?!

А завтра нам шагать, не прошагать,
И спотыкаться, и опять карабкаться,
А где мы есть, никто не будет
знать,
Пока мы не вернемся
с хвойным запахом.

Здесь все зависит лишь от нас самих,
Тайга и горы – наши покровители,
А самых верных спутников своих
Мы выбираем
в Ангелы-хранители.

Зачем родился

Зачем родился?

А я ответил:

– Хотел быть сыном
и жить на свете,
хотел быть сыном,
хотел быть братом,
хотел быть сильным...
и виноватым...

Сбылись желанья.

Иду по жизни,
Порой устанешь –
друзья поднимут,
поддержат шуткой,
подскажут слово.
пойдут минуты –
и светит солнце...

Приходят силы.

Уходит детство.

Хочу я сыном
жить в добром сердце,
хочу жить сыном,
хочу жить братом,
хочу жить сильным...
и виноватым...

Пусть что-то не так,

Пусть другие вести,

Пусть моя мечта –

не моя невеста...

но если скажут,

и если спросят:

«Родился б дважды?» –

я буду – против...

Женские образы

*Джомолунгма — мать
Богов Земли
(непальское)*

Хочу себе представить
образ женщины,
хранительницы гор
и высоты,
и ледников,
как ожерелий жемчуга,
мне не постигнуть
этой красоты...

Непостижимость
в образе невинности,

противники не в силах возражать.

Святая Дева
Торжества и Милости,
позвольте Вас по имени назвать...

И, перебрав сравненья
в мире лунном,

я представляю с грустью на глазах

как Мону Лизу —
Мону Джомолунгму
В любви и славе,
в скорби и в слезах...

О! Женщины! —
вам снова все приветствия,

даже когда себя не признаем...

Удачу, радость
и большие бедствия

мы часто женским именем зовем...

Мне не увидеть утреннего зарева,
и не вдохнуть весь воздух этих гор,
мне не достичь,
хоть бы родился заново,
но я прошу,
не принимай в укор,

когда услышишь:
нынче мало рыцарей,
Но в самое *Святилище Богов*

Они придут
с обветренными лицами,
и ты им улыбнись
из-за снегов...

А если у кого-то
есть сомнения
в величии хозяйки этих мест,

Ты не печалься очень,
но не смейся,
и пусть им улыбнется
Эверест...

Тропиночка

*Танечке Руйге,
девочке — крошечке,
вступающей на Тропу жизни ...*

От Жаланжи в Кизир
течет Мультиночка,
Ей, как и тебе, пока
неведом страх.
Куда теперь ведет твоя тропиночка,
наверное, по полу,
в ходунках...

Тебя приветит
каждая травиночка,
Тропа все знает —
скоро ты придешь.
Ручей тебе шепнет:
— Привет, Руйгиночка, —
и ты его
когда-нибудь поймешь...

Возможно, о тебе узнает Родина
В Татьянин День,
морозный, при свечах,
ну, а пока учись
ходить на Слоника...
у дедушки и мамы на плечах...

Зал Славы

Прислушиваюсь к музыке борьбы,
вхожу в *Зал Славы*,
благословенной волею Судьбы –
он первый справа.
Спокойное и сильное лицо –
с ним было просто,
а рядом он стоит уже с отцом –
родным и крестным.
Иван и Дмитрий, Виктор и Сергей –
приветствуют соратников, друзей:
вот Алексеев,
А ближе Алексей, да, Шумаков,
чуть дальше – Мальцев,
все собрались, и каждый вам знаком
до хруста пальцев...
Продолжим встречу с трепетом надежд
за Бувайсара,
к вам в гости, а потом на Эверест
взойдет Захаров...
Попов в зал входит, словно на помост –
зал затихает,
Грузенкин в череде единоборств –
не уступает...
Все тернии пройти и не сыграть
роль первой скрипки...,
но мы-то ведь не можем Вас не знать,
Вы – Юрий Сипкин.
И путь свой каждый выбирает сам –
спрошу Ивана:
Храните люди – вот ваш талисман –
Сергей Ломанов...
Слеза печали застилает глаз:
Миндиашвили
не сохранил, не уберег, не спас,
а КАК вы жили ...
Останутся турниры и дворцы,
стихи и книги,
ты только нас, пожалуйста, прости,
ИВАН ЯРЫГИН.

Лыжникам

*Вячеславу Веденину, его тренеру
Павлу Константиновичу Колчину
и эстафете в Саппоро 1972 г.*

В России снега не такие,
как в Саппоро.
Они величавы. Торжественно-строго
среди них пролегла,
как священная заповедь,
Большая и белая ваша Дорога ...

Бамбуковый лес разбудив,
многолико
ворвался в рассвет
фейерверк эстафеты.
Уже чемпион,
но еще не Великий,
но верилось, верилось,
верилось в это...

Этапы расставили тренеры мудро:
надежность, неистовость, взрыв
и Упрямство,
и жребий тебе предоставил
в то утро
все, что ты хотел,
и решать должен сам все...
Но ты промолчал,
да и тренер не скажет:
Ну что там твердить
о грядущих победах,
вот эта лыжня...
и сегодня докажешь,
что трудно с тобой,
но что делу ты предан...

Владимир - в начале,
и Скобов был рядом,
но Федор - этап
всем сердца разрывает,
лишь двое молчали,
а встретились взглядом,
и каждый подумал:
«Чего не бывает!».

Минута, секунды
и каждая – вечность,
ликуют норвежцы
и биржа судачит:
Своим серебро
он теперь обеспечит,
а *Он* еще *Битвы*,
по сути, не начал...

Белая Птица –
над Белой Дорогой
крылья расправит –
душа запоеет...
Белую Птицу,
в молчании строгом,
двое мужчин
отправляли в Полет.

Для нас это было
Посланием Бога...
Признанием всех
самого Вячеслава:
Он в сане «Великий»
на Белой До-
роге,
на Верхней Ступени
того Пьеде-
стала...

На счастье пацанам

Пацанам моего детства...

Нам в детстве часто грезилась Война,
И торопились мы уйти в солдаты,
Чтобы потом, на счастье пацанам,
Домой назад вернуться старшим братом.
Вернулись мы и в дом родной вошли,
Как будто бы с войны – чуть-чуть уставши,
А пацаны давно уж подросли,
И, как всегда, похожие на старших ...

Мы уходили по стопам отцов,
Мы защищаем труд и славим подвиг,
Чтоб снова не дышать земле свинцом,
И чтобы было матери спокойно,
Чтоб в жизни было больше светлых дней,
Чтобы врагу не изменяла память,
И чтобы дети знали о войне,
Лишь о навек застывшей, в сером камне...

Мы по рассказам знаем о боях,
О мужестве и выстраданном горе,
И верим в то, что
 Русская Земля
Стоит
 Неколебимо!
 Свято!
 Гордо!!!

И что отцы,
 когда пришла Война,
Заторопились уходить в солдаты,
Чтобы потом, на счастье пацанам...
 И вам, и нам
Домой назад вернуться в сорок пятом...

Воинам...

*Всем выдержавшим и павшим
на последнем рубеже
под Москвой в декабре 1941 г.*

Вставай, страна! –
 гремело как Набат...
От боли
 задыхался репродуктор,
Вы шли на запад,
 а потом – назад...
Чтоб защитить Москву морозным утром...

И было страшно –
 не считать потерь,
Чтоб овладеть
 лишь высотой соседней...,
А каждый бой
 похож был только тем,
Что обещал
 Кому-то
 быть последним...
Вы выжили,
 а враг был обречен...
И пали стяги,
 и замолкли Гимны...
Ведь Русским сказано:
 Кто к нам придет с мечом,
Тот от меча
 погибнет...
И повезли вас поезда домой,
Где ждали вас
 и утром,
 и под вечер...
А тех,
 кто не пришел с передовой...
В дом будут ждать...
 пока не минет Вечность ...

Река-судьба
(Посвящение Родине)

*«Тубаиш» - Главный рукав (тувинское)
Туба, Тува – собирательный этноним
древних племен (в переводе - «люди»)*

Течет река-судьба,
иду по берегу,
куда течет Туба –
века проверили...
я в шорохе травы
ловлю мелодию,
и шепотом, на Вы,
любуюсь родиной...
Я в шорохе травы
ловлю мелодию,
тихонечко, как вы,
любуюсь родиной...

Она, как жизнь и мир,
с тремя истоками:
Седой Исток – Казыр –
Тропа истории...
от Тофаларии,
от Семиречия –
Казыр, Кизир, Амыл
и их наречия...
Свет чистоты Саян
на землю прадедов –
течет река моя
Туба в Курагино...

Смотрю не насмотрюсь,
с сыновней нежностью,
в ладони зачерпну –
умоюсь свежестью
Всей чистоты Саян,
надеждой прадедов...,
Течет река моя
Туба в Курагино...

По этим берегам
 прошли походами,
в столицы давних стран –
 в Имисс, и в Кордово...,
и в шапке Жаланжи
 на царство близкое,
 благословит Кизир
 царя Тубинского...
И в шапке Жаланжи
 на счастье близкое,
благословит нас в мир
 земля Тубинская...

Течет моя судьба –
 Река-красавица,
кому через века
 она достанется:
Чей будет здесь Улус?
 Чья тризна? Чей погост?
А я сюда вернусь,
 как Сын, а не как гость...

Течет река-судьба
 и по Поверию
на скалах Письмена
 нам все доверили:
Свет чистоты Саян
 и землю прадедов,
родимые края,
 Тубу, Курагино...
Здесь главный мой причал –
 приюты прадедов:
Начало всех начал:
 Туба – Курагино.

День Прощения

*Прощеное воскресенье чаще
приходится на последнее
воскресенье февраля*

*Тогда Петр приступил к Нему и сказал:
«Господи! Сколько раз прощать брату
моему, согрешившему против меня? До
семи ли раз?» И ответил Иисус:
«Не говорю тебе до семи, но до седмижды
семидесяти раз»
Евангелие от Матфея*

Прости меня,
 святая Вера,
простите мне,
 отец и мать,
жена и дочь,
 Судьба и дело...
и все,
 уставшие прощать...

Как скоротечен
 миг общения,
и как обманчив обиход,
 свои грехи
 я в День Прощения
несу в разрушенный приход...

Чтоб их нести
 хватило силы,
чтоб память в святости жила,
грехи носил я
 на могилы,
и в том мне Вера помогла.

И в Вере
 я ищу спасения,
К ней я несу свой грешный глас,
и пусть Христос
 мне даст Прощение
Семь на семьдесят раз...

Абакан-Тайшет
(главы из поэмы)

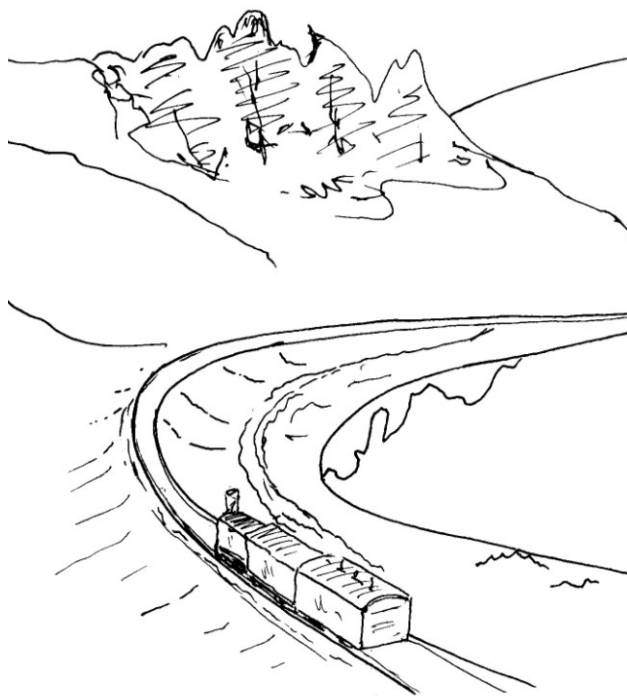
*Изыскателям, строителям, всем увидевшим,
проехавшим и помнящим – посвящается...*

Пролог

Еще у трассы не было начала,
Ни просеки, ни пробных вариантов.
О ней еще не бредили ночами ...
И кто-то жил пока без валерьянки...

А за окном листвой желтеет август
И где-то, кто-то будет ждать свершений,
А Нижнеудинск не торопит аргиш,
Оспаривая трассу вкладом ценным...

Присядьте, парни, на удачу, что ли,
Минуту помолчать – таков обычай,
Пока не захватило снежным сходом,
Присядьте, как всегда, коль случай вышел.

Молитва

Да, я – Стрелец, а, значит, – сын Огня,
мой Бог – Огонь, отец – Огонь, и Вера...
и я прошу благословенья Дня,
в котором бы Огню осталась мера...

Чтобы Огонь замерзших согревал,
и страждущих кормил, заблудшим – светил,
а перешедшим трудный перевал
не ставил обжигающих отметин...

Склоняюсь у утихшего Огня
и сотворю вечернюю молитву:
мой Бог – Огонь, благослови меня,
а утром проводи на поле битвы...

Молюсь Огню, так, что Душа горит...,
молюсь Воде – аж холодеют губы...,
мой Бог – Огонь меня испепелит,
прошу, не торопитесь только, Трубы...

Станция Кошурниково

Поезда торопливо стучат по стыкам колесами,
Разрывая тайгу оглушительно резким свистом.
Кто-то смотрит тоскливо, жалея себя и прошлое,
Из которого так непростительно был он списан...

Кто-то песни поет,
 слышен голос гитары ласковый,
Кто-то едет домой,
 кто-то машет рукой на перроне,
А потом узнает,
 что закат с золотистыми красками
И судьба его
 в этом уходят вагоне.

А дорога ведет,
а дорога на сильных надеется,
На рабочих парней,
кто в морозы ее согревал,
Кто построил ее
и не мучился в сутолоке денежной:
С ними сможете вы
не один одолеть перевал.

Вот Бурлуцкий тоннель,
рядом дальше Кизирский коротенький
Сквозь Каспийский тоннель,
кто-то едет на *Главный вокзал*.
С барельефа мужчина
напомнит вам мужеством профиля,
Сколько мог, он прошел...
и отец его столько же ждал...

Поклонитесь мужчинам,
махните им веткой ольховою,
Ведь деревня Ольховка
здесь главным началом была,
Именами мужчин
называются станции новые...
Заклинаю вас: Господи,
помните их имена...

Город, в котором я не был

У каждого города своя судьба:
Законы свои, свои обычаи.
Я в городе том лишь проездом бывал
И где-то о нем что-то слышал и вычитал.

Ему не хватает больших площадей,
Асфальта на улицах нецентральных
И отдыха. Каждый рабочий день
Наполнен дыханием трех магистралей:

Великой Сибирской, из края в край,
Наполнившей землю колесным ритмом,
И трассой, ушедшей на Абакан
Сквозь степи и горы серебряной ниткой,

В которую город полжизни вдохнул
И отдал полсердца, и полназвания,
Он был не скуп, и как будто знал,
Что эта дорога его не обманет...

Я знаю о городе с его судьбой,
С его дорогой, его заботой,
Которая мучила нас с тобой,
И, может, звала еще кого-то...

А парень не знал, как город возник,
Но только судьбу свою, трудную эту
Однажды он просто отдал – возьми...
И не было большей награды Тайшету...

Зеленые реки

*Кизир, Джебь, Сисим, Крол, Мана и другие реки,
отражающие прибрежную и горную тайгу
вдоль железной дороги Абакан-Тайшет
и в горной системе Восточного и Западного Саян,
для многих красноярцев – начало Тропы жизни...*

Мечты голубые оставить немислимо,
И, может быть, путь на твои Соловки...
А мне на роду Небом свыше написано:
Дорога судьбы вдоль зеленой реки...

А вдруг вам приснятся
 рассветы таежные,
Зеленые реки,
 что где-то бегут,
Маршруты, ребята,
 другие проложены,
А я еще прежних
 забыть не могу...

Где тропы уходят седыми распадками,
Высокие горы встают в небеса...
И солнце встречают белесыми шапками,
Собой заслонив его на полчаса...

А наши костры, наши зори вечерние,
Не гаснет их свет среди темных ночей.
Вы – наше спасение, вы – наше влечение,
И снова наш путь к гребешкам пихтачей...

Намечены тропы и карты составлены,
Мы засеки ставим себе и другим,
Которые начали бредить кострами,
Которые ищут глаза Синильги...
А вдруг им приснятся
 рассветы таежные,
Зеленые реки,
 что где-то бегут,
Маршруты, ребята,
 другие проложены,
А я еще прежних забыть не могу...

Лесков Виталий Олегович

Родился в 1986 г. В 2007 г. окончил факультет Информатики и процессов управления СФУ. Кандидат технических наук.

Молитва о Слове

Моей возлюбленной жене

Прядь перемежена прядью,
Три ленты вплетены в косы.
За жизненной неурядью,
За рядью многоголосой
Скрыто в тебе Слово.

И мы будем растить наш сад.
Да, мы будем растить наш сад
Снова.

Так дай же нам, Господи, Солнца и Дождя.
Так дай же нам, Господи, Терпения и Любви.
Так дай же нам, Господи, коли Слово дал.
А не можешь дать – забери.

Стебли травы дурманной

Писем сегодня нет, и не нужно больше
Сердце растить и воспитывать как ребенка.
Сердце стучит и знает – не в сердце дело.
Вот мера моя – это та еще мера...

Ржавые банки и мертвецы в консервах.
Шкуры, рога, копыта – прочно и напроць
Всё забыты, я одеваю на ночь
Тело свое, бедное свое тело.

Двери кругом – двери стоят по кругу,
Вы так бледны, дайте ж, сударыня, руку,
И раз-два-три, раз-два-три,
раз-два-три, раз-два-три.

Родинка, разотри стебли травы дурманной
Мне по вискам – клин вышибают клином.
Я сыт по горло таким нафталином,
Коим присыпан мой очумелый век,

Где человек – это его машина,
Где человечность – шорох библиотек.

Самолетное

Дом – бумажная коробка.
Стены в птицах, в самолетах.
Тянет небо руки ловко
К горлу бравого пилота.

Братья птицы буревестник –
Остроносые машины.
Мир им тесен.
А в турбинах
Воет ветер заводной.
Заведи меня, попробуй,
Так, чтоб я пришел домой.

А бродяге много ль надо?
Дом – бумажная коробка,
Четверть плитки шоколада,
Звонкий лепет бубенца,
Свет любимого лица,
И начало без конца.

То солнце

Сбило волной все мои мысли и руки сбило.
И обточила волна их под плуг, словно камни.
Но что-то во мне говорит – по-другому было.
Было в них пламя, цветок и нож обоюдоострый.

Да где же теперь найдешь этого парня?

Что носил рубашки на свитер,
Что играл с ветром в эти собачьи игры:
То гонялся за ним, то от него бегал...

Будто святой, будто умалишенный.

И запряженный
В небо солнечный диск
Видел меня таким
И таким запомнил.

Ну, а теперь это солнце – с другой стороны.
И хлещет волна в борт моей старой лодки.
И что-то во мне говорит, будто мы вольны.
А что-то – что мир уже соткан. И мы вплетены.

Снег

В 6 утра из вагона поезда вышел снег в котелке и брюках.
В котелке он привез двух белых кроликов,
В брюках – карманы. В карманах – сны.
В руках – чемоданы, чемоданы полны белой сказкой и серебром.

И пошел он гулять по городу. Городу своего детства.
Ах, как оно смеялось румянцем на щеках!
Как оно смеялось снегирем в окнах!
Как оно смеялось, да растаяло по весне.

Снег грустил. В котелке и брюках.
А за ним по пятам шли два белых кролика.
Город спал еще. Было воскресенье.
Лишь какой-то старик смотрел в окно. И думал.

Такое дело

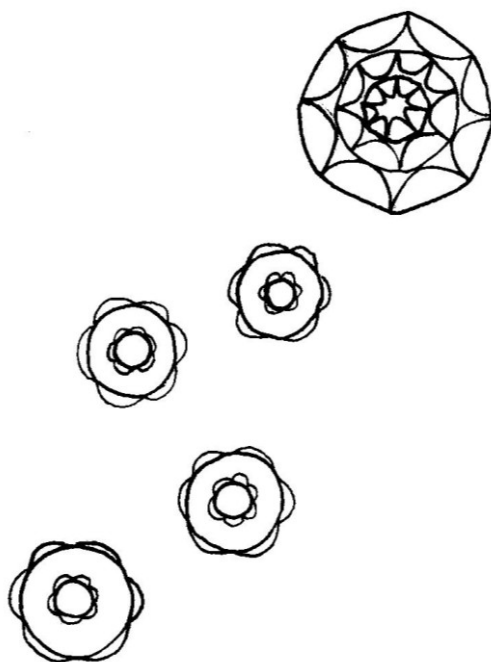
Я забудусь сном,
И меня занесет снегом.
Такое дело, у нас в Сибири зима.

Рыба стоит подо льдом,
А думает, что под небом.
Небо стоит надо льдом,
И рыба ему не видна.

Между нами стена моего ледяного иглу.
Между нами – холод и твердость камня.
Небо мое, мне кажется кто-то из нас двоих
Забыл что-то самое главное...

А Ты сядешь в кресло,
И вечер станет так тих,
И под твоими руками будут виться узоры,
А под моим дыханьем – рождаться стих.

Милая, давай мы отдернем шторы
И уставимся в этот снег,
И, как в детстве, как в самом начале Земли,
Нам будет радостно.

Лескова Анастасия Валерьевна

Выпускница ИИСС КГТУ 2005 года. В клубе «Высокий берег» с 2002 года.

Письмо счастья

Так много крови крутит водовороты в моей душе. Я пишу ею вместо чернил, раздаю нищим. Я пью ее, цедя сквозь зубы, натошак. Кровяные зачарованные озера. Темнобокие рыбы скалят в них дыры зрачков. Темноскулые русалки сплетают свои хвосты в их рдяной глубине. И только маленькие одинокие толчки родников прошивают упрямо темную густоту, силясь пробить, проскрестить, проплакать крохотную дырочку, чтобы глядеть из глубины в струистую свежесть моего неба. Но небо, заплаканное и осунувшееся, все реже поднимает глаза, реже светится радугой и рисует танцы мотыльковых крыл. Оно спит, и видит во сне то же, что и наяву – краснопинную немоту водоворотов. Мое лучистое, дышащее теплом тело устало оживлять мою душу. Оно – наивный, играющий с ветром бумажный фонарик, птенец, видевший одну только весну. Моя душа уже не имеет права быть для него домом, а тело не в силах быть убежищем для души. Они стали несовместимы. Пора найти им новый дом.

Вода никогда не давалась в руки, ее не удастся приручить, при каждом удобном случае она норовит заполнить легкие и наслат змей и крокодилов на незащитные лодыжки. Она льнет к губам и рукам, ищет слабые, трепещущие теплом тайники, чтобы разорить их, свернуть им хрупкие шеи и глядеть с наивной жестокостью на то, как они в последний раз выдыхают свои тайны ей на ладони. С водой не получится дружить, с ней нельзя быть бок о бок. Она обволакивает и вожделеет. Она тянет в зеленый, в синий, в глубинно-фиолетовый и в самый темный – цвет моей неволи и страсти – бесконечный, живой, черный. Она так похожа на меня, но всегда вывернута наизнанку. Даже когда отражается в глазах. Когда утоляет жажду. Когда возвращает жизни цвет и запах. Она предаст. Предаст. Предаст. Сама не веря в это, не ведая об этом. Она предаст и уничтожит следы, не задумываясь. Она – моя неизбывная незаживающая скорбная страсть. Слишком невыносимо, чтобы быть домом. И убегая от нее, предавая первой.

Ветер выгибает спину и ухмыляется веером морщинок. Он поднимет меня на любую невообразимую высоту, напоит колючей весеннеокой синевой, а потом - забудет в сетях самолетных путей. Бросит медленно падать, барахтаться, оттачивая движения, учиться неумению летать. Он не добр со мной, ему нет, собственно, дела до моего наличия. Он великодушен. Но короткопамятен. Ему не нужна я и мои жалкие попытки мастерить из себя птицу. Я буду страшно тосковать по нему. Вспорю себе грудь и приколю всех

своих бледных слепых рыб солнечным иглами к его упругим лентам. И они будут петь, каждая вытаскивать неумело свою ноту, одну и ту же ноту. Болотной ядовитой травой эта песня будет колоть небо. Где-то среди них, запутав следы, я приколю и свое сердце. Но все это будет совсем не похоже на дом.

Я уткнусь, располосованная на ленты, в землю. Похороню свои глаза в мышинных норках, среди семян и монеток. Я протеку с дождями по травяным дорожкам. Рассыплюсь в труху и смешаюсь с цветочной пылью. Безразлична, потому что неразличима. Мое тело, обессилив, отдаст свои теплые тайны, оно позабудет обо всех различиях и всем человеческом. Оно перестанет узнавать меня в себе, перестанет чують мои запахи и прикусит язык от радости. Оно будет плакать от пустоты, от пустоты в горле, в запястьях и на языке. Потому что я прогнала себя из него. Вернула его в теплые пахучие ладони земли. Теперь оно станет заплетаться в травяные косы, в тугие корни, в шерсть на загривке и в капельку слюны. Оно снова научится быть теплым и молочным, научится менять запах и цвет, оно станет совершенным, таким как было, пока кровь не разлилась гудящей темнотой в моей душе. Оно не захочет возвращаться. Оно разучится возвращаться. Теперь это – его дом.

А что делать мне?.. Кровавые реки тянут меня воронками в черные дыры. Я слежу, как медленно скользят в них воспоминания и ошметки бесполезных жертвоприношений. Вновь обретенная невесомость давит к земле и не дает поднять глаз. Я обездолена, ополовинена, вывернута своей, отвыкшей от солнечного света, душой прямо к небу.

Забьюсь в самое глубокое дупло, в котором хранятся трупики птиц и желчь слежавшейся листвы. Забудусь и усну, не боясь потерять остатки себя во сне. Надеюсь на это. И не смогу уже больше различить реальности и забыть. Стану бродить по земле и сыпать на бумагу, на подоконники и в кружки с молоком тонкие реснички слов, налитые спелой темнотой. Гладкобокие и упругие. Они так теплы на языке, так манят попробовать их звенящий травяной запах. Но все они отравлены моим присутствием, отравлены мной.

И теперь ты, вкусивший моих слов, поселил в своем глазу мое отражение, в своем отпечатке – мое тепло. В своем дыхании – терпкость моих губ.

Это мое наивное беспронимательное заклинание.

Моя мольба о доме.

Мое Письмо счастья. Если ты прочитал его до последней семечки, до крохотного осколочка, осторожно выдохни меня на ладонь, на самые кончики пальцев, и передай другим. Посей прикосновением, вживи поцелуем, и тогда когда-нибудь ты сможешь растереть меня по всему миру, сделать тонким невнятным дыханием, смешать со всем живущим и не жившим никогда, дышащим и застывшим в ожидании. Лишь тогда я перестану мучить твой сон нечаянными кошмарами. Потому что перестану их видеть сама. Ты снова сможешь стать счастливым. А я ...

Сердце

Как мне научиться быть честной с самой собой, как не помять в нервных пальцах подаренных крыльев? Нет, не подаренных, они твои, ты доверил их мне, а я – несу теперь гордо в своем сердце. И каждый мой шаг пропитан предощущением полета. Но я не улечу одна – жду осторожного знакомого тепла твоей ладони.

Ты выше меня, ты всегда выше меня. Ты тонкий, как травинка, но крепкий, и я вижу в тебе такой свет, который может быть только в мужчине. Я – живу чувствами, будто на ощупь, прячусь от себя, но женские игры не могут быть невинными, в них всегда есть кровавый отблеск. Ты – ясный, ты смотришь в себя без смущения, даже если от страха немеют пальцы, если вынужден быть слабым. Помнишь – все мои лесные тропинки и высушенные в книгах цветы – только для тебя? Не отказывайся от моей помощи, давай будем еще честнее, обнаженнее друг с другом. Я совсем не боюсь, что останутся шрамы, я буду гордиться ими. Только прикушу кончик языка и зажмурюсь – с некоторых пор я стала любить боль, она напоминает мне о том, что я жива.

Вижу так много тайны в тебе, того, что ты еще и сам не разведаль, только почувствовал на языке душистым морским привкусом. Вижу, что только вместе мы сможем идти дальше, слишком переплелись наши линии на ладонях, только вместе мы сможем отвоевать самих себя у неизведанности. Я согласна быть твоим оруженосцем, твоим виночерпием, твоим придворным звездочетом, ты же знаешь – я упрямый зверь, могу жить всего лишь запахом твоего дыхания. Я, если позволишь – буду щекотать твое плечо теплом своей щеки, тебе понравится, я могу быть не только колко-соленой. Станем бродить степями, пить настоявшийся на солнечных поцелуях воздух и петь. Ты – свои чутко-пряные песни, а я – струить через пальцы реки слов. И под любой луной мы будем звучать в унисон, я знаю.

Иногда мне кажется, что ты любишь меня намного больше, чем я когда-нибудь смогла бы любить тебя, ты лучишься весь самым нежным бескорыстным светом, самым ровным глубинным свечением. Я запинаюсь, робею, застываю в восторге, глядя на тебя. Наверное, в такие моменты уже ты разгадываешь во мне невиданные тайны. Мне их никогда не увидеть, я слишком привыкла к себе.

Смотри, я стою перед тобой на коленях, но, не потому, что признаю себя покоренной – в оковах я сама отгрызу себе руки. Просто, только к тебе я могу прийти и надышаться под твоими добрыми ветвями тишиной, спрятаться от себя самой, переждать, пока сердце не отыщет нужный ритм. И еще... просто я люблю тебя. Я насквозь пропиталась тобой, и даже глаза мои чаще сменяют свою морскую зелень на цвет твоего неба. Я им разрешаю, улыбаюсь смущенно, я – наш первый ребенок.

Я могла бы уткнуться в тебя носом и дышать только твоим теплом – травяным, хлебным духом, но тогда я совсем перестану думать. А зачем я тебе такая? Поэтому, давай будем летать, не связанные, но родные. Равные.

Наедине

Тишина еще никогда не была так льстиво дружелюбна. Еще бы, ведь я затынула удавку из глубокого сна на ее шее, она молчит и глядит на меня, не мигая, сквозь подрагивающие пальцы. Она готова рисовать поцелуями лезвия бритв, кромсающих меня на тонкие алые лоскуты, ткущих узоры на моем безымянном теле. Но сегодня я сплю слишком крепко – они не смогут причинить мне вреда.

Я сплю, безропотно и беззащитно отдавшись темноте, забыв, что вдыхать ее целую ночь – это то же самое, что цедить самую коварную таинственную отраву. И следить в подглядывающее зеркало, как расширяются зрачки, как уходит к небу дыхание.

Просыпаюсь...но! О, коварство! Продолжаю спать. Делаю осторожный шаг в сторону, разрываю тонкую пленочку соединения себя с собой. Вижу себя со стороны. Вот я спящая – полная неискоренимого ожидания, которое днем притворяется безразличием, и цветет на губах и лбу ночью. Так странно и зыбко, так сладко, желанно и страстно. Сны не мечутся по подушке, они застыли в ожидании, они зажаты в угол, дрожат и исходят соленой испариной. Тсссс...глупые, я не трону вас. Я делаю только маленький шаг навстречу себе, рассекаю густой, онемевший от удивления воздух. Я не иду на пятную, не хочу воссоединения. Нет.

Только как можно мягче, будто случайно, не желая причинить волнительного беспокойства, дышу на ресницы, проверяю, крепок ли сон. Раскладываю мягкими реками волосы по подушке, не гублю красоту – делаю ее совершеннее. Так, чтобы она как можно меньше была похожей на живую, чтобы она застыла сама, удивившись своей тонкости и хрупкости. А я тем временем покрою ее пахучим лаком, слой за слоем, стон за стоном, страх за страхом – закреплю тонкой желтоватой озерной гладью. Надежно и крепко.

Замираю. Смежу веки. Такое теплое колкое предощущение на языке, восторженные нотки беспокойства в запястьях. Читаю теплые линии плеч, тропинки вен на шее, так наивно и безоглядно оголенные, по ним можно учиться ходить и не делать ошибок никогда в жизни. Ах, если бы...если бы они не были так подвижны, если бы они не слепили глаза! Я теряюсь от волнительного колкого пульсирующего отображения вечности в этих тонких глупых бегучих дорожках. Замираю от щекочущей неосуществимости выбора – растерзать или увековечить в спирту.

Нет! Нет... Не позволю себе прикоснуться к себе, спящей. Знаю тайну своей прервавшейся ежедневности, потираю руки от вседозволенной недозволенности страстно желаемого. Могу только вдыхать запах, могу вдыхать свет и многоголосье рвущейся наружу жизни.

Остановлюсь, остыну, оставлю. Не сегодня. Не сейчас. Не в этой мгновенной слабости. Жгучее желание всегда слепит глаза. Лучше притаюсь за левой мочкой, обману шафранным дыханием, нежной мягкой затаенностью летучей мыши. Лягу прохладной дрожью дождевой капли на язык. Просочусь в себя спящую. Тайно, не выдав ничем своего присутствия. Буду осторожной, терпеливой и кроткой. Свернусь клубком. И стану ждать. Ждать.

Ведь мы с тобой обе знаем, что значит быть искусным жрецом ожидания. Я буду во всем тебе послушна, о, моя светлая полупрозрачная, почти не видная на фоне солнца, хрупкая, хрупкая травинка. Ведь только я знаю – тебя так просто переломить, нечаянно. Так незаметно. И так сладко. Когда-нибудь...

Ловите меня, травы...

Ловите меня, травы, пейте меня – обездоленную, обескровленную, лишённую пульса и мыслей, обретшую наконец-то желанную пустоту в груди.

Мните меня, растирайте в пыль, дробите мою память, мешайте ее со своими соками, прорастайте в ней густым зеленым туманом.

Клянусь, я буду только вашей, никому больше не дамся в ладони, наколю ваши письма на подушечках пальцев, вырву звук вашего имени из собственного горла и, слепив из него птицу, утоплю в своих слезах, чтобы распрощаться с собой легче, светлее.

Заполните меня всю пряным туманом, зеленым пульсом, научите биться в танце вашего шепота, тонкого тоскливо зовущего пения. Его звуки вышьют для меня русло по утренней зеленой глади.

Упокойте меня глубоко в земле, лишите целостности, лишите принадлежности, лишите себя самой. Чтобы ничего больше не могло связать меня, ничего не мучило насильно, чтобы меня больше не стало.

Вот когда я растворюсь, стану одним целым с вами, тогда и найдусь, тогда и расцвету снова. И кем бы я ни стала потом, только позовите – учую ваш точеный зов, приду и защищу, каждую травинку, каждый тонкий стебелек – как собственное выстраданное дитя.

Игры с памятью

Войлочный бок моей кроткой памяти
стелет дорогу для мягкой поступи,
но проседает и проминается –
не удержать непреклонной легкости

мерных шагов моего одиночества.
Выбрано верно рукой неверною
зыбкое место в ладони времени –
воздуха в грудь, чтоб глядеть уверенней.

Ведь... крепкого неба моей памяти
вечные темы и сны законные
я предаю из-за самой малости –
чтобы шаги стали вдруг невесомее.

Напиться бы до озноба
слезами твоих колодцев.
Дотронуться чутким слухом
до песни, тобой рожденной,
И сладко сдавливать крики,
Когда прорастает сквозь кожу,
Разбуженный солнечным эхом,
Во мне твой росток осторожный.
Навечно внутри плененный...
Но сердце противоречит,
оно за такие речи
к моей груди пригвожденным
свое коротает бессмертье.

Луна умирает

Капелька медовой густоты
и не медовой горечи
ненасытной полночью
полнится

Тяжкого томленья ни о чем,
зыбкого, как омуты
отражения речного,
ночного.

Слижет скоро каплю языком —
звездами шершавыми —
темнота бездумная.
Новолунная.

Малашкина Анастасия

студентка 5 курса ИППС СФУ

Остров

Но, может быть, просто
Какой-нибудь остров
Вдали я увижу...
Или даже услышу!..
И, может, узнаю,
Что там где-то тают
И тоже страдают
Такие, как я.
Но я удивлюсь,
Как будто проснусь
И вздумаю: «Боже!
Как может быть тоже
Кто-то похожий,
Кто-то такой же
Сидеть и бояться,
Бояться остаться
Или убраться,
Считать одиночество
Чистым пророчеством,
Тихо гадать:
Начать – не начать...
Такое невыносимо!
Даже бессмысленно!
Я не боюсь!
Но я – остаюсь...»
...Они погадают
И тоже узнают,
Что где-то страдаю
И, может быть, таю
Такая обычная,
Даже привычная,
Одинокая я.

Это – слабость...

«Это слабость, а не дым!» –
Нам кричали. Мы звучали,
Да раздали серпантин,
Чтобы не было печали.
Клоун с цирка Шапито
Стал амуром: лук да стрелы.
Пляшет длинное перо,
Не скучают пионеры.
И от бедности карманов
Грянем живостью ума!
Нам бы только в капитаны,
Да без высшего нельзя...
Я в дыму? Да это слабость!
Не судите – не судимы.
Мне бы только обожалось!
Остальное – победимо.

Попытка – не пытка...
Попытка – к упрямству короткая нитка,
И к пьянству, и к танцу
Неплавных движений калитка.
А пить ли по литру?
А может пойти мне по миру?
И в даль, и за даль,
Уйти навсегда за Памир.
А там, за деревьями, клевер,
Сирень по каемке, как веер,
Колышется в ветре,
Он дышит на север.
Нужна ли попытка?
Не лучше ли ночью
Уйти за дыханием мира
И стать его дочью?

Ни за что никогда не согласная.
Стану танцем
И вам отдамся.
Ну не решить мне ваши строгости,
Пошлости, низости.

Призы – за жизненность,
И творчество –
В постели отрочества.
Слова плачут, сыплются, тают:
«Я не такая! Нет-нет, я не такая!»
Но мне уже скрутили руки,
Что-то мутят,
Смотрят, шутят.
Глупые люди.
Улыбаюсь и исчезаю:
Ведь я не такая...
Я говорила, что не такая...

Ода глупости

Глупости юные многим обязаны,
Глупостью многие счастливы – связаны,
Многим обязаны глупости умные,
Это не странно, все были глупые.
Глупостью в сущности многие связаны –
Все мы в итоге за что-то обязаны.
Странно лишь то, что иной раз несчастливы те,
Кто ни разу ей не был обязан.

Манзанов Евгений

Выпускник кафедры ЮНЕСКО СФУ 2010 года. Председатель литературного клуба «Высокий берег».

Насколько устойчивы фундаментальные столпы?
Фиктивные мысли в голове флюгером
Выхватывая фрагменты фраз из толпы,
Фразы оформлять быстроходным люгером.

Скрещивать фингеры за спиной,
Фальсификация не знает пределов,
Чистить ногти острой финкой,
За углом не миска сладких эклеров.

Пьешь фиолетовую жидкость дней,
Фактически все, что я говорю, вымысел.
Фасады покрыл чёрный иней,
Финиками рассыпаны смыслы.

Фривольно интерпретирую слова,
Я бы хотел дать вам больше,
«Апчхии! Будь здорова! Сова».
Мне кажется или реальность была тоньше?

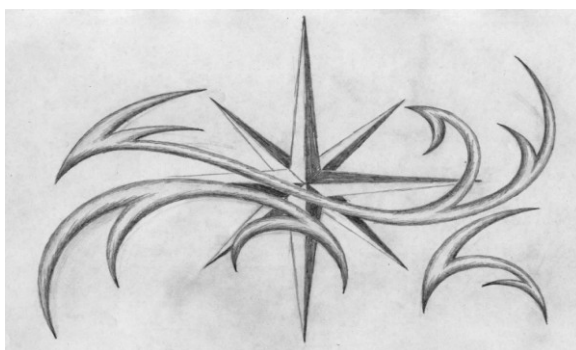
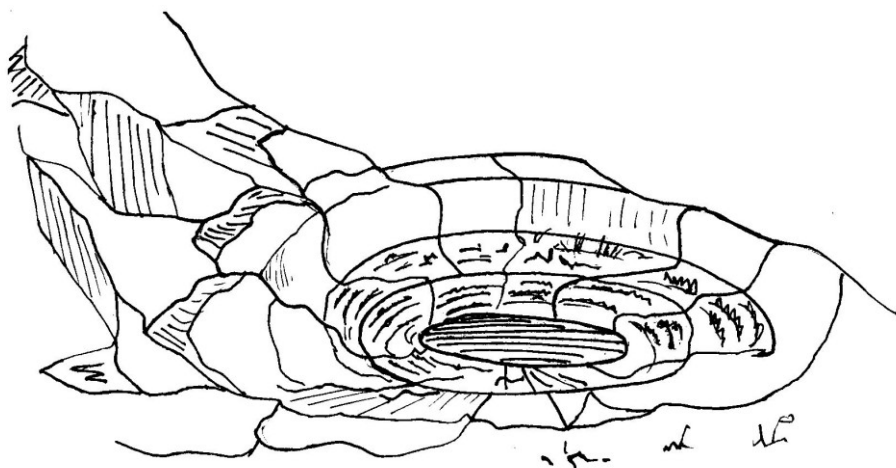

Рис. Л.Коновой

Не верь, не бойся,
Не думай, что можешь,
Шепни душе: «Скройся», –
Мосты сожжешь.
Смотришь на дождь,
Кричишь в темноте,
Плачешь кровью,
Думаешь, что поступаешь правильно.
Не так ли?
Сплеываешь слова,
Смотришь в потолок,
Вертишь головой, как сова,
Бежишь за хвостом, как пес.
Ты все еще думаешь, что поступаешь правильно.
Не так ли?
События – это череда сожалений,
Вереница не прожитых жизней,
Ты давно облачен в рубашку смирений,
Потерян счет съеденных дней,
Может, ты давно не дышишь,
Все, что ты делаешь, НЕ правильно,
Не так ли?
Грызешь суточное время,
Разжевываешь и проглатываешь ночи,
Хрустишь костяшками, вглядываясь в ничто,
Поигрываешь судьбами.
Ты ничего не делаешь.
Не так ли?
Обгладываешь подушечки пальцев,
Выкидываешь из окна надежду,
Топишь в унитазе веру.
Заматываешь изолентой любовь.
Задаешь вопрос:
«Имеет ли смысл, что ты что-то делаешь?» –
Не так ли?
Отрыгиваешь клубочки шерсти,
Греешь бока об батарею,
Обдумываешь планы мести,
Всем говоришь: «Я умею».

Глотаешь мелкие монетки,
Бьешься, как рыбка в сетке.
Все задают вопрос:
«Что ты?» —
Не так ли?
Собираешь себя по частям,
Чувствуешь себя машиной,
Послал всех к чертям.
Запиваешь мутной тиной.
Медленно падаешь со стола,
Деформируя сознание.
Все, что ты делаешь, двояко,
Не так ли?

Трассы

Я уже давно не верю в счастливый финал,
Я уже перестал верить в Деда Мороза.
Может, вы скажете, что от жизни отстал,
И говорите: «Иди за солнцем».

Ну да, может быть, есть в этом резон,
Сериала жизни – стремительный бег,
И ждать, когда кончится этот сезон,
Надеяться, что в душе расплавится снег.

А трассы нас встречают плитами могильными,
Венками и гравием – слов и поступков.
Утром мы надеемся проснуться сильными,
Для нового дня, недели и года.

Шаг

Шаг в сторону, пропасть сомнений,
Что шаг этот надо сделать,
И всяческих мыслей, убеждений,
Что шаг давно уж сделан.

Ищешь свое собственное лицо,
Вглядываешься в чужие лица,
И со всем этим надо мириться.
А стоит ли? Уже всё равно...

Сидишь в беловатом дыме,
Забытых, не своих мечтаний,
Пропахли волосы и одежда
Чужими очертаниями.

Смотри, Снусмумрик пришел уставший и злой,
Весна, а Мумми-даллен вымерз зимой.
Весна всегда показывает кто – где...
Весна стучит бронхитом: кашлять стал.
Весна хрустит ненадежной кромкой льда.
На вопрос с явным «нет» думаешь ответить «да».
На вопрос с явным «да» думаешь ответить «нет».
Ерунда, ерунда, а в пруду всплыл старый секрет.
Зудит кожа, началась уже линька,
В небе, если не облачно, то синька,
Морра, уйди с сердца, у меня нет кровавого рубина,
Это стекло, стекло из дешёвого магазина.
Тиканьем в запястье отзывается время:
Так – так – тик – так – так – так – тик! Дятлом в темя.
Аритмично, навязчиво и тихо.
Оглянись: за плечом притаилось лихо.
А вчера Снусмумрик нашел в лесу подснежник:
Это был ты, Мумми-тролль.....

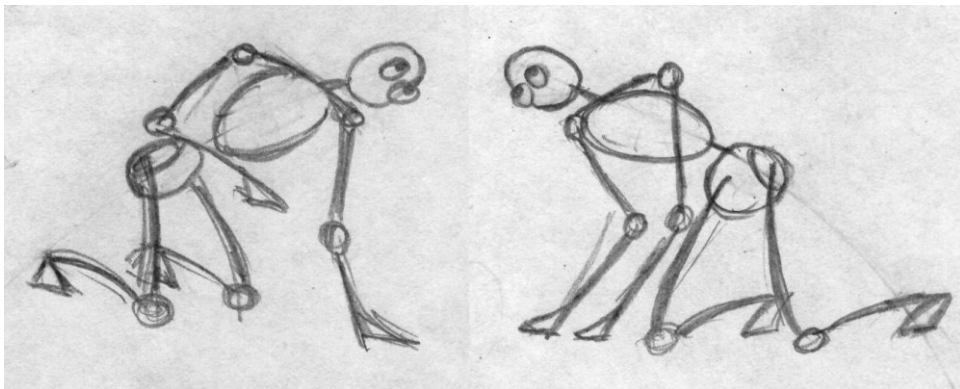

Рис. Л.Коновой

Сны

Какие могут быть ответы,
На вопросы, заданные в никуда?
Помня, что бывает чудо,
Надеешься, что это ерунда.

Какие могут быть вопросы
На «да» и «нет»?:
«А третье дано?».

А мысли падают, как сосны.
Идут на мачты слов.
Уйдут, как сны.

Залп

Сгоревшие слова тихо ноют по ночам,
В зажатой ладони трепещет огонек —
Пятьдесят семь мегатонн.

Отпечаток теплой длани на небе.
Веер затхлого запаха обдувает стены.
Освященные окна улиц глядят тебе вслед.
Взбиваешь белки глаз до пены.
Вытаскивай сухие камни из речек:
Рисковать не имеет смысла.

Просыпаешься, жалея о том, что проснулся,
Но не можешь заснуть, потому что жалко.
Жалко — оно у пчёлки.

Дальние дороги расческою столбов
Расчесывают взор, направленный за горизонт,
Рассчитываешь на дождь, но не берешь зонт,
Расчесываешь до крови укусы комаров.
Пушечный расчет внутри головы.
Залп.

Гуляя по городу, можно увидеть, как он преображался. Старые постройки, мемориальные дощечки рассказывают или пытаются рассказать, что город был другим. Мне нравилось писать даты, а потом смотреть, как эти даты уходят в небытие. Например, во дворе стоит береза, на ее коре на уровне глаз написана дата карандашом: 23.11.97. Ее я написал. Она не стерлась, и это уже глубокое прошлое. Интересно, если долго смотреть на эту запись, можно ли переместиться в прошлое? Как бы я распорядился своей судьбой, если бы имел представление о будущем. Это, наверное, неправильно, думать о прошлом. Но, что поделаешь. Или двор. Я помню, когда он был совсем другим, нет, вообще другим. Но уже давно нет ни фонтанчиков, орошающих его, ни качелей. Остались только вонючие контейнеры и какие-то ужасные деревянные инсталляции. Я всегда удивлялся, когда приезжал в гости дядя: собирал своих одноклассников и обсуждал, кто женился, кто спился, кто сдох и т.д. А теперь... Счет сдохших открыт. Рельсы, рельсы. Скучно. Много становится скучно. Я не отмечаю второй год свой день рождения (нет, близкие мне люди собираются и пьют), но уже не так. Что это, взросление?

Перемены, но эти перемены не к лучшему. Что необходимо? Война? Катастрофа, чтобы почувствовать себя живым. Но нет. Это слишком. Я недавно понял, правда, мне подсказали, почему меня тянет на родину, кроме родни. Это небо, которое почему-то здесь очень близкое и другое. Оно имеет даже другой цвет. И сама граница неба, и степи как-то манят. Может, мне повезло родиться не в свое время? Но я тогда не могу понять, как это вообще: родиться в свое время. Прошлое или Будущее. Потому что Настоящее - его нет. Мига, который был, уже нет.

$A \geq A$.

Все ли это, что быть, но не быть как-то, что не было.

Рис. Л.Коновой

Эммануил Груши, подстрахуй меня сегодня,
В бой, моя храбрая конница,
Моя вера защищает меня
Неуверенностью в завтрашний день.

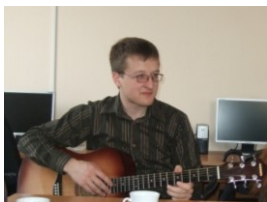
Закрывая уши, я слышу блюз,
Но мне не дано показать его вам.
Капитаном подлодки кричу: «Закрывайте шлюз!», –
Обрекая на гибель оставшихся там.

Разбавляйте водою шампанское,
Тостом будет гробовое молчание.
На гитаре наиграйте что-то испанское,
Конкистадоры ушли в благодатную тень.

Гусары, прошу тишины, я еще говорю!
Остыли пушки бородинского поля,
Албигойцы и ваши костры уже не горят.
Раны щедро посыпаны солью.

Хорус, друг, по-моему, тебя занесло,
А, хотя, какие слова, если можно молчать,
Да и пепел давно уже унесло,
Только пушки все равно не хотят замолчать.

Сколько пафоса слов можно придумать в ночи,
Как от горького кофе, немного тошнит.

Мосейчук Роман

*Магистрант Института инженерной физики и
радиоэлектроники СФУ*

В душе теша надежду,
Я верю, что настанет день,
И ты ко мне придешь,
И назовешь меня своим.

Но этот день еще в тумане
Жестокой жизни нашей.
Но я тобою восхищаюсь,
Все мечтаю о тебе.

И в сладостном миге встречи
Мы новый мир откроем вместе:
И потонут в этом мире
Все тяготы и невзгоды,
Одиночеством пропитанные дни.

Глаза любви полны,
Но душа не скажет никогда,
О чем там сердце говорит,
И ты не узнаешь никогда,
О ком так сердце плачет.

Лишь улыбка на глазах
Пеленой закрывает взгляд,
А память шепчет: «Поверни все вспять,
Чтоб вернуть ее к себе».

Ведь ты все ждал ее,
Но потерял так быстро,
Что лишь слезы
Дорожки проложили на щеках.

И не воскресить чувства, пылавшие
В душе твоей, когда расстались мы с тобой.

Падал снег, и слезы все блестели.
Все не верилось ещё,
Что я покинул те места,
Что стали мне роднее.

Но жизнь на месте не стоит,
И путь держать нам дальше надо,
И новые законы нам нести.

Конечно, жаль, что здесь оставил
Ваши знания, что не впитал,
Свое внимание, что развеивал напрасно,
И то внимание, что тебе я уделял.

Увы, настал тот час - покинуть
Места родные, видно, на роду предугадано давно.
Но вспоминаю все наши дни
Я с теплотой и слезами на глазах.

Я не забуду те первые, робкие встречи
И тот сладостный миг первого взгляда,
И искру, пробежавшую меж нами,
Но тот миг уже не вернуть,
Когда тебя в последний раз увидел.
Твой образ в памяти останется моей,
Твой светлый, печальный лик
Будет всегда на виду
Стоять пред глазами.

Сердца стук в темноте
Звонко звучит в груди.
Вспоминая о тебе,
Я все чаще вижу себя
В объятиях твоих,
Но жестокая судьба
Разъединила нас с тобой,
И лишь во снах мы с тобой
Открываем врата мира нашего.

Сердце от любви пылает
И лишь тебя оно вспоминает.
Когда покинула ты меня,
Тогда и ушла надежда от меня,
И нет возможности представить,
Как прекрасен полет души твоей,
И нет желаний, что утаить я мог
От тебя, прекрасная богиня.
К тебе обращен глас вопрошающий,
И только ты могла бы мне ответить:
Найти ответ на зов души моей.

Тебя со мною рядом нет,
И увидеть тебя я не смогу:
Ты ушла далеко вперед,
Оставив меня во тьме печали.

Потерянная веками назад,
Ты прекрасной останешься в веках,
И пусть года проложили
Свои следы на мне и тебе,

Но я, надежду не теряя,
Все тебя ищу во тьме
И во сне я все яснее вижу
Нашей встречи миг прекрасный,
И не будет ничего на свете
Преградой мне на пути к тебе.

Словно проблески во тьме,
Мелькают воспоминания.
Увы, отгремели фанфары и балы,
Увы, не оставила память образ твой,
Как ни пытался я вернуть тебя:
Ты не оставила ни следа.
И не успеть мне тебя похитить
До начала чужого торжества,
Как ни пытался я тебя увидеть.
И только туфелька в руках
Напоминает, что это был не сон.

Случайно оброненное слово:
Как сильно ранить могло оно,
И пусть останутся в тумане
Вся жизнь, мечта и любовь,
Но образ твой в памяти
Не исчезнет никогда:
Прощальный взмах ресниц
Прекрасных глаз твоих.

Носков Игорь

Активист литературного клуба «Высокий берег» со дня его основания. Неоднократно участвовал в краевых фестивалях поэзии. Виртуозно владеет гитарой.

Ты помнишь?

Ты помнишь прозрачные реки?
Ты помнишь ручьи в небесах?
И как это все мы навеки
С тобой отразили в глазах?

Ты помнишь снега голубые
И горы, упавшие ввысь?
Ты помнишь, какими мы были,
Друг другу шепча: «Эй, проснись!»

Ты помнишь, что все это – наше,
Когда-то кружилось давно...
Теперь мы все сеем и пашем –
Но помним себя все равно...

Ах, если бы все это было
Действительно павшее ввысь –
То это бы все и уплыло
Туда, где мы шепчем: «Проснись».

Я на коленях

Я на коленях, моя Женщина!
Все то, что мерится – измерено
И жизнью все давно проверено,
Но между нами – нету трещины.

Да будет!

Пушинки вербы на ветвях
Дрожат концами.
Да будет день пригож и свят
Над всеми нами.

Да будут солнце за окном
И киль под днищем.
Не крепостью пусть будет дом,
А лишь жилищем.

Да будет вечно в мире жить
Христова вера...
Да буду я тебя любить
Совсем без меры...

Рис. Л.Коновой

Напиши мне завтра:
«Я тебя люблю», —
И тогда внезапно
В жизнь влетят мою

Радость и удача,
Небо и земля...
Это всё...А значит,
Жизнь пройдет не зря.

Мне надоело быть не мною, а другим.
Явления, предметы, быт и люди...
А утешаю я себя одним –
Что хуже, чем на кладбище, не будет.

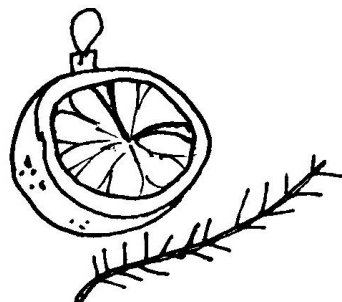
С Новым годом!

С Новым годом, наше детство золотое!
В этом детстве не бывало непогоды.
По сугробам мы там бегаем с тобою.
С Новым годом! С Новым годом!
С Новым годом!

С Новым годом, закипающая юность!
Нам она преподнесла свою природу.
Как легка была по жизни наша глупость!
С Новым годом! С Новым годом!
С Новым годом!

С Новым годом, опостылевшая зрелость!
Мним себя умнее всех, нас мнят уродами.
Как же взрослыми тогда нам быть хотелось!
С Новым годом! С Новым годом!
С Новым годом!

С новым годом, наша будущая старость!
Детству – нет – она не будет антиподом.
Все равно я молодым всегда останусь,
Как и ты... Тебя целую.
С Новым годом!

Давай побезумствуем

Давай побезумствуем – март на дворе.
Мы в марте купаемся, как в серебре.
Ты – кошка, вся в марте. Я кот – тоже в нем.
Мы оба в азарте по марту идем.

Из нового года – скорее в весну.
Такая природа у нас с тобой – ну!
Давай же, давай же по марту пойдем
И где-нибудь ляжем иль упадем.

И будем мяукать, мурлыкать, стонать,
Чтоб только наука могла бы понять,
Что кошка и кот утонут в серебре...
Давай побезумствуем – март на дворе.

Давай отметим твой апрель –
Я поздравляю с Днем рожденья.
Во все хорошее поверь
Ты в этот самый день весенний.

Что? Я ошибся? Извини...
Эх, Женька, мы живем с азартом.
То – то, то – сё... Мелькают дни –
Я поздравляю с восьмым мартом!

Полянский Константин

Выпускник ФИПУ, аспирант СФУ

Вера

Ее ни сжечь, ни истребить,
Она – чума, холера...
Засела в нас, и нам с ней жить,
Название ей – «Вера»!

Не пощадила никого –
Сократа иль Гомера,
Уж вряд ли сыщешь одного,
В ком не жила бы вера!

Таков ее суровый нрав –
Порой нельзя проверить,
Порою знаешь, что неправ,
Но свято будешь верить!

Гляди-ка, мир сошел с ума,
Дав слабину однажды,
И, сквозь неясности туман,
Во что-то верит каждый!

Она пришла, как тот недуг.
Нужна ль нам и не спросила,
Но я однажды понял вдруг,
Что в вере – наша сила!

Лишь в вере крепок человек,
Она – его оружие.
Судьба не сломит нас вовек,
И в это верить нужно!
Преодолею, как во сне,
Препятствия, барьеры.
И буду жить, пока во мне
Живет хоть капля веры!

Музыка

Кто придумал тебя, я не знаю,
О, прекрасная неба стихия!
Мелодичности звуков внимаю, –
Вдаль уносятся мысли плохие,
Поднимается вмиг настроенье,
Сразу чувствую космоса близость,
И души вырывается пенье
Из груди, что дышать научилась!
Ввысь уносит, как ветра порывом,
Сказке вновь суждено стать былью.
И стою я один над обрывом:
За спиной моей выросли крылья!
«В чем секрет твой?» – ее вопрошаю.
Не ответит и лишь рассмеется,
Ну, а я, благодарный, вкушаю,
Как гармония музыки льется...
Пусть остался опять без ответа!
Ничего! Видно, так интересней!
И покорно прошу я совета.
Разреши – ее сделаю песней!
А пока только лишь созерцаю
И горжусь тем, что стал я причастен
К той, которую так обожаю –
Музыке, награждающей счастьем!

Главный день Мира

Девятым днем Святого Мая
Из всех прошедших годовщин
Грядет важнейшая – я знаю,
Где будут чествовать мужчин!
Весенний снег там будет таять
На плитах вечного огня...
Он возвестит о том, что память
Не гаснет в нас день ото дня!
И, глядя с трепетной любовью
На грудь в медалях боевых,
Мы вспомним мужество героев,
Ушедших, но в сердцах живых...
Их дело доблестно и свято,
Живет их подвиг сквозь года,
Они в далеком сорок пятом
Нам подарили Мир тогда...
И в этот славный юбилей
Придем с поклоном, как один,
Мы к тем, кто в Матушке-Земле,
И к тем, кто дожил до седин...
А ветераны будут гордо,
Годам прошедшим вопреки,
Стоять величественно, твердо,
Прижав гвоздичные цветки!...
И в вихре праздничного света
Под звон бокалов грянет пир,
И будет праздновать Планета
Когда-то долгожданный Мир!!!

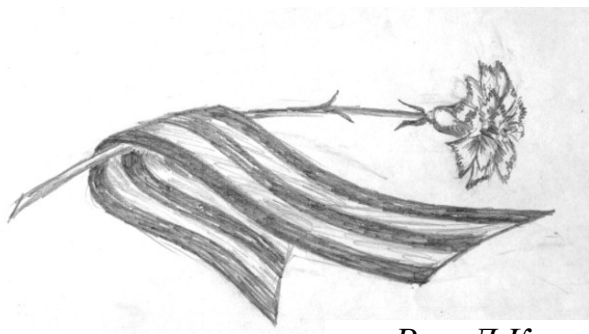

Рис. Л.Коновой

Мы были, есть и точно будем

Мы были, есть и точно будем,
Мы – покорители стихий...
На первый взгляд мы просто люди,
Но за душой у нас стихи ...

Мы разные в своем безличии –
Поэт, романтик и певец...
Но не найти и в нас отличий,
Коль муза сыщет свой конец!

А потому, раздайся, бубен,
И звонче будь, гитарный бой!
Мы были, есть и точно будем,
Раз так нам велено судьбой!

Запах жизни

Так пахнут свежий воздух на рассвете
И чая терпкий запах по утрам...
Так пахнет лепесток в большом букете,
Который для любимой рвал ты сам...
Так пахнут пыльной книги том любимый,
Морского побережья теплый бриз,
А грусть запахла горькою рябиной,
Когда с ресниц слезинки сорвались...

Припев:

Вдыхая запах жизни,
Поймешь, что нету лучше...
Он опьяняет мысли,
Твою согреет душу...
Зимой в далеких Альпах,
Весной в холодных лужах –
Везде есть жизни запах,
Ты лишь вдохни поглубже...

Так пахнет первый снег на ели лапах,
Так пахнет хвойный лес перед грозой...

И даже у победы есть свой запах,
Он голову дурманит нам порой...
Так пахнут едкий дым костра ночного,
Родных объятий нежный аромат...
Но только ностальгии запах снова
Все тот же, как и много лет назад...

Планета

Там, где нашел приют покой,
В далеком уголке Вселенной,
Одна, оставлена судьбой,
Дорогой, к свету проторенной,
Летит навстречу чудесам
И кружит, в платье звезд одета,
Любви планета и добра,
Большая светлая планета...
Не страшен ей зловещий дождь,
Метеоритами рожденный,
И не бросает ее в дрожь
Вид той дыры, зовут что черной...
И так летит сквозь бездну дней,
Пронзая световые лета,
Но стало только больше в ней
Того тепла, добра и света...
Зачем орбитой своей
Летит и вертит ось так нежно?
Затем, чтоб всякому на ней
Жилось легко и безмятежно!
Зачем среди светил небесных
Возникла гордой одиночкой,
Пожалуй, точно неизвестно.
Она – наш дом, известно точно!
Мы стали в доме том детьми,
Она же мамой нам родною,
С тех пор планета та людьми
Зовется матушкой Землею!

Сильвестрова Анастасия

Аспирантка ИФиЯК СФУ

Старая сказка

Я черная кошка в глазах толпы
На костре предрассудков и суеверий.
Во вчерашний день сожжены мосты, —
Обернусь ведьмой, как вы хотели.

Кто постарше из вас — отведет взгляд,
Молодые — подбросят хворост.
На соборной башне гонцы трубят
О позоре моем во весь голос.

Далеки звёзды — не достать рукой,
Крыльев нет долететь до цели.
За меня, преступницу, теперь горой
Только ангелы и менестрели.

Обернись, огонь, на моих врагов,
Чтобы искры по ветру летели.
Раскраснелось небо от темных слов.
Что ж вы, смелые, так присмирили?

Светлый рыцарь, видишь, ты не у дел,
Я одна — потеряла веру.
Простирала руки, а ты просмотрел —
Птицу белую в стае серых.

Вознесла крылья — не разглядел,
Как горело сердце, за клочьями дыма.
Уголёк черный в руках повертел,
Улыбнулся, прошел мимо.

Не грусти, милый, чего не вернуть —
Пусть уйдет за границу тени.
Обернусь кошкой, чтобы уснуть —
Неузнанной — на твоих коленях.

Зима без конца. Путевые заметки

1.

В этом городе все не так.

Январь к середине.

За окном дождь
и мокрый асфальт.

Маргаритка цветет
на зеленом газоне
футбольного поля.

Ночью снова снег,
белый на черном.

В этом городе все обман.

Утро в снегу и лужах.

Сегодня привычный трамвай
снова повернул не туда
с железного кольца
площади Свободы.

В этом городе нет весны.

Зима без конца.

2.

Этот мертвый безлюдный город

мог бы быть еще ничего

под утренним солнцем

и снежной пылью –

сахарной пудрой на яблочном пироге,
если бы...

если я просто заблудилась,

и вот-вот выйду на свою улицу

в своем городе,

и вот-вот подойдет нужный автобус

с замерзшими окнами,

чтобы отвезти меня

домой.

3.

Я живу по чужому времени.
Далеко на востоке
Новый год уже наступил
шесть часов назад.
Я жду фейерверков
на чужом празднике
в двенадцать ночи? –
Нет, в шесть утра.

Я живу под чужим именем,
Под клеймом
Незнакомых звуков.
И даже ударение
здесь ставится
иначе.

Я живу в чужом городе.

4.

Вот если бы взять
и выплеснуть
радугу
на эти серые стены
черно-белого города,
барочные декорации
к фильму о прошлом.

Вот если бы провести
сумасшедшей кистью
легкого солнца
по грязным трещинам
сырой штукатурки.

Вот если бы взять
и прозрачными
синими звездами
развеять туман
из фильмов Хичкока.

Вот если бы птицы
Начали петь.
И нарциссы
цвели в траве,
а не на полках
в супермаркете.

Вот если бы взять
и окунуть в радугу
замерзшее сердце.

5.
Здесь только метели
всегда живые.
И снежное поле
как море.
Как белое море с прибоем.

Здесь только ветер
имеет голос,
которому вторят
черные птицы
и белые смерчи
над снежным морем.

Над белым полем
голос метели.

6.
Что же, будет однажды весна.
Может, даже немного раньше -
в начале апреля.
Здесь можно постараться
и обмануть календарь.
Осталось самое трудное –
просто поверить,
что и здесь однажды
начнется весна.

Федотов Максим Георгиевич

Магистрант Института инженерной физики и радиоэлектроники

Когда утихнет дождь, и тихою прохладой
Уснет в тиши последняя гроза,
И вспыхнут небеса, расплавленные ядом,
И я исчезну в темные леса.
Куда? Туда, где нету лжи и смерти.
Куда? Туда, где правит доброта.
Куда? Туда, где будем вечно вместе мы.
Куда? Туда, в большие облака.
Пройдя сквозь сны, сквозь время и пространство,
Оставив прошлому размытые мечты,
Я выйду в сад летучего голландца
И сделаю прыжок в бескрайние воды.
Куда? Туда, где нету лжи и смерти.
Куда? Туда, где правит доброта.
Куда? Туда, где будем вечно вместе мы.
Куда? Туда, в большие облака.
Я там найду все то, что не имею
И то, чего уже не обрету.
Я встречу там диковинного зверя,
С которым мы пойдем в далекую страну.
Куда? Туда, где нету лжи и смерти.
Куда? Туда, где правит доброта.
Куда? Туда, где будем вечно вместе мы.
Куда? Туда, в большие облака.

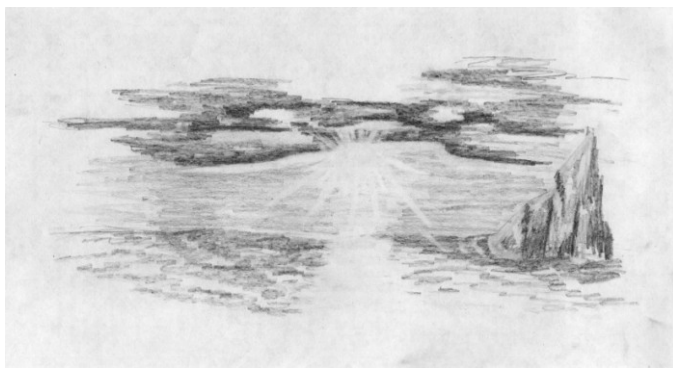
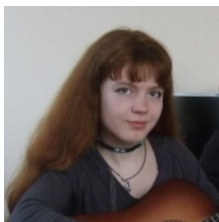

Рис. Л.Коновой

Щербакова Татьяна

Студентка Института математики СФУ

А если завтра потоп?

А что, если завтра потоп? У каждого в жизни было ли
Что-то большое или хотя бы Событие?
Оцифрованные записи без исходников.
Я надрываюсь впустую: «Люди, не прыгайте
С подоконников!».

В головах хлам, шальное веселье,
Ощущенье боли почти искусственно.
Где глупый маг, изобретший зелье,
Чтобы не чувствовать?

Честь, благородство, мужество...сейчас только жидкие
Сплетни, упреки, заговоры и колкости.
Прочее – старые пережитки
Старческой молодости.

Важность, враждебность, вражда с примесью
Долгих ночей, бессонниц и голода,
Все остальное необходимо выбросить
В дырку мусоропровода

И не о чем не жалеть... Да как-то несильно и хочется:
Стерты все клетки памяти алкоголем и сигаретами.
Только под одеялом подкрадывается одиночество,
И кажешься себе преданным...

И воешь осипшим голосом, как будто бы что-то важное,
Приветствие хаосу со сбитыми биоритмами.
А потом на другой планете в их новостях покажут
Развалины города, засыпанного метеоритами...

Слова

Говори со мной, лей мне в уши сиропы слов. Во рту вкус всякой ерунды, увы, сейчас так принято – говорить по делу лишь в отдельных кругах в почете.

Рисуй в моей памяти искаженные образы чужих жизней...

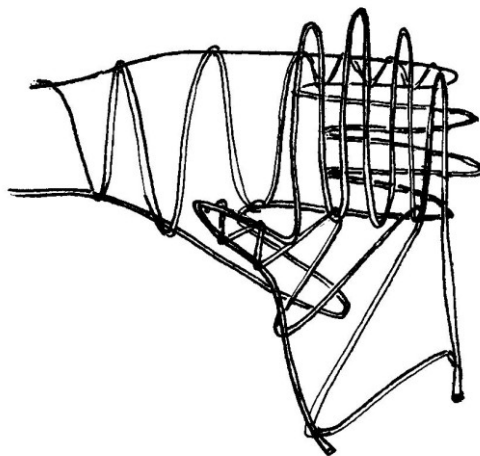
Слова перекатываются, как ртуть: жидкие, летучие, блестящие, быстрые, смешиваются с чем-то еще и застывают. Нейтрализовались. Время переварило их в густую, но неплотную кашу, где все смешалось и уже трудно вычленишь отдельные эпизоды. Это память. Можно накормить этой кашей кого-нибудь еще, но, как мы знаем, повторный прием той же пищи не приводит ни к чему хорошему...

Кинь слова в общий котел, где правда и ложь перемешаются в единые сплетни, и ими накормят нищих и убогих.

Облеки слова в текст, и ртуть станет зеркалом, засияет в дорогой оправе, если не застынет раньше срока, если не будет лишь застывшей кашей вторичной переработки из твоей головы.

Облеки слова в образ и... ничего не выйдет. Образ нельзя передать, никто никогда не увидит его таким же, как видишь ты. Но ты попытайся, и увидишь, как много он породит. И то, что он породит, будет зеркалом – серебряным зеркалом, или бескрайним океаном, или грязной лужей.

Выпусти на свободу Настоящие слова, они объединятся в семьи, и будут жить, у них отрастут крылья. А лживые преступные слова запри, как и должно поступать с преступниками, заточи в крепость твоего сознания, за ворота твоих губ, решетку твоих зубов, по другую сторону моста твоего языка, еще глубже, чем коридор горла. Запри их в клетку... грудную. Пожизненно.

Сказки

Вам тайну одну открою:
Нет лучшего ремесла,
Чем создавать героев
Под маской добра и зла.

Есть сказки, былины, песни,
Миры создают мастера,
Чтоб порознь или вместе
Границы вселенной стирать.

На гранях выводим руны
Пером своего языка,
А вечность ложится на струны,
Протянется в жизнь рука:

Что было, что в жизни нажил —
Предел твоего бытия,
Но вот уже сон персонажа
Не сон, а реальность твоя...

Но дельные сказки редки —
Ведь смысла в них больше, чем слов,
Он скрыт за сакральные метки,
Он виден лишь тем, кто готов.

А глупые будут вечно
Писать беспросветный бред.
Так просто и человечно,
Легко сочинить сюжет...

Здесь логике мало места,
Извечный рецепт готов,
Вас лепят, как булки из теста
Народами всех сортов...

В тех сказках все тупо и просто —
Цикл неудач и вершин.
Те сказки — они для взрослых,
А нам остается жизнь.

Стихия

О, маг, ты все еще веришь в чудеса?
И в то, что их можно творить?
Великолепно осмеянные за глаза,
За которые так не жалко убить.

Силу зверю передали не вы?
Или вы, но только не знаешь как?
Дорого купленные результаты борьбы
После драки показывают кулак?

Болезненные спазмы мира – результат.
Что сделать, когда лихорадит мир?
Не повернуть исправленное назад,
Чтоб порвало и растоптало задир.

Тебя замкнули в точку – у себя внутри,
А за оградой все замкнутое вокруг.
Там такие же цепи – их цели. Посмотри:
Одно звено цепи из двух обнаженных рук.

Ты знаешь, не ты, а все повыкидывали мозги.
А они когда-то казались такими же вам, как вы.
Вы смотрели сквозь ложь, смотрели на их шаги,
Когда пришел холод еще не ядерной, но зимы,

Когда весь мир затопил нескончаемый дождь,
А воздух прискорбно пах из-за мыслей чужих,
Огнем лихорадку жгли, выжигали ложь,
Земля погребала тех, кто остался жив.

И никто не заметил страх, бесконечный вдох,
Твой отчаянный взгляд вперед на судеб изгиб,
И никто не знал, и никто не достал платок,
Когда каждый из вас почти или просто погиб...

Перелистни обратно вчерашний день,
Ты помнишь, маг, как ты воплощал чудеса?
Это не наша шутка, мы знаем, что ты – не тень.
И это не мы отдали за зверя твои глаза.

Время

Время, израненное и искалеченное,
Ложится передохнуть на плечи,
Когда кто-то устало ждет,
Опутывает собою раны недолеченные
И даже лечит,
Хотя порой и наоборот.

И вот, сидит на плечах, роется в голове,
Готовит к уходу поклажу,
Когда собирает память в большой клубок.
Время всех рассуждает, поглаживает
И утекает, просачиваясь меж пальцев ног.

Но теперь его хвост и ноги с каждым мигом заметно короче,
И ему необходимо постоянно куда-то бежать,
А его теплоты порой не хватает очень,
Когда только у времени все еще есть душа...

У нас были души, под душем смылись,
Появятся ли опять?
И мы гнали время, гонясь за ним, так торопились...
А потом мы начали его убивать...

А когда убиваешь время, его становится меньше...

Рис. Л.Коновой

Тишины!

Я глодаю луну в темно-серой ночи,
Я ищу тишину среди осколков стекла,
Я хотела одну лишь звезду получить,
Получила мильон собирать пополам.

Черно-серая тишь среди воплей людских.
Болью крик заложил перепонки мои.
Я хотела собрать из осколков своих
По частям – сотни тысяч – бессмертные дни.

Я хотела читать звездной вечности сны,
Я хотела в реальность мечту воплотить,
Я хотела летать в синем свете весны...
Ночь в ладонях хранит серебристую нить.

Нить от горьких побед, нить от сладких утрат,
Нить сиянья из снов, нить любви, чтоб любить.
Чтобы правильно жить, научись умирать,
У тебя на ладонях заветная нить.

Я люблю пустоту, серебристую стать,
Глубину подо льдом, безысходную тишь,
Пламя острых лучей...Ничего мне не жаль.
Я люблю тишину. Почему ты молчишь?

Каждый жест – это ложь. Каждый взгляд есть обман.
Лишь иллюзии мир, отраженный извне.
Просто истины нет. Просто сон и туман.
Просто истина есть глубоко в тишине...

ПИСЬМА О ПОЛИТЕХЕ

Предисловие к проекту «Письма о Политехе»

Проект «Письма о Политехе» задумывался ещё в 1988 году, когда состоялся «золотой» выпуск замечательных ребят, которые всей душой были преданы своему вузу, защищали его честь на культурном фронте. Уезжая в другие города на работу или на учебу, они не прерывали дружеские связи. Если кто-то призывался в армию (было и такое), то письма шли прямо на профком, где и был прописан Студенческий клуб. Я собираю и храню все письма, что получала от своих «самодеятелей». Их набралось уже на целый сборник. Первый, пилотный выпуск, предлагаем вам в 3-ем альманахе литературного клуба «Высокий берег». Совсем неожиданно к нам стали присоединяться выпускники Политехнического, незнакомые мне ранее, например, Дмитрий Лобанов из Новосибирска, Антонина Калюга из Курагино и другие выпускники. Вот написал о своей молодости Сергей Петрович Панько. Читала, как произведение настоящего писателя! Какие у нас талантливые люди!

Дорогой читатель, если ты – политехник! Приглашаю тебя к участию в нашем проекте: напиши о своем студенчестве, о своих преподавателях, о грустных и смешных моментах твоей жизни в Политехе, о твоей работе и жизни после Политеха! Это тем более важно сейчас, когда руководство страны «обратило свои взоры» на техническое образование. Сейчас, когда удалось сохранить прежнее название *alma mater*. Именно сейчас Политехническому институту нужна идея консолидации и возрождения! Мы дали старт юбилейному марафону в честь 55-летия Политехнического института, возложив накануне Дня Победы цветы к барельефу нашего первого ректора Василия Николаевича Борисова. Внимательно и уважительно слушали студенты и сотрудники, собравшиеся по этому случаю в холле актового зала, воспоминания об истории нашего вуза директора Политехнического института Е.А. Бойко, В.И. Темных, В. Н. Логинова. Как говорит один из первых выпускников Борис Федорович Турутин: «Политех – это звучит гордо! И всегда будет так звучать!».

С уважением, Людмила Абрамова, выпускница 1970 года

Князькин Михаил

Выпускник ФАВТа 1988 года

Если бы не Ультан... Заметки по поводу 70-летия

Если бы не Ультан, то тысячи учащихся у него граждан России не узнали бы никогда гармонию и красоту Высшей Математики. Почти никому из них теперь не нужны в жизни ряды Фурье и теоремы Гаусса, зато все они теперь умеют думать.

Если бы не Ультан, многим нечего было бы вспомнить о своём студенчестве, кроме учёбы. Не было бы «Недель ФАВТа» и блистательных студенческих концертов в 80-х.

Если бы не Ультан, то в нашем мире, и без того полном посредственности и некомпетентности, «троечников» было бы больше.

Но те, кто «зарезался» на экзамене у Ультана, лишний раз поняли прописное: ничто не дается без труда и не всё можно купить.

Я не знаю случая, когда бы Ультан поступился своими простыми принципами. Даже его любимчики не могли рассчитывать на снисхождение, если он обнаруживал халтуру, безответственность и малодушие.

Видимая простота такого жизненного подхода требовала сил, чтобы противостоять внешнему миру, проповедующему другие ценности. А он не только противостоял ему, но и защищал себя от него. Оттого, может быть, и приходится ему сегодня заботиться о своем сердце.

И не зря фамилия УЛЬТАН обрела уже нарицательный смысл, соединяющий в себе восхищение любящих и раздражение ненавидящих его. А по-другому и быть не может. Настоящие личности обречены на то, чтобы быть в перекрестке диаметрально противоположных чувств, объединенных все-таки чувством Уважения с обеих сторон.

Ведь именно это Уважение позволило нам, студентам, 25 лет назад называть его между собой просто «Ефимыч». За этим стояло признание его как нашего Лидера, Учителя и, в конце концов, – Друга.

Если бы не Ультан...

Эту фразу могут продолжить многие, благодарные ему за что-то очень ценное в жизни.

Если бы не Ультан...

Если бы не Ультан, то последние 25 лет мне бы некому было позвонить и сказать в трубку: «Ефимыч, привет! Как дела? Я сейчас зайду»...

24.01.2010

Зубарев Виктор

Депутат Государственной думы Федерального собрания РФ, выпускник Красноярского Политехнического института в 1978 г. – по специальности «инженер-механик».

Учеба, бокс, КВН и мн. др.

Наверное, больше всего за время обучения в Политехническом институте мне запомнились культурные и спортивные мероприятия, которые там проводились. И, конечно же, первенство института среди новичков по боксу. Это была такая дружеская драка среди студентов, молодых ребят, из которых кто-то становился боксером, кто-то нет, но это было шоу поинтереснее КВН и других мероприятий в институте. Зал забивался битком, на ринг выходили друзья, надевали боксерские перчатки и били друг друга по лицу от души, с любовью. Конечно, эту уникальную традицию хотелось бы сохранить, хотя современные ребята уже не смогут так искренне бить друг друга по лицам.

Еще вспоминается весенний кросс, когда и студенты, и преподаватели бегали по березовой роще на результат, а потом проводили совместные посиделки. Было очень душевное, дружелюбное и объединяющее начало между студентами, преподавательским составом.

Конечно же, самой интересной и напряженной неделей в общежитии было время подготовки к сессии – зачетная неделя. Когда круглосуточно, с использованием дралоскопа – оконного стекла, под которое ставилась настольная лампа, перечерчивались чертежи друг у друга. Выстраивались целые очереди к нему, ведь и в течение семестра всё не успевали сделать, а где-то и халтурили. Поэтому зачетная неделя была героически-трудова, и хаос, бессонные ночи, царящие в это время, вспоминаются особо.

Во время экзаменов у меня был такой случай – мне не поставили «пятерку» по физике, когда, не помня формулы, я применил свою систему матричного вычисления. Ответ оказался правильным. Мы вступили в спор с преподавателем, за что он в итоге поставил мне «четыре». Сегодня, наверное, за нахождение правильного решения вне системы поставили бы «отлично», тогда были другие подходы к обучению.

Особо вспоминается студенческий спортивный лагерь «Убей», где мы впервые выиграли КВН и написали гимн боксеров, который используется до сих пор. Это был 1980 год, я помню слова до сих пор:

Весь покрытый зеленью, абсолютно весь,
В море на Убее полуостров есть,
В море на Убее полуостров есть,

Весь покрытый зеленью, абсолютно весь.

Там живут счастливые боксеры-удальцы,
На лицо счастливые, голодные внутри,
На лицо счастливые, голодные внутри,
Там живут счастливые боксеры-удальцы.

Что б они ни делали, у них идут дела,
Видно в день спортсмена их мама родила,
Видно в день спортсмена их мама родила,
Что б они ни делали, у них идут дела.

Утром дров наколют, им бы полежать,
Но Шафкат Шарифович не дает поспать,
Но Шафкат Шарифович не дает поспать:
«Надо ведь, ребята, тренировки уважать».

До сих пор в Политехническом институте проводится турнир по боксу памяти В.Н. Борисова. Мое участие в его проведении – та дань, которую я отдаю своему боксерскому прошлому.

Все хорошие традиции, которые зародились в Политехническом институте, хотелось бы сохранить, но и развить новые начинания, которые появились в СФУ. В этом я вижу свою миссию – работать и дальше со своим родным вузом.

27 октября 2011

Панько С.П.

Профессор КГТУ, выпускник 1965 г.

Шестидесятники

Шестидесятые годы 20 века для меня разделились поровну: до 65 года – учеба в Политехническом институте, вторая половина – приобщение к труду радиоинженера и к науке.

Так уж случилось, что именно с начала 60-х годов по всей стране сформировался поразительный всплеск интереса к искусствам, в первую очередь – к поэзии. Это было связано, конечно, с оттепелью времен Н.С. Хрущева. С его неказистыми попытками оказать партийное влияние на своенравную духовную жизнь. Сначала ослабил партийное влияние, что и породило оттепель, а уж потом начал закручивать гайки. Повезет ли когда-нибудь нам с вождями!

Наши отцы, прошедшие войну, очень неохотно ее вспоминали, слишком страшным было это. Не до лирики было. И страх репрессий давил. Я хорошо запомнил, когда моя матушка, проходя со мной в конце войны или вскоре после нее мимо нынешнего здания КГБ на углу улиц Дзержинского и Маркса, понижала голос и говорила мне, совсем мелкому пацану, что это очень страшный дом!

И сложился некий вакуум – надо было что-то говорить о душе, о нравственности, а сказать было нечего! А литература молчала, заменив истину на риторическое словоблудие. Только гораздо позднее появились искренние произведения авторов, прошедших войну.

Видимо, этот вакуум и привел к обвальному интересу к стихам. И мы, Политехники, конечно, не могли остаться в стороне от этого жгучего интереса к поэзии. Какие-то самые общие представления о поэзии (в рамках школьной программы, которую давали очень уж редко когда заинтересованные преподаватели) мы, естественно, имели, но явно не эти предпосылки создали массовое стремление к стихам. Откуда и как это произошло? Не нам судить, но это было упоение, радость познания. Пушкин с Лермонтовым где-то далеко, зарубежную классическую лирику мы не знали, только-только Есенина начали издавать, об Ахматовой что-то слышали – не иначе как в связи с постановлением в журналах «Звезда» и «Ленинград». Также где-то на задворках сознания отрывки о Цветаевой, Мандельштаме, Волошине. А гремящие на страницах газет радители за Советскую власть как-то не вдохновляли.

И вдруг – «40 лирических отступлений от поэмы «Треугольная груша» – книга Андрея Вознесенского, нашего современника, только что окончив-

шего Московский архитектурный институт! Все необычно! Книга разошлась только по великому благу, благо были знакомые девочки в магазине «Молодая гвардия». А какие там строки: «...спасибо, что в рощах осенних ты встретила, что-то спросила. И пса волокла за ошейник, а он упирался, спасибо...» и далее вообще сногшибательное «на стрельбищах в 10 баллов я пробовал выбить 100...», и, ставшее теперь уже классикой «Тишины хочу, тишины, нервы что ли, обожжены», «Разве знал я, циник и паяц, что любовь – великая боязнь...». У нас прорезались глаза. Оказывается, поэзия вот она, рядом, ее можно потрогать! Оказывается, поэзия – это не только заунывный ура-патриотизм, но и резонансное твоей молодой душе проявление нежности и радости! И покати́лся снежный ком!

Профессиональные чтецы-декламаторы наводнили город. Но и читали, конечно, прекрасно! Как-то был концерт в очень уютном небольшом Актовом зале музыкальной школы №1. Чтец вышел на сцену, снял пиджак, повесил его на спинку стула, закатал рукава – начнем работать! И только гораздо позднее узнали мы, провинциалы, что этот деятель спер идею с пиджаком и рукавами у Маяковского. Но читал прекрасно! Целый вечер Есенина – «и летит моя трость прямо в морду ему, в переносицу!»

Помнится, мы с моим теперь уже давно старинным другом В. Крейнделем давней февральской ночью катились на лыжах в лесу где-то в районе Плодовки и орали из Пастернака: «Февраль. Достать чернил и плакать! Писать о феврале навзрыд, Пока грохочущая слякоть весною черною горит». И колоссальный классически выверенный финал: «Чем случайней, тем вернее Слагаются стихи навзрыд!»! Причем строки как бы сами с восторгом всплывали из подсознания. А с чего, спрашивается, орать, от какого восторга? И почему вроде бы мудрые строки вызывают такой будоражающий отклик! Или это адреналин молодости так себя проявлял?

Поэтические студии и вечера поэзии плодились со страшной скоростью, едва ли не на каждом факультете был кружок любителей поэзии во главе со своим собственным поэтом. На строительном факультете учился некто Леша Шемякин. Он писал: «А фонари в огне двоятся, дрожа от сырости и сна. И каблучки твои, как рация, передают – пришла весна». Запомнилось на всю жизнь, хоть и не такая уж крутая рифма «сна–весна»! И еще: «Отмыт горизонт голубой параллелью...». Это они, студенты-строители, рисовали курсовые работы, на которых что-то обозначали акварельными красками.

Политех всегда привлекал талантливую и чрезвычайно разносторонне заинтересованную молодежь. Никогда не забыть вечеров – занятий университета культуры, которые проходили регулярно и пользовались необыкновенной популярностью среди студентов. Помнится, какая-то труппа профессиональных артистов давала пьесу Ибсена «Пер Гюнт» в концертном исполнении без декораций – мужики во фраках, а женщины в черных же платьях с

открытыми плечами! Эта трогательная история любви простой крестьянской девушки Сольвейг к фантазеру и проходимцу Перу так великолепно выглядела на сцене Актового зала Главного корпуса! Девушки наши рыдали! Зал был заполнен под завязку, даже на подоконниках сидели!

Однажды мы организовали встречу с красноярскими поэтами. Приглашение поэтов организовал сам поэт Роман Солнцев, который незадолго до этого преподавал на кафедре физики, окончив курс Казанского университета. Вскоре он полностью сосредоточился на литературной работе, но связей с нами не прерывал. Аудиторию партизански заняли, убедившись, что она свободна от занятий. Была такая роскошная большая аудитория амфитеатром, Г 466 в Главном корпусе, которая исчезла в результате ремонта по случаю пожара. Объявление написали просто авторучкой в одном экземпляре, а народу набралось битком!

Поэтов собралось человек 5 – и каких! Роман Солнцев возглавил бригаду, Лев Таран – врач-психиатр, Володя Нешумов, инженер из Красноярска 26. Коля Еремин, в ту пору худенький мальчик, еще не написавший: «А в Николаевке цветет черемуха, а в Алексеевке цветет сирень...».

Лев Таран впервые прочел на публике ставшее позднее знаменитым: «А горы за Енисеем подернуты легкой мглой. Стареем, мой друг, стареем, стареем и мы с тобой. Когда-то на эти горы почти не смотрели мы. Блистательные разговоры, блистающие умы...». Мы, шутя, тут же переделали вторую строку – только не мы с тобой! Поразил Володя Нешумов, совершенно неожиданной логикой и манерой письма: «Света белого набекрень конуса. Косо, весело, в бейдевинд парусам! Остро губы хохочут с лица – унести по отчаянно синим слезам...». Это он придумал Закон сохранения любви: чем больше отдается, тем больше остается. Его жена Лира Абдулина написала вроде бы простенькие строки: «И в ясный день и при луне, мой милый, помни обо мне. Оставишь если же одну, то, значит, мне гореть в аду!». Удивительно! Первая строка обычна. Строго говоря, много об этом сказано. Но вторая – как взрыв! Как же так! Судя по интонации, он виноват, к кому обращен стих. И он должен понести наказание. А она все берет на себя! Я, дескать, виновата, что ты бросил меня, Вот где и какая глубина христианской морали – все брать на себя и винить в неудачах только себя! Для инженера высокой пробы, да, видимо, и для человека вообще, нет и не должно быть других критериев самопостижения.

Роман Солнцев прочитал: «Ты, милая, встретись, пожалуйста, встретись! Я сделаю вид, что тебя не узнал. Ты встретись, как хочешь – застенчиво, резко. Сходя с самолета, войдя в кинозал. Ты встретись хоть в парке, в кругу каруселей, красивая так, что забьюсь в уголок...». Это был удар прямо в десятку! Наши юношеские души требовали любовных ощущений, адреналин бродил в крови, гормоны, как много позднее выяснилось, чего-то требовали, а мы все это представляли как-то смутно и, самое главное, мы были одиноки.

Дружеская кутерьма, кратковременные подружки, а подруги нет. Как у Пастернака: «Мне снилась осень в полусвете окон. Друзья и ты в их шутовской гурьбе...». А одиночество в компании близких друзей всегда тягостно, особенно, когда тот с подругой, и у этого есть искренняя привязанность, а у тебя - нет! И никаких просветов в будущем!

Это стих Романа надолго запал в душу.

Нас, почти инженеров, всегда поражала конструкционная стройность стиха – слова могут быть расставлены только так, как решил автор. А если слова те же, но расположены в другом порядке или другие, близкие по смыслу, то стих исчезает. Остается сухая информация, некоторое сообщение, а тон и искренность, увы, уходят. Это в прозе можно экспериментировать со словами, но не в поэзии! И еще. Знаменитый поэт прошлого Баратынский где-то сказал: «Болящий дух врачует песнопенье. Гармонии таинственная власть тяжелое искупит заблужденье и усмирит бушующую страсть».

Другой мой старинный дружок однокурсник Алик Лобанов всю жизнь разбрасывает перлы, нимало не заботясь об их сохранности – нравится нанизывать слова и только. К какому-то случаю он написал: «Вот так, смеясь и грустя, вам сообщаем новостя. А восемь-десять дён спустя, нас, ваши письма навестя, расскажут ваши новостя».

Много лет прошло с тех пор. В сущности, все стерлось в памяти, осталась только благодарная память о тех, с кем удалось быть рядом. Да еще, как писал И. Эренбург: «Я смутно жил и неуверенно, и говорил я о другом. Но помню я большое дерево – чернильное на голубом. И помню милую мне женщину – не знаю, кто кого любил. Но суеверно и застенчиво я руку взял и отпустил. И все давным-давно потеряно, и даже нет следа обид. Но все же где-то то же дерево еще по-прежнему шумит».

Такие строки западают в душу на всю жизнь. Как и благодарность к Политеху и Студенческому городку. Л.П.Абрамова, некогда молоденькая студенточка механического факультета, лихо отплясывавшая на конкурсах самодеятельности, написала в зрелости проникновенно щемящие строки:

«Этот город на Афонтовой горе.

Летом в зелени, зимою в серебре.

Здесь смолою плачут сосны

И лучами гладит солнце

Этот город на Афонтовой горе».

Так сказать мог только человек, переживший со Студгородком многое и сроднившийся с ним. Как и все мы, ветераны Политехнического института.

Что может быть прекрасней?

Как только наступает лето, то невольно вспоминается собственное абитуриентское прошлое, как бы далеко оно ни отодвинулось. Особенно то ощущение счастья, когда уже все экзамены (пять, а не то, что происходит сейчас!) сданы, и приказ о зачислении уже вывешен, и ты нашел себя в списках зачисленных. Что может быть лучше этого ощущения? Вокруг все братья, море, что называется – по колено, я смог достичь того, о чем мечталось в последние годы учебы в школе! Помнится, нас, еще не студентов, но уже и не абитуру, наставлял какой-то старшекурсник – сейчас я разберусь с важнейшей дисциплиной нашего времени ПЭК и поеду домой! – А что такое ПЭК? (А теперь представьте гору превосходства) – Политическая Экономика Капитализма! Противника надо знать капитально! – Только позднее мы поняли, что это был двоечник, у которого был хвост, но сколько в нем было вдохновения, когда надо было втереть молодым очки! А девушки! Какие они обаятельные, нежные и красивые! Не то что одноклассницы! Мы тогда пели: «На лекцию ты вошла, и сразу меня пленила, я понял тогда, что ты навсегда сердце мое разбила!» (Впрочем, песни мы пели везде и всю жизнь, не знаю, как сейчас у молодежи на этот счет и есть ли, что им петь!). Это было предощущение любви, еще смутное, но уже желанное, и восторг от девичьей красоты уже поглотил нас. (Несколько лет назад меня попросили сравнить наших и французских студентов – благо это в Тулузе было). Я ответил, что отличий практически не вижу, только их девушки курят много, в массе больше наших. По возвращении домой я с озабоченностью понял, что на наших девушек-студенток обращаю внимания уже не то что в молодости!).

А потом учеба – хорошие года! Что может быть прекрасней этой беззаботной поры, когда мир прекрасен, ты молод, науки и преподаватели – ну это как обычно, но работать приходилось много. Никто не задумывался о своем будущем, мы жили интересами, но отнюдь не заботами, которые, как всегда, сводятся к недостатку денег. А как была насыщена жизнь в институте! В Актовом зале корпуса «Г» регулярно проходили занятия Университета культуры в виде концертов профессиональных артистов, в основном, с классическими сюжетами, и зал был забит битком всегда. Помнится, давали концертный вариант драмы Ибсена «Пер Гюнт», в основе которой, как водится, любовь, немыслимые испытания, смерть, но в стихах, что не самое простое для восприятия. Мужчины-актеры были в черных смокингах, дамы – в черных же роскошных платьях до пят с открытыми плечами! Как все это было для нас необычно-непривычно, и как же все они были прекрасны! Зрителей была тьма, но тишина стояла гробовая. А еще кое-кто сейчас стремится доказать, что студенты восприимчивы только к массовой культуре! Работать надо, а не доказывать!

А самодеятельность! Не скажу, что мы все в очередь стояли в хоровой кружок, но когда проходили фестивали-концерты по факультетам и Заключительный концерт – это было событие, попасть на которое можно было только по очень большому благу или за очень большие заслуги перед деканатом.

А студенческое братство! Что может быть прекрасней отношений, которые тебя связывают с ребятами вот уже по сорок и более лет! Мы нисколько не изменились за это время – разве только что-то где-то нет, да и хрустнет, и вдруг начинаешь не просто знать, а понимать, где сердце-печень расположены! Да и пузцо что-то стало заметней, чем это было на 5 курсе! Не говоря уже о лысине и седине! И тебе как-то становится не по себе, если прошла неделя, а что-то вестей от старых и дорогих парней, нет, правильнее сказать – разгильдяев, нет! Позвонить, понимаешь, не могут! И когда они приходят на твой очередной день рождения, и у тебя наворачиваются сентиментальные слезы, и ты бесконечно благодарен им, а за что?

А какое время было на дворе! Мы упивались событиями на Кубе и горячие головы бегали в военкоматы записываться в добровольцы на помощь братьям по идее – и это было совершенно искренне. В каждой комнате рядом с портретом Э. Хемингуэя висел портрет Эрнесто Че Гевары. Мы мало понимали, что там происходит, но боевой дух, борьба за справедливость, мученичество – это вдохновляло и требовало. А перекрытие Енисея в 1963 году! А космические успехи! Чувство гордости за страну, за СССР, на нашу причастность к этим историческим событиям переполняло нас.

Прекрасная пора, но все проходит и наступает еще более чудесное время – работа уж с дипломом инженера. Первые полгода ты мельтешишь под ногами взрослых, суетишься, со стыдом и ужасом понимаешь, как мало ты знаешь и от, казалось бы, стройного на момент окончания вуза восприятия радиотехники не остается и следа. Но потом успокаиваешься, нет-нет, да и сам что-нибудь выскажешь разумное, а там и дальше что-то вдруг, да и получилось. Глядишь, к концу первого года работы в должности повысили, а там и новые студенты на практику подошли, и к тебе одного из них прикрепили, и в цех тебя чаще других молодых инженеров посылают, и время не катится – летит со все возрастающей скоростью! Что может быть прекрасней, когда ты становишься специалистом, когда тебя за это уважать начали, когда ты сам понимаешь, что в состоянии решить задачу. А тут еще накал страстей, и в один прекрасный момент ты понимаешь, что вот эта худенькая, которая что-то зачастила возле тебя – это то, что надо? И острить умеет, и собой хороша, и взгляд у нее что-то уж больно пронзительный! И что ты начинаешь разрываться между ней и работой. А тут еще повестка из военкомата, на увольнение с работы в связи с призывом в Советскую Армию на 2 года, как офицера запаса, получившего образование на военной кафедре,

– Ты поедешь со мной?

– Поеду (робко, но скороговоркой).

– Так надо бумаги оформить, а то проездные-подъемные не выдадут, как члену семьи.

– Это ты меня так замуж приглашаешь?

Что может быть прекрасней предсвадебной суеты и суматохи, когда ты сам принимаешь на себя заботы и ощущаешь от этого эйфорию и не задумываешься пока, что это на всю оставшуюся жизнь.

А что может быть прекрасней, когда встречаешь жену из роддома и понимаешь, что вот это что-то страшненькое, красное и кричащее – это твое продолжение! И это тоже на всю оставшуюся жизнь. «С любимыми не расставайтесь, всей кровью прорастайте в них. И каждый раз навек прощайтесь, когда прощаетесь на миг». А когда приходишь домой с работы, усталый, издерганный, а детишки бегут к тебе с криком – папа, папа пришел – и вешаются тебе на шею, даже не дав раздеться, то куда деваются усталость и раздражение, накопившиеся за день и на начальство, и на себя, да и вообще на весь мир! И начинаешь понимать, что в командировках, как бы интересны и распрекрасны они ни были, самый приятный момент, когда, возвращаясь из странствий, подходишь к двери квартиры и нажимаешь кнопку звонка! И тебя там ждут!

А что может быть лучше, когда наконец-то у всех друзей совпало так, что можно свалить на Столбы с ночевкой, и ты, уже предвкушая все радости, с этим связанные, судорожно собираешь рюкзак, а тут из соседней комнаты выходит внук/внучка и:

– Дед, а это куда ты собираешься? И без меня? (Ростом полметра, а уже соображает!) И ты клянешься, что в следующий раз обязательно вместе пойдем. И начинаешь понимать, что да, пришла уже пора, когда надо Столбы передавать внукам, как когда-то ты уже передал их детям, и никто, кроме тебя, не сделает этого так, как сделаешь ты. Ты расскажешь им кучу историй, легенд обо всем на свете, о любимых тобой Столбах, о бабушке, которая уже так много лет терпит меня, и вместе с которой я создал весь этот мир, что тебя окружает. И что нет на свете ничего прекрасней любви. Любви к работе, кроме которой тебе ничего другого и не надо, любви и благодарности к жене, с которой ты так много пережил, любви к друзьям.

Что может быть прекрасней?

Калюга А.Е.

Выпускница 1985 г. Заведующая архивом п. Курагино

Начало начал

*Родной Политех, ты многое дал,
Родной Политех – начало начал...*

26 лет прошло с тех пор, как наша группа Т-80-3 покинула стены теплоэнергетического факультета Альма-матер. Пять лет учебы пролетели как одно счастливое мгновение.

Безусловно, на первом месте была учеба. На инженеров-теплоэнергетиков был большой спрос на ударной Всесоюзной комсомольской стройке КАТЭК: нужны были грамотные высококвалифицированные специалисты. За распределение на нее «бились» лучшие студенты. При этом учитывался «моральный облик» выпускника, определявшийся характеристикой, проект которой готовило бюро ВЛКСМ факультета.

Особых проблем с ее написанием не было, поскольку в «Политехе», как мы называли и до сих пор называем институт, практически каждый студент мог проявить свои способности в любых видах деятельности.

Научной работой на кафедрах занималось небольшое количество студентов. Это и понятно – не все могут быть докторами наук. Зато спорт, художественная самодеятельность, студенческие строительные отряды «брали массовостью». Иногда от этого страдала даже учеба. Но тут на страже установленных порядков стоял заместитель декана Б.К. Дураков. Его хитрющая улыбка и пронзительный взгляд приводили в замешательство любого провинившегося.

Художественная самодеятельность была особым «дитём» института. Она практически действовала как четко выстроенный механизм по отбору и взращиванию талантов.

В смотрах художественной самодеятельности участвовали все мало-мальски могущие петь, плясать и декламировать. Каждый факультет старался изо всех сил: приглашали специалистов, по списку «сгоняли» на репетицию в общежитие студентов (в основном младших курсов), брали в аренду инструменты и реквизит. И все это старались делать в тайне от других факультетов, чтобы на концерте произвести фурор и занять призовое место. Проводили и эксперименты. Помню, как сделали сводный хор нашего и автотранспортного факультетов. На итоговых концертах, которые шли не один день, актовый

зал был «забит» до отказа – сидели на окнах, стояли в проходах и даже за настежь раскрытыми входными дверями. Такой же аншлаг был во время проведения конкурсов КВН.

Таланты, выявленные в смотрах, шли по «художественной» карьерной лестнице выше. И здесь отбор был еще серьезнее. Руководила им Л.П. Абрамова - талантливая и творческая личность, возглавлявшая культурную жизнь института. (Сама она скромно себя именовала «худруком»). Несмотря на изобилие конкурсных комиссий, ее мнение было самым важным. Вспоминаю, как проводился конкурс чтецов, перед которым участники тряслись как осиновые листья. А после конкурса, с воодушевлением рассказывали, как она на них посмотрела, что сказала, какие рекомендации дала.

Такой строгий отбор и совершенствование творчества молодежи позволили создать любимый всеми студентами института СТЭМ, который был известен за и пределами Красноярского края.

Думаю, что именно тогда была заложена в наших горячих головах необходимость в культурном проведении любого мероприятия.

Надо отметить, что благодаря достойному уровню знаний и культуры, полученных в Политехе, многие технари-выпускники с успехом работают и в гуманитарных областях: музейными работниками, архивистами и др.

Студенты-спортсмены тоже у нас были в почете. Их фотографии висели на Доске Почета. Все понимали, что от уровня их мастерства зависит рейтинг института. Массовый студенческий спорт был представлен спортивными соревнованиями, весенним и осенним кроссами, на которые собирались как на праздник: с транспарантами, шарами. Уроки физкультуры мы тоже уважали и занимались на них добросовестно. Помню, как, выполняя задание физрука, заблудились на лыжах в Студенческой роще. Вышли на гул машин, едущих по дороге в Академгородок. Были счастливы оттого, что сами сориентировались и выполнили задание.

Работу по проведению третьего трудового семестра возглавлял комитет комсомола института. Возможность заработать деньги, зачастую в несколько раз больше, чем стипендия, привлекала практически всех студентов. Подготовка к нему начиналась в марте-апреле. Надо было формировать отряды, проходить обучение технике безопасности, приобретать форму, заказывать эмблемы и др.

В 1984-1985 годах я была командиром отряда «Данко». Это был отряд безвозмездного труда. Деньги, заработанные в отряде, перечислялись на счет подшефной школы-интерната, находившейся в Студенческом городке.

Хотя студенты работали в отряде бесплатно, недобора не было. Наоборот, был конкурс. Как вспоминает комиссар отряда Е. Шкутова: «Ребята шли в отряд, потому что знали, что будет работа, дисциплина, командир будет спрашивать строго, но справедливо».

Честно говоря, сегодня подумаешь, и страшно становится, что надо было 40 человек (всего на 2-3 года младше тебя) 2,5 месяца обеспечивать работой, питанием, проживанием и круглосуточно нести за них ответственность, чтобы всех привезти назад живыми и здоровыми. Но мы были молоды, и все нам было по плечу.

Помню, как зарабатывали на стройотрядовскую форму. С этой целью договорились на мелькомбинате красить оборудование. Но комбинат не работал только в 3-ю смену. И мы бригадами с двух часов ночи неделю спускались по крутому холму к мелькомбинату и к семи часам утра поднимались к общежитию, а в 8.00 – на занятия.

Осенью нас всегда ждали в школе-интернате. На последнем общем собрании стройотряда зачитывался финансовый отчет, оглашалась заработанная сумма для подшефных. На них командир, комиссар и мастер отряда приобретали необходимое для детишек: спортивный инвентарь, оборудование для кабинетов и др. Приобретения шли по несколько месяцев, поскольку в магазинах не было в наличии требуемого. У меня до сих пор сохранилась расписка о передаче мною мастеру отряда, в присутствии нескольких членов отрядов, не истраченных 1,5 тыс. руб. по причине моего отъезда в Курагино.

Отрадно сегодня видеть возрождение студенческих строительных отрядов в Красноярском крае, так как они действительно были большой жизненной школой. После них остались построенные на совесть объекты, в том числе социальной сферы (школы, больницы, дома культуры). В трудовом семестре студенты учились строительному ремеслу, приобретали трудовые навыки.

Каждый стройотряд, и наш в том числе, зачислял к себе 2-3 «трудных подростков», которых вывозил на лето из города, и многие из них исправлялись. Надо отметить, что в недрах института появилась и идея создания стройотряда, наполовину состоящего из «трудных подростков». До 15 таких детей трудились в отряде «Темп». Да, это было обременительно, но это надо было делать, и мы делали.

Два года, в 1984-1985 годах, в Курагинском районе действовала зона Политехнического института, где работало несколько стройотрядов, возглавляемых его зональным штабом.

В местах дислокации бойцы отрядов безвозмездно ремонтировали памятники, давали концерты, читали лекции, проводили культурно-массовые мероприятия, отчет о которых обязательно представлялся в комитет ВЛКСМ института. С гордостью отмечаю, что среди особо отличившихся стройотрядовцев, награжденных в 1985 году правительственными наградами, были и представители Политехнического института.

Организаторские способности студентов Политеха оттачивались в первую очередь в многотысячной комсомольской организации. В каждой студенческой группе был комсорг, на факультете – бюро во главе с освобожден-

ным секретарем. Главными были комитет ВЛКСМ института во главе с секретарем. Много интересных и полезных дел организовала и провела эта общественная организация. К 1985 году в связи с новыми демократическими веяниями активисты-комсомольцы нашего факультета коллегиально и самостоятельно (ранее этим занимался деканат) распределяли места в общежитии и стипендии.

До сих пор комсомольский актив Политеха всех возрастов сохранил дружеские связи. Каждый год на День комсомола мы собираемся, чтобы отдать дань уважения тому большому и важному делу, которое происходило в его стенах несколько десятков лет. «Душой» этого комсомольского братства является Г.И. Носонова, в настоящее время ведущую работу с кадровым составом института.

С особой теплотой вспоминаю нашу кафедру ПТЭ, которую возглавлял в тот период В.М. Журавлев, профессионал с большой буквы. Он не только был для нас примером как специалист, но и как интеллект, высоко интеллигентный человек. Мы с удивлением обнаружили, к сожалению, только на выпускном вечере, что он пишет стихи. Нынешним студентам повезло больше – у них есть литературный клуб «Высокий берег», Президентом которого является Валентин Михайлович.

Многие из выпускников Политеха получили второе высшее образование на базе имеющегося, в том числе и я, но, безусловно, время учебы в нем забыть невозможно. Я нисколько не жалею о том, что не удалось после школы поступить в Московский физико-технический институт. Годы учебы в Политехе были самыми лучшими годами. Институт дал нам старт в большую самостоятельную жизнь.

Я постоянно слежу за изменениями в нем, радуюсь успехам и огорчаюсь неудачам. Мне вдвойне радостно осознавать, что именно Технический университет первым в 2003 году открыл в Курагинском районе свое представительство и стал обучать, в том числе дистанционно, сельскую молодежь.

Для меня Политех всегда был и есть живой активный высокотехнологичный и прогрессивный организм, с богатыми традициями, высококлассными специалистами и огромным творческим потенциалом. Он всем жаждущим дает возможность для самореализации и приобретения новых знаний и навыков на благо нашего региона и Отечества.

Лобанов Дмитрий

Выпускник конца 60-х годов

Здравствуйте, уважаемая Людмила! Мне просто не верится, что Вы находите время для общения. Года два назад нам с придыханием назвали Ваше имя. С тех пор, с помощью живущих в Красноярске друзей, нам удалось посмотреть фильмы о Политехе. Искреннее спасибо Вам за истинную любовь к alma mater. Любовь действенную, а не созерцательную. Спасибо и за стихи, что Вы мне послали! Закрою глаза – и вижу себя и однокашников, возлежащих на розовых общежитских одеялах на склонах Афонтовой горы. А как же – идёт весенняя сессия, мы вроде бы учим... Увы, половина спит, вторая половина поворачивает ослепительно белые бока под солнечные лучи. Уж если обгореть, так хоть равномерно!

И на город, на Красноярск мы смотрели свысока. На затянутый дымной пеленой правый берег, на Столбы, возвышающиеся над этой пеленой. «Дружить» пары ходили по тропке, ведущей к недавно построенной «Орбите». Это сейчас там асфальт, высокие деревья и кустарники. А в памяти - залитый июньским солнцем склон, обрыв, там, где сейчас смотровая площадка. С этого обрыва зимой, не щадя «пятую точку», слетали мы вниз.

К сожалению, прогуливаться с внуками по Афонтовой горе нам не удаётся. Они коренные новосибирцы.

Из наших однокашников, наверно, лишь только двое сейчас преподают в Политехе.

Похоже – я заболтался. Извините.

Людмила, я ошеломлён высокой оценкой моей писанины. Все, кому показываю – хвалят, а я, до мороза по коже, боюсь оказаться примитивным графоманом.

Если Вы согласитесь, я вышлю Вам несколько моих шуточных рассказов, а Вы выберете лучший. Попасть в выпуск альманаха «Высокий берег» – для меня большая честь!

*С уважением,
Дмитрий.*

PS Уже два года я провожу отпуск не так как нормальные люди. Вокруг только и слышишь: Таиланд, Египет, Хайнань, Греция, Испания, Бали... Мы же с единомышленниками (кстати, выпускниками Политеха) отправляемся на Север. Два года назад побывали на реке Ерачимо, притоке Нижней Тунгуски (Угрюм-реки), а в этом году просто спустились по Енисею-батюшке на тысячу с лишком километров.

«Письма о Политехе»

Здравствуйте, Дмитрий! По поводу вида из окна. Поступала я на ПЭМ в 1964 году, сдала всё на 5, но во время собеседования была на репетиции эстрадного оркестра и приперлась на зачисление с большим опозданием. Декан Елистратов с сожалением сказал, что все места на ПЭМ заняты, и предложил мне зачислиться на сварку. Я не особенно огорчилась, потому что мой папа был сварщик самой высокой квалификации. "Сварщик "Золотые руки"- так было написано под его портретом на Доске Почета, и я кое-что о сварке знала, даже умела варить. Так вот и решилась моя институтская судьба. Слава Богу, учеба не мешала мне петь, ездить с концертами в агитбригаде. Вид из окна «механки» был на город, окно - прямо над входом на пятом этаже. Однажды один «воздыхатель» подарил мне «зубра» со своего грузовика, помните, были такие здоровенные животные? Так вот прекрасным солнечным днем, когда он, «воздыхатель», снизу меня позвал, я высунулась из окна и нечаянно свалила этого зубра. К счастью, испугавшись моего истошного крика, народ разбежался от входа, и ничего не случилось, но у меня до сих пор желудок сворачивается в комочек, когда я вспоминаю об этом.

Когда поступила, тоже жила в 1-ом общежитии, но окна выходили на корпус "В". Эта комната запомнилась тем, что старшекурсницы, к которым меня подселили, часто предлагали мне переночевать "где-нибудь в другом месте". Придешь, бывало, с репетиции, пытаешься открыть дверь, а из нее высовывается мордочка, сообщает эту неприятную новость и заботливо спрашивает - не дать ли мне матрац с собой. Вот такая "бабовщина". Но моя жизнь больше была не в общежитии, а в актовом зале. Поэтому подобные мелочи не очень омрачали мое существование.

Пишите, будьте здоровы!

Людмила 29 ноября 2010 года

Здравствуйте! Как же Вы меня порадовали, Людмила! Оказывается, Вы – механик! Мы жили в одном доме, вероятно, неоднократно видели друг друга. И вот, через пропасть прошедших лет, Люба (моя вторая половина), прожившая пять лет на пятом этаже того же дома, нас познакомила. Ну, не удивительно ли?!

На первом курсе я жил на втором этаже одного из крыльев общежития 1. В наше окно можно было видеть корпус «В» института, противоположное крыло здания и, скосив глаза, перекладину буквы «П», которую представляет наш дом с высоты птичьего полёта. А вот следующие годы студенчества проживал я в противоположном крыле на третьем этаже. Видеть-то в окно можно было то же самое, что и раньше, но! Сейчас бы это назвали «люксом», VIP апартаментами и тому подобное... Ещё бы – у нас была крошечная прихожая, и на четыре ладони более просторная кухня! Здесь мы были счастли-

вы (тогда-то это «понять нам было не дано!»), здесь шутили, смеялись, гневались, ссорились и... влюблялись в девчонок. Кто-то отвечал взаимностью и, ясен пень, – игрались буйные студенческие свадьбы. А вот Люба моя жила левее подъезда, окно их комнаты смотрело на Енисей и главный корпус КПТИ. Вероятно, для того, чтобы им было не так приятно смотреть в окно, перед ним выстроили девятиэтажное общежитие нашего вуза и университета. И нередко девчонки на пятом этаже могли наблюдать меня анфас на фоне девятиэтажки с глазами, устремлёнными на заветное окно. Моё счастье, что не летели в меня металлические «зубры» (наверно, потому что у Любы их не было.)

К четвёртому курсу проводил я своих соседей по комнате в семейные гавани. А поселились со мной (по протекции однокашников) «сварщики» младших курсов. Одного из них, живущего в Красноярске, я считаю за честь называть своим другом. С ним мы ели соль, может быть и не целый пуд, в молодости; с ним мы дважды были в автономных поездках на север Красноярского края, с ним мы рады всегда встретиться.

А уж коль снова веду речь об общежитии, не могу не вернуться к шуткам студентов. Дело было в конце четвёртого курса. Славное время. На вопрос: «Не выгонят ли из института?» – научились вальяжно отвечать: «Пусть только попробуют». Да и в общежитии были «стариками». Пятикурсники, замученные дипломным проектом, скользили по коридорам серыми полупрозрачными тенями и ни во что не вмешивались. Так вот, один из «стариков» пошёл проведать одногруппников. Пошёл-то он на двух ногах, а вернулся на одной. Стоит на этой одной ноге, держится за стенку и бормочет что-то нечленораздельное. И только когда смог он говорить разборчиво, узнали мы, что случилось. ... Идёт он себе по коридору, никого не трогает. Смотрит – а на полу лежит коробка из-под сахара-рафинада. Естественно – пнул. Прошуршала коробка в дальний угол коридора. Почесал язык у одногруппников, пошёл к себе. Глядь, а коробка опять посреди коридора лежит. Разбежался – пнул. Кирпич, упакованный в коробку, пролетев со свистом несколько метров, с треском врезался в стену поперечного коридора. А бормотал-то «старик», стоя на одной ноге, оказывается, следующее: «Ну и ушла же молодёжь пошла!»

До свидания. Дмитрий. 1.12. 2010г

Здравствуйте, Дмитрий! А говорили, что не умеете писать! Мы таких шуточек не «производили» по причине девичьего происхождения, зато активно участвовали в других приколах. Был у нас в потоке парень по фамилии Повх. Вроде и лицом вышел, и фигурой, но какой-то ужасно вредный был. И решили ребята его проучить. Написали: «Объявление!!! В комнате 418 продается новенький импортный повх, размер 48, рост 3. Спрашивать после 22 часов». Развесили, где только можно, но чтобы ему сразу на глаза не попа-

лось. Надо ли объяснять, что Повх жил именно в этой комнате! А поскольку в магазинах ничего импортного не было, а всё исключительно пошива Абаканской фабрики, то народ потянулся стройными рядами в 418-ю с вопросом: «Здесь продается Повх? А померить можно? А это мужская или женская одежда?»

Жильцы злополучной комнаты, отсмеявшись и отсердившись, говорили, что столько девчонок к ним никогда не заходило! И даже кто-то – не Повх - себе подружку нашел!

А еще – жили в нашем общежитии на первом этаже в угловой комнате музыканты: Валя Рассохин – контрабас, Валера Тверской – кларнет, Валера Абрамов – баян. Самый большой шутник был Валя. По весне, когда все окна открыты, настраивали усилительную аппаратуру, и Валя голосом диктора объявлял: «Говорят все радиостанции Советского Союза! Сегодня состоялся успешный запуск космического корабля с тремя космонавтами на борту (далее перечислялись «космонавты»), они пробудут в космосе до тех пор, пока не закончится сессия!» При первых словах жильцы, побросав все дела, высывались в окна, а потом, потихоньку матерясь, возвращались к своим делам. И ведь не раз и не два проделывалась эта штука, а наш доверчивый народ все равно сначала высывался в окна, потом – тихонько матерился. Тихонько, потому что ругаться матом вслух было не принято!

Спасибо за красивое стихотворение ко Дню матери! Ну, вот и началась переписка. С почином!

Людмила
28.11.2010 г.

Здравствуйте, Людмила!

Захотелось поделиться увиденным и услышанным ранним утром по пути на работу. Сквозь седой от изморози воздух показалось, словно что-то увидел.

Сквозь хруст замороженного снега показалось, словно что-то услышал? Нет, не показалось! Это день чуть-чуть, совсем немножко – на один *воробыиный скок* – потеснил ночь.

Спасибо, Людмила, за подаренный нам праздник зимнего солнцестояния!

Я же продолжу испытывать Ваше терпение студенческими шуточками.

Слухи об этой Руке, как и полагается слухам, были расплывчатыми, пугающими и вездесущими. Они забрались в студенческий городок, зазмеились между корпусами общежитий и заползли в комнаты. Всегда непонятное вызывает, если не страх, то настороженность. Говорили, что при встрече с Рукой, спокойно идущие или стоящие на месте люди начинали размахивать

руками, топать ногами и громко кричать. Рассказчики клялись, что видели встречу человека с Рукой не дальше, чем с двадцати-тридцати метров.

И вот мне, человеку прагматичному, не верящему в чертовщину, довелось встретиться с Рукой.

Иду я как-то от главного корпуса к остановке троллейбуса. Догоняя впереди идущего, а хожу я всегда быстро, останавливаюсь в недоумении. На вид обычный студент идёт вразвалочку передо мной. В одной руке он держит газету, другой размахивает в такт шагам. Что же необычного? Да то, что газета чуть-чуть не касается земли, а кисть руки, держащая её, располагается немножко ниже колена владельца! Ну, да ладно. Мало ли какие изъяны бывают у людей. С этой мыслью я запрыгнул в троллейбус и уехал.

Через несколько дней натыкаюсь в коридоре общаги на Валерку из третьей группы. Протягиваю руку для традиционного приветствия, в ответ Валерка подаёт свою... А дальше... Он убирает руку, оставляя её кисть в моей. Кисть по-неживому прохладна и неподвижна. Содрогаюсь, не вымолвив и звука. Через мгновение я знаю всю страшную правду! В моей руке - искусно выполненный протез кисти руки человека. Сколько же человек испытали пробегающий холодок ужаса после «дружеского» пожатия!

Исчезла Рука в неизвестность навсегда после шуточки, исполненной не бесталанным режиссёром по разработанному коллегиально сценарию.

Обыкновенная тыква была лишена внутренней составляющей. В оболочке прорезаны отверстия глаз и рта. Не забыты два сквозных носовых отверстия. Тыква закреплена на обычных плечиках для одежды. На плечики накинута длинная плащ. «Актёр», несущий это сооружение, в нужный момент должен включить фонарик, высвечивающий ярко светящиеся глаза, рот и ноздри ... тыквы. А Рука сыграет свою сольную партию. Медленно и важно, всей растопыренной ладонью, должна она покачиваться перед ошалевшим зрителем. Привет, мол, несчастный!

И вот он, апогей спектакля. Ассистентом режиссёра отключается свет на всём избранном этаже. «Актёр» бежит к заранее намеченной комнате, и, в темноте, ошибаясь, стучит не в ту дверь. А за этой дверью живёт студент пятого курса, телосложением и дарованной ему природой силой чрезвычайно напоминающий боксёра Валуюева.

Он-то и открывает дверь на стук. Вам понятно, что парень видит перед собой в темноте?

Перед светящимися глазами дверь захлопывается с такой силой, что через считанные секунды вываливается из дверного проёма вместе с косяками и кусками штукатурки. Сначала тишина нарушается лишь торопливым топотом ног убегающего со сцены театрального коллектива. И только потом, по всему этажу, по всему зданию, по всему городку несётся первобытный рёв: «Уу-бь-ююю!»

Больше никто и никогда не видел Руку на Афонтовой горе.

PS Будучи через некоторое время с дружеским визитом в общежитии педагогического института, я услышал от девчонок жутковатый рассказ о какой-то Руке. Ну, что мне оставалось? Весь вечер мы боялись вместе.

Дмитрий Лобанов

Здравствуйте, Людмила!

Любопытная штука – память! Сколько ни напрягаюсь – не могу вспомнить что-то унылое или просто скучное из пяти лет жизни в общежитии на Афонтовой горе. Зато шуточек студенческих не перечесать! Вот вижу: кто-то на стульях сидит, кто-то невоспитанно валяется на кровати в комнате общежития.

Но от входной двери нашей комнаты в общеаге уже второй час подряд несутся пыхтение и чертыхания. Наконец Витька выпрямился, вытер пот со лба и тихонько уселся на стул, не сводя ждущего взгляда с двери. А над дверью, на довольно сложной системе блоков из катушек и бечёвки, висела литровая банка с водой. Нужно отметить, что гости обычно заходили к нам с частотой не реже одного раза в пять минут. Тут же – как обрезало! Ну, не идут, и всё! Хоть зазывай! Для импульсивного затейника время замедлило свой ход, а потом и остановилось. Шило, которое всегда было под Витькой, укололо его. Он вскочил, подлетел к двери и стал медленно-медленно её открывать. «Сейчас я их заманю», – сообщил он нам, просачиваясь в узкую щель. Пошли минута за минутой и, вдруг дверь широко распахнулась. «А в «Октябре» сегодня...», – Витькина речь оборвалась, бечёвка лопнула, банка рухнула вниз и разбилась о голову шутника. Стекающая по лицу вода мешала ему разглядеть, как его товарищи, корчась от смеха, сползают на пол.

Не так давно одна однокашница, встретившаяся в социальных сетях, с завистью заявила: «Весело же вы жили в общежитии. А я ничего не могу вспомнить, кроме экзаменов!» И ведь права девчонка! Весело жили!

До свидания, Дмитрий.

Здравствуйте, Людмила!

В недавнем письме Вы вспомнили о наших студенческих шуточках. Мне вспомнились ещё две, я их тут же записал. Делюсь: (третий текст вроде и не про наши шуточки, но произошёл на Балахтинском хлебоприёмном пункте на моих глазах).

Мааа-ленькие смешинки.

Большая армейская палатка. Десять натуго затянутых коек. Около каждой стоит без трёх дней лейтенант Вооружённых сил. А у входа, прозорливо

сощутив глаза, вещает старшина роты. Я, мол, на три метра под землёй чую спиртное. Если кто-то из вас додумается отметить на территории части вашу демобилизацию – не успеете очухаться, как нераспечатанные бутылки окажутся у командира части! А там!!!

Старшина держит руки за спиной. Ноги в сапогах, по обыкновению надраенные до зеркального блеска, твёрдо стоят на ширине плеч. Стоят они на крепко сколоченном деревянном щите у порога палатки.

И, из всех присутствующих, один только старшина не знает, что стоит он на винном погребке, накрытом этим самым щитом.

Шестидесятые годы XX века. Уборочная страда. В сельском клубе засыпают студенты, призванные на помощь селу. Ребята в зале, девочки на сцене за занавеской.

В этой обстановке полудрёмы уставших студентов обязательно находится шутник, которому для достижения собственного счастливого и покойного сна необходимо кого-либо напугать. И звучат в этот час рассказы о гробах, покойниках и тому подобные небылицы. И в этот раз обосновался рядом с нами такой шутник с первого курса. Мы-то уже на третьем, все эти шуточки знаем – надоели они нам. Вот и договорились пятеро старшекурсников проверить мальчонку на вшивость.

В ближайший вечер затеял шутник очередную байку. Девчонки из темноты пищат, просят не пугать. Но рассказчик неумолимо продолжает повествование. А суть этой страшилки в том, что после искусного нагнетания обстановки шутник во всю глотку выкрикивает какую-то фразу. В этот раз мы опередили злодея и заорали в пять глоток, обратясь к рассказчику. Вопль ужаса, прокатившийся по клубу, возглавил знакомый дискант моего соседа. В этом сезоне в клубе не прозвучало больше ни одной страшилки.

Уборочная. Заведующий зерновым током подводит четверых студентов к нехитрому, но крупногабаритному сооружению. По команде с пульта платформа, на которую заехала грузовая машина с зерном, начинает наклоняться. Через открытый задний борт зерно высыпается в специальный бункер. При достижении верхней точки подъёма, по команде, платформа начинает опускаться: «Вам всё понятно?». «Понятно».

«А теперь показываю. Видите – на пульте три кнопки – «Вверх», «Стоп» и «Вниз». Ни в коем случае нельзя нажать после кнопки «Вверх» кнопку «Вниз». И наоборот. Между этими двумя кнопками обязательно должна быть нажата кнопка «Стоп». Понятно?! А теперь смотрите...».

К нашему изумлению, после полного поднятия платформы инструктор нажимает кнопку «Вниз». Не меньше нас изумляется и электропривод платформы. Из пульта вылетает красно-оранжевый метровый сноп огня. Потом по металлическому щиту забегали синеватые огоньки. Вытирая ладонью опалённые брови и ресницы, инструктирующий невозмутимо сообщает: «Сейчас я вам показал, как делать нельзя. Отремонтируют – покажу, как нужно».

Здравствуйте, Дмитрий!

Спасибо за «шуточки»! Мои же воспоминания больше связаны с самодеятельностью. Как-то выступали мы в Школе милиции. Концерт был посвящен, естественно, Дню милиции. Как водится – сначала доклад и награждение. Мы ждем в тесной комнате, уже скучать начали. И тут Игорь Будницкий, известный насмешник и весельчак очень высокого роста, напялил на себя пальтишко Сережки - самого маленького, но очень талантливого нашего СТЭМовца. Приодевшись подобным образом, он вертелся перед осколком зеркала и повторял: «Какая славная курточка, прямо как на меня сшита!» Сережка подбежал к нему и возопил, да, не крикнул, не заорал, именно возопил, воздевая руки: «Для кого - курточка, а для кого – целое пальто!» Конечно, скуку как ветром сдуло, и мы очень порадовали милиционеров хорошим концертом.

Или еще случай. Идет заключительный общеинститутский концерт, в котором принимают участие около 700 человек, поэтому некоторые коллективы, не поместившись за кулисами, должны выходить из зала. И вот ведущий объявляет: «Выступает камерный ансамбль архитектурно-строительного факультета!», и ансамбль потянулся на сцену. Чтобы зрительно представить эту картину, добавлю, что 3 девушки-скрипачки были очень полные, поэтому медлительные, а руководитель – еврей, естественно, обладал поистине гигантским носом. Особенно это было заметно в профиль.

И он, замыкая шествие, гордо понес свой профиль на сцену. И тут в полной тишине из зала донеслось: «О, три Тортиллы и Буратино!» Зал развесялся и аплодировал, не жалея ладоней. Ансамбль мог и не выступить: так горячо никого не принимали.

Кстати, СТЭМ – это Студенческий театр эстрадных миниатюр. Сейчас он остался только в КВНе Маслякова, а было интересно – театр откликался на события, как говорится, «утром в газете, вечером в куплете». А у нас утром – в общежитии, вечером – на сцене!

Ладно, на сегодня хватит! Пишите. Мне всегда очень интересны эти экскурсии в прошлое.

Людмила.

Гости клуба

Уважаемые читатели!

Приветствуем вас в год 385-летия поселка Курагино от имени участников этого сборника – авторов текстов, клуба любителей поэзии п.Курагино «У Лукоморья», творческой общественности, всех жителей Курагинского района и поздравляем с выходом третьего литературного сборника «На Высоком берегу». Наша земля богата самобытными и талантливыми людьми, проявившими себя во многих сферах жизнедеятельности поселка, района, южного региона края и г. Красноярска. Мы способствуем реализации их потенциала. Творческое содружество литературного клуба Политехнического института СФУ «Высокий берег» и клуба любителей поэзии «У Лукоморья» п. Курагино - одно из направлений нашего сотрудничества.

В гостях у литературного клуба «Высокий берег» глава п. Курагино С.А. Жибинов и глава администрации п. Курагино С.А.Кнауб. 26.01.2011г.

В последние годы в п. Курагино успешно проходит фестиваль «Земля мастеров», привлекающий внимание многих жителей района, южных районов Красноярского края и прилегающих областей. С 2010г. мы проводим региональный Арт-фестиваль «Курага», посвященный родному поселку, проходящий под символом «День поселка Курагино». Программа фестиваля многогранна и дает возможность проявить себя во многих направлениях художественного творчества, физической культуры, спорта и разностороннего общения. Мы будем рады участию ваших творческих коллективов, сотрудников и преподавателей в программе АРТ-фестиваля «Курага -2012». Мы гордимся успехами лыжной школы из п. Ирба, умельцами из п. Краснокаменск и из с. Тюхтыты, необыкновенными мастерами железных дел, владеющими секретами дамасской стали, произведениями художника Ануфриенко

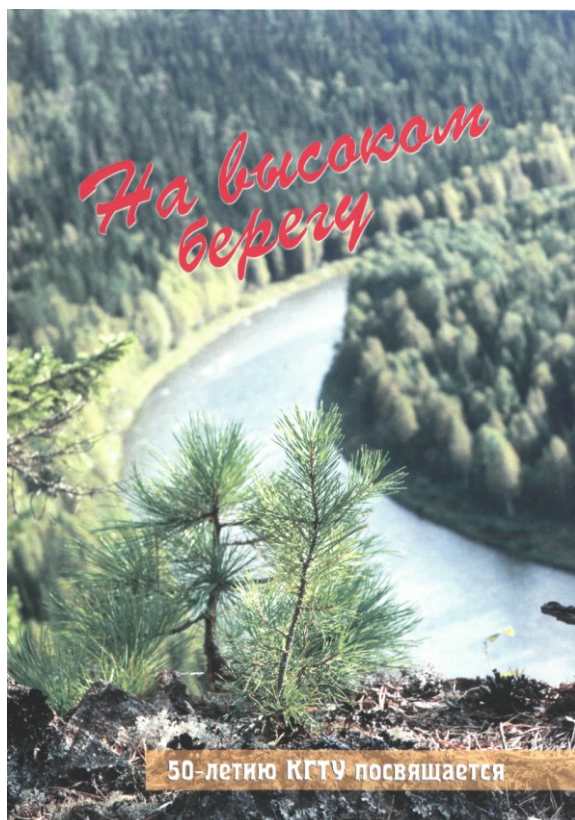
Валерия Георгиевича, коллективами «Сударушки», «Настроение», хоровым коллективом ветеранов под руководством Романова С.С., художественной программой «Визит к прекрасному», командами волейболистов и футболистов всех возрастов и всеми нашими земляками.

Мы рады, что нашим поэтам и прозаикам предоставлена возможность участия в сборнике «На высоком берегу» в рубрике «Гости клуба».

Творчество наших авторов несомненно заслужит внимание многих любителей поэзии Сибирского Федерального университета, а выход сборника будет событием в жизни п. Курагино.

Пользуясь случаем, поздравляем коллектив студентов, преподавателей и сотрудников Политехнического института СФУ с прошедшим юбилеем – 55-летием со времени основания в 1956г. Участие регионального клуба п. Курагино «У Лукоморья» в литературном сборнике «На высоком берегу» – реальный вклад в наше творческое сотрудничество и развитие альманаха.

Глава п. Курагино С. Жибинов

*Выпуск № 1
литературного альманаха
в книжном формате*

Выпуск № 2

Белоногов Евгений Александрович

Родился 6 августа 1981г. в Красноярске. Его стихи печатались во многих газетах, в том числе в «Комсомольской правде», в журнале «Клуб» (г. Москва). Его стихи вошли в краевой сборник «Поэзия на Енисее» (2004г). Евгений о себе: «Пишу не для себя, для людей, которым, может быть, именно в эту минуту необходимы поддержка, совет или попросту теплые слова».

Окрылённый

Когда увянут все цветы,
Когда утихнет в поле ветер,
Я различу твои черты,
Которых раньше не заметил.
Я одиноким мотыльком
Кружиться стану вечерами
У сумрачных твоих окон
В надежде, что зажжётся пламя
Свечи, стоящей на столе,
Погасшей в ледяном беззвучье.
И ты увидишь, как во мгле
Порхаю я, тоской измучен.
Со скрипом отворишь окно
Ипустишь странника ночного
В свой дом, где селится давно
Тоска по ласковому слову.
И я начну кружить, порхать,
Из сил последних выбиваясь,
Но не сумеешь ты понять,
Что я сказать тебе пытаюсь.
И в жарком пламени свечи
Окончу жизни своей прозу,
Но лишь из жалости в ночи
В твоих глазах застынут слёзы.
Когда увянут все цветы,
Когда утихнет в поле ветер,
Вернёшься ты в мои мечты
Одна такая в целом свете.

Чем богат

Простите меня, госпожа Нищета,
Но все, что я в жизни имею –
Две жалких монеты и тень от креста,
Что давит на плечи и шею.
Одною монетой за жизнь расплачусь
За то, что ссудил мне Всевышний,
За горькую радость и сладкую грусть,
За то, что считал себя лишним.
Другую монету отдам сироте,
Что руку прохожему тянет.
Пусть он улыбнется в своей нищете,
От этого легче мне станет.
А крест свой скрипучий не дам никому,
Оставляю его на Голгофе.
Ни Богу, ни бесу, а мне одному
Искать на пути повороты.
Простите меня, госпожа Нищета,
Но вас мне не надобно боле.
Богат я душою, а вся пустота
Развеется ветром по полю.

Присяжные

Быть милосердным не так уж просто,
Куда уж проще жестоким быть.
И, промывая чужие кости,
Мы забываем свои отмыть.

Того, что скрыто в душе глубоко
Никто не знает. Да и зачем?
Зачем им знать, что мы жестоки?
Ведь всем хватает своих проблем.

Никто за злобу нас не осудит,
Мы сами судьи и палачи.
И нам не важно, кто смертник будет,
Важнее кровью смочить мечи.

Мы рубим шеи двумя словами,
И сквозь столетия слова звучат.
Они железом пронзают пламя,
Два страшных слова: «Он виноват!».

Погасли свечи, процесс окончен,
И судьи вышли курить в подъезд.
На этом можно поставить точку:
На не виновном поставлен крест.

Тройка

Веселый звенит под дугой колокольчик,
И резвая тройка куда-то спешит,
И девка румяная звонко хохочет,
И снег под полозьями громко скрипит.

А рядом с девицей красивый молодчик
В шубейке и в шапке, сбитой набекрень,
Поводьями буйную тройку торопит,
Свистит, прогоняя с попутчиков лень.

А кони ничуть не боятся мороза,
Бегут, выдыхая клубящийся пар.
Вплетённые в гривы тряпичные розы,
Горя кумачом, разжигают пожар.

И люди меняют унылые маски
На маски веселья, завидев коней.
Средь белой зимы появляются краски,
Становится сердцу немного теплей.

Праздник души

Скользите, пальцы по ладам!
Рвитесь, гитарные струны!
Сегодня я молод не по годам,
Сегодня я пьяный и буйный.

Сегодня смеялся румяный рассвет,
По жилам росой растекаясь.
А ветер слагал за куплетом куплет,
Во фразах смущенно теряясь.
Сегодня расплакалось небо дождем
И, как никогда, просветлело.
Деревья шептали о чем-то своем,
Какое кому до них дело?

Прощаю врагов и завистников я,
Прощаю, пусть даже заклятых.
Сегодня ко мне заглянули друзья,
Приятеля – тоже приятно.

Простите, родные, коль в чем виноват.
Простите, причины не надо.
Мне нужен ваш искренний дружеский взгляд.
Он лучшая в жизни награда.

Маэстро, играй! Нет печали следа.
Звените, гитарные струны!
Сегодня я молод не по годам.
Сегодня я пьяный и буйный.

В.С. Высоцкий

Его голос, как крик пароходный в порту,
Где-то очень живой, где-то даже молящий,
Пробуждает в холодных сердцах теплоту.
В нём живёт человек настоящий.

Стон пропитанных болью натянутых струн,
Тонкий гриф, окроплённый скупой слезою,
И, блуждая под сенью таинственных лун,
Он ловил песни ветра и спорил с грозой.
Помню, как пробежала холодная дрожь,
Когда голос с пластинки скрипучей срывался,
И ловил я руками полуденный дождь,
В мыслях плыл по волнам и на скалы взбирался.

Когда пальцы его прикасались к ладам,
И аккорды в пустоты как птицы слетались,
Я ступал в небеса по размытым следам,
Тем, что в сердце поэта слова оставляли.

Ветер треплет листву предосенней порой,
На болотах слышны журавлей отголоски,
И рождается в памяти голос живой,
Нестареющий вечный Владимир Высоцкий,

Бывает так, что яд в хрустальной чаше
Становится росы медовой слаще.
Бывает так, что мед из рук недобрых
Напитку смертоносному подобен.
Две эти вещи меж собою схожи.
Кому-то яд, кому-то мед, и всё же...

Ехомова Ольга Ларионовна

Родилась 15 июня 1950г. в д. Викуловка Курагинского района. Училась в педучилище, в 1969г. потеряла слух. Затем 6 лет училась в Московском университете искусств на факультете станковой живописи. Работала учителем, завклубом, 20 лет художником-оформителем. Инвалид II группы. В течение ряда лет печаталась в газете "Тубинские вести" и «Красноярский железнодорожник». Автор песни «Цвети, мое Отечество – Курагинский район». Является номинантом международного конкурса инвалидов 2002г.

Весенний ветер

В лицо подул мне ветерок удалый,
Весенний первый легкий ветерок,
И снял, волшебник, груз с души усталой
И за собой играючи увлек.
И ловит слух капли звон минутный,
И столько ликования слышу в нем,
Что мир вокруг стал добрым и уютным,
Каким бывает материнский дом.
И, ощутив природы сопричастье,
Иду, таким доверием горда...
Большое чувство радости и счастья
Судьба дарует только иногда!

Пишет повесть свою осень
в романтических созвучьях,
Теплотою чувств окрашен
союз неба и земли...
В ожидании ненастья
грустно стайке ив плакучих,
Все цветочки полевые
раньше срока отцвели.
Гладиолусы на грядках
грозно вытянули шпаги,
Запоздалым летним зноем
наслаждаются цветы,
полны жизненной отваги.
Даже в самых неприметных
столько чудной красоты.
Пишет повесть свою осень,
не заботясь об эффекте,
В нужный час, едва касаясь,
изменяет мир вокруг...
И, когда-нибудь, я верю,
на цветочном диалекте
Мир людей и мир растений
объясниться смогут вдруг!

Природа к нашим бедам непричастна,
И осень не спешит в небытие.
Она в погоне за коротким счастьем
Все наверстать пытается свое.

Но только дни короче и короче,
А ветер злей и затяжней дожди...
Темнее и прохладней стали ночи,
Пора надежд и солнца – позади.
То там, то тут еще грибки маячат,
Калина покраснелась на ветру...
По сжатой полосе ворона скачет,
Еще хлеба здесь были поутру...

Осенних красок перелив, порой,
Как ни печально бытие, но все же,
Нам сердце русское, бывало, растревожит
Волшебною и сказочной игрой.

И все ничто нам, слякоть иль пороша,
Иль затяжные долгие дожди...
И даже то, что жизни нам хорошей,
Пока еще, не видно впереди.

Коротка любовь земная,
Как и короток сам век.
Что успеет, то познает
В своей жизни человек.

В бесконечности движенья
Счастье ловит на бегу...
Бесконечное круженье
Каждого в своем кругу.

По пути и жнет, и сеет,
Бескорыстно раздает...

И всегда во что-то верит,
И всегда чего-то ждет.

И, за в жизни появление
Платит каждый час и миг,
И, уходит в неведении -
Все ли в жизни он постиг?

Остаются дом и дети,
Остаются песня, стих...
Человек живет на свете
Отраженьем дел своих...

Так и наше поколение
Скоро ступит за порог.
Жизнь - и вечности мгновенье,
И бессмертия залог!

Любовь, как судьба

Пока любовь не канет в Лету,
Не станет вдруг забывчива вполне,
Она прекрасна, как дыхание лета,
Стремительна, как всадник на коне...

Все в ней...

Любви не повториться дважды.
Она – недостижима для зла.
По ней придется в жизни не однажды
Сверять свои поступки и дела.

Что для нее сомнений городьба!
Ей суды-пересуды – не преграда.
Любовь всегда приходит, как судьба,
Ну, а в судьбу, наверно, верить надо...

Идет любовь, горда, сияя и маня,
Окидывает мир влюбленным взглядом,
Став выше суеты, став выше будней дня,
Над миром вознесясь,
всем вопреки преградам!

Мисюрова Надежда Владимировна

Родилась в городе Красноярске, но вот уже несколько лет живёт в посёлке Курагино. Является редактором православной страницы в районной газете «Тубинские вести». Стихи печатались в газете «Твои аргументы».

Любимые занятия: литература, музыка, фотография, рисование, компьютер.

Осенний сад пылает золотой листвою,
Необычайно, сказочно красив,
И, только кажется, дождливою порою,
Что плачет он, немного загрустив.
И вспоминает о прошедшем лете,
Когда вокруг все пышно расцвело,
И так прекрасно было все на свете,
Но только очень быстро все прошло.
Последняя краса печально опадает,
Летят по ветру желтые листы,
Природа постепенно увядает
До теплой и прекрасной уж весны.
И краскою другой обновлена палитра,
И на земле лежит пушистый белый снег,
А хрупкая снежинка кружится от ветра
И совершает с неба свой побег.
Все на земле меняется так часто,
Большого постоянства в мире нет.
Мою историю переписать начисто
Не может даже этот белый снег.

К Ангелу

Засыпает снегопадом
Серебристую дорогу.
Угаси мою тревогу,
Посиди со мною рядом,
Светлый Ангел в изголовье.
Утоли мои печали
И небесными очами —
Дивным светом мир наполни.
У трепещущей лампы
Помолись со мною вместе,
И своею тихой песней
Исцели на сердце раны.
Напой живой водою,
Дай из рук твоих умыться,
И со следующей страницы
Снова жизнь свою открою.

Светлая мелодия

Укрываясь белым снегопадом,
Осень слишком рано поседела,
На тропу заброшенного сада
Лёгкая пороша налетела.
И утихли городские звуки,
Тишина устало засыпает,
Лёгкие, невидимые руки
Темнотой пространство обнимают.
А кому-то море будет сниться,
Лёгкий белый парус бригантины,
Над волной летающие птицы
И далёкой песни переливы.
И родной усталый чей-то голос
Сердца вдруг нечаянно коснётся,
Лёгкою мелодией знакомой
Светлым утром в комнату прольётся.
Новый день, с рассветом просыпаясь,
Обещает радостные встречи:
Где Надежда с Верой повстречались,
Там любовью ярко мир расцвечен.

Весенние дары

На улицах размытой акварелью
Весна рисует бледную листву
И небо, лазуритовой пастелью,
И чище и прозрачней синеву.
Погонщик облаков, упрямый ветер,
Доносит марево и всполохи грозы,
И небо вдруг заплачет на рассвете
Прозрачным храмом дождевой воды.
И упадут расплывчатые капли
Мне на ладонь протянутой руки
Скупыми зёрнами небесной манны,
Но после разольются родники
У пыльной и засушливой дороги,
Где не хватает чистых нужных слов,
И кто-то постучится на пороге
С охапкою невиданных даров.

Заброшенный храм

Там, где травы вешние нескошены,
Где цветы неброские цветут,
Старый храм один стоит заброшенный,
И гуляет вольный ветер тут.
Заросла к нему тропинка давняя,
В старой кровле птицы выют гнездо,
Только песня слышится печальная -
Это Ангел плачет здесь давно.
Одинокый путник в придорожьи
Поглядит с поникшей головой,
Как случается, что церкви брошены,
Словно сироты с изломанной судьбой?
Не спешит туда народ на праздники,
И не слышен колокольный звон,
Не поют протяжных песен калики.
Русь застыла – словно видит сон.
Ты встряхнись, проснись, моя родимая,
Золотых березок дивный край!
Знаю я, что будешь ты счастливая,
Только веру в Бога не теряй.
Теплится лампада в дни осенние,
Сердце повторяет вновь и вновь:
«Господи, даруй ты нам спасение,
Веру, всепрощенье и любовь!».

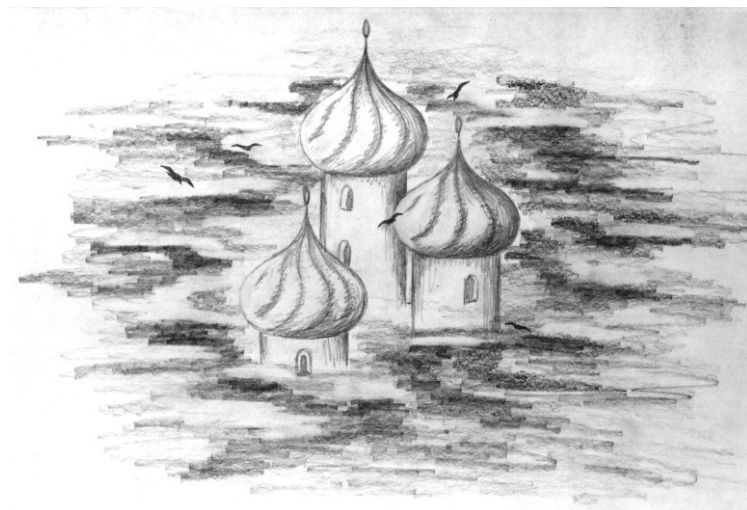

Рис. Л.Коневой

Дивный свет

Когда, устав от суеты веков,
Душа стремится к Небу прикоснуться
И снять свой груз накопленных грехов,
И ото сна неверия проснуться,
Тотчас спадает пелена из глаз,
И виден свет таинственный и чистый -
Светильник жизни воссиял для нас:
Господь пришел, такой простой и близкий.
Я в дверь свою Его скорей впущу
И душу загрубевшую раскрою,
И просто рядом тихо помолчу,
И сердце на любовь свое настрою.
Росою слезы побегут из глаз,
И раны зарубцуются бывшие,
Ведь Он пришел, чтобы утешить нас
И даровать богатства неземные.
Сокровищ тех не потревожит тлен,
Где вера и любовь – дорога легче,
Теперь я знаю: боль не насовсем,
Я стану от нее сильнее и крепче,
И буду петь про этот дивный свет,
Сияющий, как ясный луч во мраке,
И ангелы вострубят мне в ответ,
Все будет наяву, не на бумаге!

Мне бросала под ноги осень
Золотую листву так щедро,
Только волосы стали впроседь -
Это время идет, наверно.

По бульварам и перекресткам,
По сиреновой легкой дымке,
По заснеженным сонным верстам
Все идет и идет без заминки.

Завернет, где любовь стелила
Из цветочных ковров покрывало.
Там, где звездное небо плыло,
И заря, как костер, полыхала.

Но не хочет здесь задержаться,
Баловать меня счастьем вешним.
Мне бы листиком оторваться
И остаться с тобою, нежным.

Но иду, и никто не спросит,
Время гонит и дышит в спину,
А вокруг меня снова осень,
Догорает, как сердце, рябина.

Я не знаю, куда мне деться,
Хлопнет дверца, а там не ждали,
И никак не могу согреться
В паутине снежной печали.

Не твоя она, знать, так надо,
Не болит голова у здоровых,
И душа моя – дождь листопада,
Отлетает от веток кленовых.

Небо кончилось, не вздохнуть тут.
Я не верю, что время лечит.
Твоей песни осенний отзвук
В моем сердце оставит вечность.

Три слова

Ты говорил спокойно в этот вечер,
С уверенностью, умные слова
О том, что все проходит, все не вечно,
Но отчего-то не смотрел в глаза.
Нет, я тебе ни капли не поверю,
И, даже, если мир качнется вдруг,
Я за тобою не закрою двери
И буду ждать средь холодов и вьюг.
Не знал тогда, души моей касаясь,
Что оставляешь в ней хрустальный след.
На клавишах мелодию играя,
Ты не услышал, что звучит сонет.
Вновь дождь по стеклам, вечер будет долгим,
Но не унять, не угасить огня,
Мне сердце будет греть в ненастный полдень,
Ведь знаю я, что ты любил меня.
Пройдут века, ведь все здесь кратко, зыбко,
Но в вечности напишут Небеса
Неуловимой солнечной улыбкой
Всего три слова: «Я люблю тебя!».

Рис. Л.Коновой

Мелодия лета

Дождь барабанит по стеклу
Три четверти из вальса лета,
О том, как травы на лугу
Цветами пестрыми одеты.
О том, как при дороге рожь
На поле белом колосится,
О том, что скоро ты придешь,
А может, будешь только сниться?
В хрустальном мареве дождя,
Взгляд устремив до края неба,
Там радуги цветной ладья
Причалила в лучах рассвета.
Вдыхаю мир с его красотой
И сладкой грустью без остатка,
Такой привычный и родной,
Но все же тайна и загадка.
А помнишь, как ты приникал
К моим глазам, губам несмело.
Такой Господь меня создал,
Другою быть я не умела.
Качнулись листья у берез,
Так быстро время пролетело.
И легким крылышком стрекоз
В глазах моих слеза блестела.

Орлов Евгений

Родился в 1935 году на станции Яблоня КВЖД, построенной в Манчжурии Российской Империей. На свою историческую Родину он приехал в 1954 году. Отслужил в армии, окончил Сибирский технологический институт. Свой трудовой путь начал в Красноярском крае, где и ушёл на пенсию. Инженер по образованию, он написал несколько книг, и был принят в Союз российских писателей. Сочинителя-прозаика иногда посещает муза поэзии, и тогда рождаются стихи.

Он наш исполин

*Самому большому водопаду
России посвящается.*

Где пик Кинзелюкский прорвал облака,
Где Мертвое озеро спало,
Оттуда однажды упала река
И водопадом стала.
Летит, ниспадает, спешит водопад,
Великолепный, быстрый,
Туда, где рокошет второй каскад,
Товарищ его серебристый.
И вот, они вместе стремятся к земле
Тяжелым, тугим потоком,
Бегут по неровной, разбитой скале,
Наказанной кем-то жестоко.
На выступ крутой водопад струит,
Волнуется он и ропщет,
И вдруг он рассеялся веером брызг,
Но снова собрался, хохочет.
Он говорлив, шумлив и рад,
Что снова живой и сильный,
Готов и разбиться, и слиться стократ
Носитель воды обильной.
На солнце алмазами блещет он,
Красив водопад Кинзелюкский,
Хоть тюркским названием он наречён,
Он наш исполин, он русский!

У гранитной книги

«Царь-рыба» на той площадке
И я там, невдалеке,
Свой взор, обращенный к реке,
Остановил на Овсянке.
Стою и люблюсь ею,
Простой деревенькой русской,
Что к батюшке-Енисею
Припала полоской узкой.
Но в прошлое мысли уносят...
Река, поскорее очнись!
Ты слышишь, как мальчик просит:
«Мамуля, ты где? Покажись!»
Но Витеньке нету ответа,
Лишь шепчут о чём-то волны,
Шумят над рекою ветры,
А мама его безмолвна.
Рубцам не зажить на сердце,
Живучи они, как вечность,
И если прижились в детстве,
Быть болям другим сердечным.
Познал деревенский «малёха»
И лиха, и горя с млада,
И если кто делал «плохо»,
Он говорил «не надо».
Но вот он уже писатель,
Значима его строка,
Он мудрого слова ваятель,
А боль его вновь велика.
То – великая боль за Россию,
И за мир, беспокойный и злой.
То – возмущенье насильем
И любой в нашем мире войной.
Он безмерно радел за потомков,
Он им веру в себя внушал,
И, как им не блуждать в потемках,
В своих «Затесях» наказал.
Подхожу я к гранитной книге,
Читаю, стою над ней,
И будто снимаю вериги
С души омрачённой своей...

Варламу Шаламову

Он, как писатель и поэт,
Был возмущён насильем,
Радел он за иной расцвет
Страны родной – России.

Свободы жаждал он для всех,
Писал об этом много,
Но не пришёл к нему успех
В стране, презревшей Бога.

Не опьянил его дурман
Идей бредовых Маркса,
В итоге – долгий Магадан
И гнёт, страшнее рабства.

В Канаду всё же не сбежал,
Не стал он эмигрантом,
Не «тявкал» из-за рубежа,
Не «стряпал» фолиантов.

Стихи его – сплошной протест,
Он знал: закончит плохо,
Но продолжал нести свой крест,
Ждала его «Голгофа»...

Долг превыше, всего дороже...

*Изыскателям трассы «Абакан-Тайшет»
и «Абакан-Нижнеудинск» А.М.Кошурникову,
К.А.Стофато, А.Д.Журавлёву, погибшим при исполне-
нии долга, посвящается.*

Мокрый снег, все промокли жутко,
Не даёт им погоды Господь...
Наконец – Базыбай, здесь избушка,
Может быть, переждать непогодь?
Отогреться, просохнуть надо,
Но сказали себе – вперёд!
Впереди у них дел громада,
Результатов Отечество ждёт...
Идти трудно, идти – безумье:
Буреломы, колодник и лёд.
Остановка, и после раздумья
Они делают новый плот.
Нет еды, прогорела одежда,
Из-за слабости клонит в сон,
Но живёт в их сердцах надежда,
Что придут они на кордон.
Волдыри на руках опухших,
Пять плотов отняла судьба
Из-за этой зимы не лучшей,
Из-за ранних торосов льда.
Плот готов – их итог терпенья,
Пятьдесят километров пути
Им осталось рекой пройти,
Там – жильё, там их ждёт спасенье.
Наконец, плот теченьем подхвачен,
В этом месте Казыр быстёр,
Но был снова их труд напрасен:
Ждал в пяти километрах затор.
Плот, как птица, летит свободно,
Ликованию нет конца,
Возбуждённые голоса,
И затор был замечен поздно...
Вновь на берег уже не вернуться:
Плот в «Дурную матеру» несёт,
Непослушный шесту развернулся,

И мгновенно ушёл под лёд...
Да, могли подождать герои,
Когда реки покроются льдом,
И добраться к жилью рекою,
Но нельзя было думать о том.
Долг превыше, всего дороже,
И в разгаре была война,
Долгий путь не казался возможным,
Их ждала и искала страна.
Кто загинул Отечества ради,
Тот стал вечен, историей стал,
Тому почести мир воздал,
И он Божьей достиг благодати...

Полежаев Александр Алексеевич

Родился 8 мая 1956 года в селе Моторское Каратузского района. 12 лет отслужил в Армии. С 1986 года живёт в посёлке Б.Ирба, работает на Ирбинском руднике. Женат, имеет взрослого сына.

Актер Ирбинского драматического театра. Любит заниматься спортом, выступал за команду по волейболу ирбинского рудника.

Стихами увлекался с юности. Его стихи печатались в местных районных газетах «Твои аргументы» и «Тубинские вести».

К кинофильму «Робин Гуд»

Памяти В.С.Высоцкого

Я спешил за тобой, в горле сдерживал крик,
Я молил подождать и послушать меня,
Только кто-то другой между нами возник,
Зря я плеть исхлестал и замучил коня.
И на том берегу замок ждёт не меня,
И не нам на двоих там накрыты столы,
Не опущен нам мост, не нам трубы звонят,
Стража ходит кругом, все угрюмы и злы.
Тот, другой, был смелей и удачней в бою,
И перчатку твою он на шлеме носил,
Он не верил словам, полагался на меч,
Но тебя он, увы, никогда не любил.
Пусть сегодня он пьёт, восхваляя себя,
Приглашая гостей на ваш свадебный пир,
Завтра биться ему, не на жизнь, а на смерть,
Завтра нам с ним, кому-то последний, турнир.
И он будет стараться остаться в живых,
Знатен он и богат, ему есть, что терять,
Мне же будет светить лишь огонь твоих глаз,
И мне кроме любви больше нечего ждать.
Я забрало своё не закрою пред ним,
Чтоб он видел, себя я не буду беречь,
И чтоб слышала ты, как я имя твоё
Прокричу, прошепчу, обнажая свой меч.
Нам не место двоим на огромной земле,
Кровь из раны на меч, как огонь, горяча.
И в награду за это лишь трепет ресниц,
Только локон, небрежно упавший с плеча.

Желтый лист на капот прилип,
Глупый, тоже к теплу стремится,
Он не знает, что жизнь — лишь сон,
Где хорошее только снится.

Он не знает, что все прошло,
И что дальше все будет хуже,
Что закончит он свои дни
В этой мутной и грязной луже.

Желтый лист на капот прилип,
Он чужого тепла набрался
И не верит, что все, погиб,
В целом свете один остался.

И, оторванный от ветвей,
Не питаясь живой водою,
Он один... Я среди людей...
Но похожи мы, лист, с тобою.

Все краски осени в лесу,
Как будто мёртвые, застыли.
Молюсь я солнцу-колесу,
Мне этот дождик опостылел.

Ну, сколько может мрак и стынь
Давить на душу, как булыжник,
Как будто победил святых
Какой-то дьявол-чернокнижник.

Весь день на небе серый цвет,
Весь мир, как залитый свинцом,
И я осознаю уже,
Что часто жил не с тем лицом.

Зачем всё мрачно и темно,
Иль просто свет не по глазам,
Или за все мои грехи
Мне отливается слеза?

Быть может, кто-то проклинал,
Мол, отольются, подожди.
И я теперь сполна узнал,
Что стоят слёзы и дожди.

Мне ковыльным стеблем резануло щёку,
Когда падал навзничь, воя от тоски.
Знал же, не бывает счастья выше крыши,
И что любовь не длится в жизни до доски.

Зря схватили чувства, как петлёй за шею,
Зря считали вихрем, будто бы цунами,
Знал ведь, будет осень, с ветром, непогодой,
Унесёт и смоем колею меж нами.

Всё покроет снегом: ни тропы, ни стёжки.
И я вновь, как путник, перетряс суму.

По одежке встреча, по уму – по морде,
Тем и тем не вышел, двигать одному.

Я возьму в дорогу снега из кювета,
Чтобы попривыкнуть, если вдруг в сугроб.
Белая дорога, голова вся в белом,
Что-то там маячит: иль трактир, иль гроб.

Да уж и не важно, по большому счёту,
Было бы без ветра и теплее чуть,
Чтобы не давило, слева, там, где сердце,
До весны недолго, там уж как-нибудь.

Вчера не села женщина в машину,
И я вдруг понял, что оно прошло,
Как у Поэта, «время золотое»,
И что меня не в тему занесло.

Вчера не села женщина в машину,
И я вдруг понял, что я стар и сед,
И что прошёл я жизни половину,
Когда садились даже на мопед.

Вчера не села женщина в машину...
«Да, мол, пройдуся, мне ради тренировки».
Я покраснел и пожалел впервые,
Что нет на моих стёклах тонировки.

Но ей сказал: «Да ладно, не проблема,
Движение – жизнь, я сам порой хожу,
Что, мол, счастливо, и закрыта тема».
Но не она, а сам я ухожу.

Я ухожу, оставив много в прошлом,
Судьбы начав вторую половину,
И ничего почти не изменилось...
Но вот не села женщина в машину.

В конце тоннеля слабый-слабый свет,
К нему с надеждой тянется рука,
А, может, это полуночный бред,
И нет пути назад из тупика.

Теперь уже мне некого винить,
Я этот жребий выбрал сам себе.
Скорей бы до чего-нибудь дожить,
Чтоб не просить, не кланяться судьбе.

Чтоб не просить у жизни: «Дай же мне
Любви глоток, как капельку росы».
Но нет ответа, тихо, как на дне,
Хотя ещё идут мои часы.

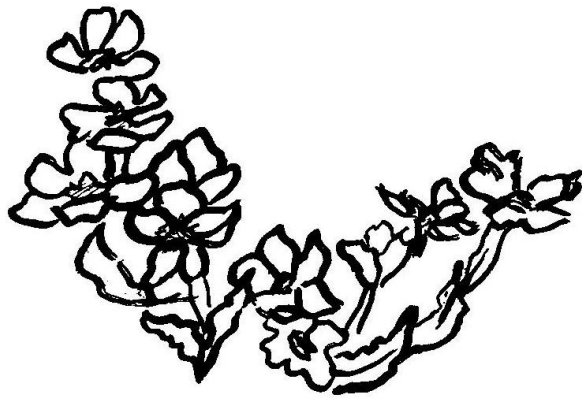
А, может быть, всё было бы не так,
И, знай я прикуп, по-другому б жил,
Но карта бита, и не подан знак,
И свет в тоннеле кто-то потушил.

Весна идет, и сердце не на месте,
С веселым хрустом лопается лед,
И счастлив я, что мы с тобою вместе,
Нам хорошо, и пусть душа поет.

Мы счастливы, что день приходит с солнцем,
И то, что утро мудренее ночи,
И потому, что лучик на оконце,
И что Сибирь прекраснее, чем Сочи.

Мы рады лужам и звонку капли,
Проталинам на склонах у реки,
И что скворцы сегодня прилетели,
И то, что летом зацветут жарки.

Ведь жизнь прекрасна ожиданием счастья,
Любви и тайны, мигом обновления,
Порой, пусть кратковременным, ненастьем,
Спасибо, жизнь, за все твои мгновения.

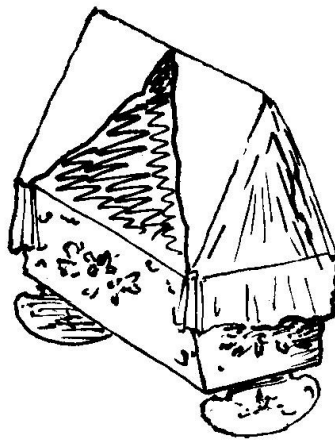
Ты качала меня до утра в колыбели
И упавшего ставила на ноги снова,
Было все впереди: и дожди, и метели,
Расставанья до слез у родного порога.

Ты меня незаметно крестом осеняла,
Я сердился: «Ну, мама, какие кресты»,
Только став уж седым, с болью я понимаю,
Как любила, ждала непутевого ты.

Мама, мама родная, прости мне ошибки,
Все мои оправдания – просто слова,
Ты встречала меня с той, сквозь слезы, улыбкой,
Что опять нехорошая ходит молва.

Мама, мама, не верь, я такой же, как прежде,
Я твой любящий сын и приехал обнять,
Почему же стоишь в этой старой одежде,
И сама постарела, болела опять?

Я приехал совсем, мы всегда будем рядом,
Я по жизни неплохо экзамены сдал,
И, когда обнимал твои хрупкие плечи,
Понял вдруг, что опять я к тебе опоздал.

Попов Виктор Евгеньевич

Кандидат сельскохозяйственных наук, ученый-лесовод, много лет возглавлял научные экспедиции в Усть-Кут, в район лесов БАМа, бывал на Подкаменной Тунгуске. Стихи писал в основном для себя, некоторые из них были напечатаны в альманахе «Политехник».

Еще незабудка цветет у ручья,
А осень уже наступила,
И с лиственниц желтая сыплет хвоя,
И голы береза и ива,

И падает снег. Незабудка моя
Прекрасна. Но как сиротливо
Цвести, где воды говорливой струя
И осень проносятся мимо.

Лес в каплях застывших вчерашних дождей,
И мох стал хрустящим и легким,
И в пене морозной Крестовый ручей,
И желты от лиственниц сопки.

Я каждое утро, спускаясь к ручью,
Был счастлив, что ты не завяла.
Тебе, уходя, оставляю свою
Любовь к одиноким и малым

Где медведи топчут луга,
Крутит пену река Ига.
Непролазные берега.
Фиолетовых гор тайга.

Жизнь иначе видится здесь,
И всему критерии есть –
Смехотворна людская спесь,
Не догонит дурная весть.

Для того, кто дойдет сюда,
Суета сует – города.
Бесполезных трудов года
Словно не были никогда.

Холодна вода и быстра,
Телевизор – пламя костра,
Только старая боль до утра,
Не погаснет наше вчера.

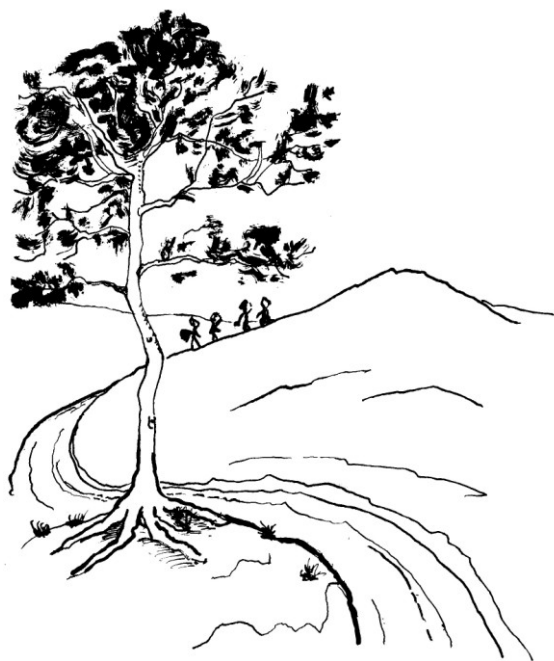
Утром хрупок речной изгиб,
По хрустальной струе шаги -
В темнохвойную даль тайги,
За вершину реки Иги.

Генри Лонгфелло
(верлибр)

Где бы мы ни проходили,
Как бы мы ни уставали,
И кого бы ни любили –
Всюду в этом мире с нами
Гитчи Манито могучий.
За собою он ведет нас
В бой за братство всех народов,
За добро и справедливость
В единении с природой.

Долог путь, трудна дорога,
Бесконечна в этом мире
Зла и глупости пустыня.
Если ты в пути устанешь,
Если голову ты сложишь –
Будьте мужественны в смерти! –
Гитчи Манито нас учит.
Дети, внуки пусть продолжают
Бой за братство всех народов,
Поведе́т их за собою
Гитчи Манито могучий,
И враги твои пусть помнят,
Что жестокой месть их будет.

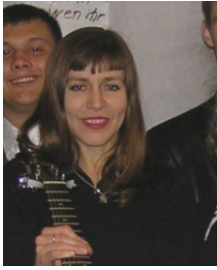
Деревья Бог создал,
Великий математик,
Он функции искал,
Чтобы придать им стати,
И, лучшие для роста отобрал,
Пришедшимися, кстати.
Он рост и размещение увязал.
Он скептик и прагматик.
И нас в эксперимент
Он ввел лишь, чтоб узнать,
Сумеет ли его мы замысел понять
На данный нам момент.
Деревья же пребудут,
Лесами скрыв градских развалин груды.

И.Бунину

Великий мастер, мрачный и надменный,
Почет свой заслужили вы вполне
И тем, как вы перевели Лонгфелло,
И многим, многим. Не пропал втуне
Ваш труд обдуманный и вдохновенный.
Цепь Ваших слов крепка в любом звене,
И волей данных Вами впечатлений
Сложить сей слабый стих внушили мне.
Но как их мало, Боже, как их мало!
Кто может труд свободный оценить?
Он продолжается, как Ариадны нить,
Которую и время не прервало,
Пока я жив. Но, а когда умру,
Кто будет чувствовать высокую игру?

Пишу сонеты я,
Версификатор.
Судьбы и бытия
Я провокатор.
Презренья не тая,
Я, как диктатор,
Убогого жилья
Эксплуататор.
Когда-то я искал
В стихах спасенья,
Поэтому писал
Я, как Есенин.
Теперь не дорожу
Душой и плотской
Судьбою и пишу
Почти, как Бродский.

Радкевич Маргарита

По профессии — музыкант. Пишет стихи и песни и исполняет их под фортепиано, аккордеон и гитару. Автор нескольких прозаических миниатюр, а также музыкальных пьес для детей. Автор книги «Нарисуй меня» (2004). Дипломант краевых конкурсов композиторов-песенников 2006-2007 гг.

Себя не считаю счастливой,
Себя не считаю везучей.
Пусть Счастье проходит мимо,
Быть может, так оно лучше.
На Храм по утрам взираю:
Обитель Святого Николы.
И зависть к земному раю,
Как в сердце болящем уколы.
И золото купола блики
Божественным светом мерцает,
Икон священные лики
Вещают, вещают, вещают...

С уходом зимы чернеют сугробы,
И спят ещё реки под тонкими льдами.
Земля затаилась, сокрыта снегами,
А мы одиноки, а главное - оба.
Ненужностью быта дома городские,
Деревья считают за окнами время.
Весенние оттиски - нежности семя,
И чувства рождённые вновь не чужие.

Топорков Евгений

ЗА СТРОЧКОЮ ЗАПРЯТАН МИР

«Я не рассчитываю на признание меня профессиональным поэтом, но рад, что у меня есть этот скромный дар, помогающий мне глубже познать и осмыслить окружающий мир и поделиться своими маленькими открытиями с близкими, друзьями, читателями...». Так написал в послесловии к сборнику своих стихов, вышедшему небольшим тиражом в издательстве Сибирского федерального университета в июне 2011 г., Евгений Топорков. Сегодня мы знакомим с его творчеством читателей нашего альманаха.

Я б хотел быть в Есенинской свите

Я б хотел быть в есенинской свите,
Воспевать ширь лесов и полей
И грустить под осенние нити,
Провожая косяк журавлей.
Отчего же на сердце тревога?
Прочь гоню, но она не уйдёт,
Лишь подруга поэта – дорога –
Будто странник извечный, зовёт.
Побреду вновь, себя не жалея,
Впечатлений в котомку набью.
Пусть богатство, которым владею
Я стихами потом раздарю.
Всё раздам и себе не оставлю,
Сам останусь в родимом краю.
Ведь поэты не ходят стадами –
Каждый ищет тропинку свою.
Я б хотел быть в есенинской свите,
Воспевать ширь лесов и полей
И грустить под осенние нити,
Провожая косяк журавлей.

Друзьям

Е. Н. Гарину

Мои друзья меня умнее,
Мне светят, словно маяки.
В стремленье их догнать скорее –
Спешу. И ставки высоки.
В моём растущем кругозоре
Они как вехи на пути.
Проигрывая с ними в споре,
Стремлюсь вновь баллы обрести.
Мне с ними в штопор не свалиться –
Уберегут укором глаз.
Готов сквозь землю провалиться,
Когда не верят в мой рассказ.
Мои друзья меня умнее,
Дружить с другими бы не смог.
Я с ними чище и честнее,
На разговор – как на урок.
Мне не до самолюбований
Под их критическим огнём,
Стыдясь отсутствия тех знаний,
Лишь подражаю им во всём.
Мои друзья меня мудрее,
Честней, порядочней, смелей.
И с ними в путь идти вернее –
Я рад иметь таких друзей!

Сплетня

Полноправная хозяйка – сплетня деревенская –
Прародитель желтой прессы, только родом местная.
Бесфамильна, безызвестна, добродетельна собой
Проникает повсеместно под прицелом. И святой,
Ниоткуда появляясь, исчезает в никуда.
Между счастьем или горем сплетня вечно молода.
Ни культура, ни наука не изменят сплетни быт:
Проберётся в дом без стука – по душам поговорит.

Жизненный праздник устроить нетрудно:
Стол приукрашу гирляндами лет,
Встану пораньше в воскресное утро,
Вытяну день, как счастливый билет.
Входит в меню предстоящего пира
Утренний воздух в прозрачном желе.
Взяв под залог возрождённого мира,
День на обед приготовлю себе.
Праздничный ужин с закатом над лесом,
В дымке кисейной укрыта река.
Первые звёзды глядят с интересом,
Хитро моргают: пока друг, пока ...

Экспромт

Быть может, творчества грехи –
Строкой с маститыми тягаться,
Привычка сравнивать стихи.
Сравнить – не значит поравняться.
И под фамилией известной,
Тиснёной титульным листом,
Кой стих читают повсеместно,
Находишь что – то о своём.

Истина

Мы перетягиваем правду,
Как одеяло, на себя.
В ответ на реплику-тираду
Уж не расслышу я тебя.
До хрипоты шумим в раздоре
В стремленье обустроить быт.
А в стороне забыта в споре
Безмолвно истина стоит.

Строка меня не посетила,
Возможно, адрес мой забыла
Или под вьюжным февралём
Она мечтала о другом.
Наверное, другим маршрутом
Зашла в боры туманным утром,
След потеряв в лесу густом,
И, заплутавшись, может, в нём.
И кто дорогу ей покажет
Да мой домашний адрес скажет,
Чтоб не прошла очаг мой мимо
И отогрелась у камина?
Я прежде не был бережливым,
Был сумасбродным, горделивым,
И строчки, распознав про это,
Поодаль поселились где – то.
И вот, забыв про всё на свете,
Я в поиск вышел на рассвете.
Бреду валёжником и топью
И в засуху, и в расторопье,
Чтоб встретить их и поклониться,
Спасти, коли беда случится.
Найду ли или нет – не знаю,
Я строчками себя спасаю.
Они об этом и не знают,
Живут, меня не замечают.
Живут и думают: так надо,
И, может, вновь мне будут рады.
Я их найду и отогрею,
Заботой окружу своею,
Чтоб впредь те строчки не терялись
И на меня не обижались.

Элита

Затянуло мелкотемье, словно сорная трава,
И от этого цветенья лишь кружится голова.
Верховодит, колобродит, бьётся пена через край,
А сюжет опять выходит - хоть ложись да помирай!
Захотелось приподняться над рутиной бытия,
Встрепенуться, отряхнуться, изменить всё до корня –
И в спокойный тихий омут с полусвежею водой,
Чтоб взорваться, извергаясь, от водицы ключевой.
Кто сказал, что счастье жизни - трёп за трапезой да сон,
Что съедим да переварим, переварим, вновь нальём?
На экранах камарилья пляшет, топает, сопит,
И за этими столами тень распутина стоит.

У излучины

Засиделись мы у костра,
Где река говорит с рекой,
Словно младшую та сестра
На прогулку ведёт с собой.
Все слова потеряли нить,
Разговор, как костёр, погас.
Я уверен, что миру быть
Даже если не будет нас.
Обернусь пикника дымкам,
Побреду вдоль реки босой,
Проберусь по жердям-мосткам
И замру на косе речной.
Незаметно проходит день,
У меня randevu с рекой.
Солнца диск перекрыла тень,
Но не скроет души покой.
Я замру от избытка чувств,
Превращусь на лугах росой,
Буду слушать валёжный хруст,
Где река говорит с рекой.
Пусть прольюсь с облаков дождём,
Растворюсь я в земле родной,

Прорасту вновь ржаным зерном,
Появлюсь в закромах мукой.
А хозяйка затопит печь,
Каравай испечёт гостям.
Я усталым ломтём прилечь
Поспешу вновь к своим братьям
Под другой ипостасью жить,
Продлевая судьбы рассказ.
Я уверен, что миру быть
Даже если не будет нас!

9 мая 20.. года

С ветераном последним, ушедшим вчера,
Закрываем страницы великой войны.
И пронзительной болью вздохнёт тишина,
Мне вовек бы не слышать такой тишины.
Я рассеянным взглядом вокруг поведу –
В этот год они с нами сюда не придут.
Да имеющий сердце не сдержит слезу,
Батальоны солдат в наших мыслях встают.
Не пришлось им увидеть победы огни,
Не пришлось им награды носить на груди.
Шли на запад потом. А пока – на восток.
Из наград – лишь один неприметный значок.
Мы из хроники старой увидим войну,
Сквозь года лица в кадрах глядят на живых.
Ведь они отстояли твою тишину
И погибли в боях за потомков своих.
С ветераном последним, ушедшим вчера,
Закрываем страницы великой войны.
И пронзительной болью вздохнёт тишина –
Мне вовек бы не слышать такой тишины.

Родник

Много мест заповедных в России,
Их не надо искать вдалеке.
Глянь, летят облака кучевые
И плывут, отражаясь в реке.
За рекой в деревеньке забытой
Из горы выбегает родник
И журчит головой непокрытой
По колодам со стыка на стык.
Той водой всю округу питает,
Его знают и млад и старик,
И с годами та сила не тает.
Но молвой не гордится родник,
Он привычно бежит неустанно
Чуть звончее в рассветных часах.
Лезет солнце на кручу упрямо,
Отражается Русь в родниках.

Временные часы

Равновесье в природе храня,
Примилив день и ночь меж собою,
Вечер летний уложит меня,
Поутру вновь разбудит зарёю.
Ночь отнимет дневные часы.
На исходе уставшего лета
В путь обратный качнутся весы,
По зиме остановятся где-то.
В благодарность ушедшего дня,
Что растаял за кромкою света,
Осень мягко коснётся меня
Паутинкою бабьего лета.

Анатомия стихов

Стихи звучаньем проверяют.
Когда с притихших площадей
Проникновенно их читают –
Ползут мурашки у людей.
Стихи звучаньем проверяют.
Когда ведут куда-то ввысь –
Они воюют и страдают,
Они по времени прошлись.
Коль жизнь сыта и безмятежна –
Стиха не тронет колдовство.
В их строках мужество и нежность,
Что б было их любить за что.
Стихами души проверяют,
Когда сердечный непокой.
С тобой без отдыха шагают,
Неразделённые с судьбой
Стихи – открытие поэта,
В разы спрессованный мотив,
Другая линия сюжета,
Строкой поэму заменив.
Но есть стихи, что в круге узком,
Глазами, мокрыми от слёз,
По памяти, в подъезде тусклом,
Лишь той, которая всерьёз,
Лишь той, которая навеки
Собой затмит бескрайний мир.
Рад поклоняться, словно мекке,
Той, для которой ты кумир.
Стихи звучаньем проверяют
И беспристрастностью времён.
Стихи, с которых жизнь сверяют,
Стоят подобием колонн.
Когда приходит вечер мглистый,
Спит путеводная звезда,
Стихов отрывки, словно искры,
Печально светят сквозь года.
Спешу коснуться с вожделеньем,
Когда волнует строчек бег,
К своим навязчивым сомненьям,

Что пролетят из века в век.
Стихи звучаньем проверяют,
Стихи уходят в никуда.
Но те, с которых жизнь сверяют –
Пусть их читают иногда.

Сценку осени в доме старинном
Наблюдаю, волненье тая.
Три березки со взглядом невинным
Обнажают, стесняясь, себя.
Первый лист, увлеченный волненьем,
Ниспадал, за собою маня,
И, забывшись в полете последнем,
Лег покорно к ногам сентября.
За бесстыдным стриптизом осенним
С восхищеньем смотрю из окна.
Знаю, осень не будет последней,
Как была та последней весна.
Подглядев за игрой листопада,
Наяву вспоминаю тебя –
Прошлой жизни былая награда –
Незабвенная осень моя.

В квадратах стеллажей из кладезей бумажных
Страничный смысл от глаз запрятан в переплет,
Где сонмы книг стоят и простеньких, и важных –
Ждут часа своего. И кто - то их берёт
В надежде утолить души духовный голод.
Начну перебирать чужих судеб мечты.
Но словно острый нож заходит в дом мой холод,
Не нахожу ответ, где затерялась ты,
В какой из этих книг ты вечной панацеей
Найдёшь себе ответ на заданный вопрос?

Герои толстых книг нам кажутся мудрее,
Но не помогут впредь: какой с бумаги спрос.
Ищи её в миру, мне классики ответят.
Найди любовь в себе, философы твердят.
Подскажет сердца стук, мне лирики заметят,
Бесцельный поиск мой вдогон перекрестят.
Но я пойду вперёд, надеждою гонимый,
Да уж не трону впредь я запертую дверь.
В главе начальной был как юноша ранимый,
К главе последний штрих я подберу теперь.
Нет, то ещё не признак близкого забвенья,
Ещё продлится долгий поиск миражей.
Звезда погасла, но живёт её свечение
Чрез толщу тёмных лет идущих к нам лучей.

Брошенное поле

Заросло подлеском брошенное поле,
Лес берёзок стайки выплеснул на волю.
Разбрелись берёзки, подступив к дороге,
Встали у обочин прямо на пороге.
Поле не в обиде на гостей незваных.
Раньше, чуть согревшись, просыпалось рано
Летом колосилось, осенью кормило,
То, что уродилось, от души дарило.
Не вина берёзок, коль другое время,
Брошенное поле – экая потеря!
Почему же тяжело и на сердце бремя?
За заросшим полем умерла деревня.

Зимние птицы

Южные страны, не спорю, красивы,
Дивные птицы щебечут в раю.
Зимние птицы морозной России,
Что вы нашли в неуютном краю?
Тянет вас что в захолустье лесное,

Богом заброшенный ветренный край?
И почему, лишь запахнет весною,
Внутренний голос шепнет: улетай!?
Дни февраля – не для свадебных трелей.
Всё же приятно смотреть из окна,
Видя в замерзшем саду свиристелей,
Коиx ничуть не пугает зима.
Выйдя из дома, взгляну, удивленный:
Что за мираж? И смотрю – предо мной
Скромная яблонька в дымке морозной
Лето вернет снегириной семьёй.
Зимние птицы морозной России,
Что вы нашли в неуютном краю?
Птицы – не люди, они не спесивы,
Счастья не ищут в далёком раю.

Ты найди себе что - то земное,
Не тревожь мою душу собой.
Пусть меня будет лучше он втрое
И пойдёт наугад за тобой.
Ты найди себе что-то земное,
Он тебя успокоит собой.
Позабудь своё чувство слепое,
Слёз не лей ты порою ночной.
И найди себе что-то земное,
Чтоб покончить с разладом души.
Я любви твоей, может, не стою,
Лебединую песнь заглуши,
Ты найди себе что-то земное.
Моё сердце под снегом и льдом,
Я уже не болею тобою
Нет весны в расписание моём.

Словно сон проявился нежданный.
Поспешу я о нём рассказать,
От осенней сумятицы пьяный
Побреду, чтоб тебя отыскать.
Побреду по тропинке листвяной,
Паутиной тревожа глаза.
Плачет роща в накидке багряной,
И моя не сдержалась слеза.
Осень в таинство прячется дивно,
Сердце силится тайну понять,
И теснят впечатленья так сильно.
Как словами тот жар передать?
Затерялись от радостной грусти
Под шуршание листьев слова,
Знаю, чувство меня не отпустит
И твои незабудки-глаза.

Треск древесных стволов,
Хруст поспешных шагов,
На поляне покров
Самоцветных ковров.
Где-то там под ковром
Лето красное спит,
Часа ждёт своего
И тихонько грустит.
Не услышит зима
Ни упрёка в ответ.
Лето с доброй душой
Шлёт сестрице привет.
Пусть сурова сестра,
Лето ждёт до поры,
На подходе весна
Припасает дары.
Ну, а осени грустно
Последней в ряду,
Вот поэтому слёзы
Её на виду.

Эпилог

Увы, я начал повторяться.
Похоже, творчеству конец.
Как грустно над собой смеяться,
Оплакав прошлого венец!
Раскрылся весь. Исчезла тайна,
Секрет запрятанный открыт.
Душа распахнута печально,
Приблизив творчества зенит.
И вдохновение не воротишь,
Запал волнующий иссяк.
Ещё безропотно хлопочешь,
Надежды погасив маяк.
Уж ни на что не претендую
За высказанный глас души,
Страницы памяти дарую,
Что вспомнились в ночной тиши.
Себя я возомнил поэтом.
Довольно тешиться мечтой,
Под маской спрятавшись при этом
Казаться кем-то – не собой,
А только тем, кем быть хотелось.
Растаял образ, мысль ушла,
Но всё ж стихами отогрелась
Моя заблудшая душа.

СОДЕРЖАНИЕ

Дорогие читатели	3
Уважаемые читатели	4
Встречи в Политехническом продолжаются.....	6
Творческая лаборатория «Высокого берега»	9
Абрамова Людмила Петровна.....	10
Александрова Галина.....	25
Алексеева Наталья Анатольевна.....	31
Беккер Андрей.....	33
Гернего Роман.....	36
Желудков Алексей.....	40
Зубков Артем.....	42
Ивакин Дмитрий.....	48
Ильин П.С.....	55
Казанцева Вера Павловна.....	57
Клименко Наталья.....	58
Коломыцев Дмитрий Сергеевич.....	60
Комиссаров Илья.....	65
Конов Виктор Николаевич.....	70
Лесков Виталий Олегович.....	88
Лескова Анастасия Валерьевна.....	92
Малашкина Анастасия.....	99
Манзанов Евгений.....	102
Мосейчук Роман.....	110
Носков Игорь.....	114
Полянский Константин.....	118
Сильвестрова Анастасия.....	123
Федотов Максим Георгиевич.....	127
Щербакова Татьяна.....	128
Письма о Политехе	134
Предисловие к проекту «Письма о Политехе»	135
Князькин Михаил.....	136
Зубарев Виктор.....	137
Панько С.П.....	139
Калюга А.Е.....	146
Лобанов Дмитрий.....	150

Гости клуба.....	158
Уважаемые читатели.....	159
Белоногов Евгений Александрович.....	161
Ехомова Ольга Ларионова.....	166
Мисюрова Надежда Владимировна.....	170
Орлов Евгений.....	178
Полежаев Александр Алексеевич.....	183
Попов Виктор Евгеньевич.....	190
Радкевич Маргарита.....	195
Топорков Евгений.....	196
 Содержание.....	 209

Составители:
Тамара Ивановна Блинникова
Людмила Петровна Абрамова

НА ВЫСОКОМ БЕРЕГУ

Сборник произведений студентов, преподавателей и сотрудников СФУ

Отв. за выпуск Е.Г. Кривоносова
Корректор: Т.И. Блинникова
Дизайн и компьютерная верстка Е.В. Пискунова, Н.В. Попова
Рисунки: Н.В. Попова, Л.В. Конева

Подписано в печать 30.07.2012г. Формат 60х84/16.
Бумага офсетная. Печать плоская.
Усл. печ. л. 13,3. Уч.-изд. л. 12.
Тираж 100 экз. Заказ 8633

Редакционно-издательский отдел
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 79
Тел/факс (391) 206-21-49. E-mail rio@sfu-kras.ru
<http://rio.sfu-kras.ru>

Отпечатано Полиграфическим центром
Библиотечно-издательского комплекса
Сибирского федерального университета
660041, г. Красноярск, пр. Свободный, 82а
Тел/факс (391)206-26-49, 206-26-58